

Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**
им. Н.А. Добролюбова

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 12

Нижний Новгород

2010

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО НГЛУ*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 12. – Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2010. – 224 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В. Плисов (*отв. секретарь*),
В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман,
В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва),
Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов,
М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, М.С. Ретунская,
Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина,
В.М. Строецкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин,
Э.Д. Фролова (Санкт-Петербург), А.Н. Шамоу, Л.Е. Шапошников,
Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция),
У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия),
С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

УДК 81'25 (060.55)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2010

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 12

Nizhny Novgorod

2010

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 12. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2010.
– 224 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B.Zhigalev

Editorial Board:

E.Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E.Plisov (*Executive Secretary*),
V.Bukharov, M.Vikulina, M.Grachev, E.Dmitryeva, V.Zusman,
V.Karasik (Volgograd), Z.Kirnoze, L.Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L.Lvov, M.Nikola (Moscow), O.Oberemko,
E.Porshneva, M.Retunskaya, E.Savrutskaya, T.Sineokova, V.Sdobnikov,
O. Senyutkina, V.Strogetsy, A.Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
E. Frolova (St-Petersburg), A.Shamov, L. Shaposhnikov, D.Boxer (USA),
D.Markey (Belgium), D.Millet-Gérard (France), U.Renner-Henke (Germany),
M.Ruep (Germany), K.Fliedl (Austria), S.Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

А.С. Банков (<i>Нижний Новгород</i>) Исследование тембра и его гендерных особенностей с помощью компьютерной программы «Просодия 1.0»	11
Т.Н. Великода (<i>Владивосток</i>) Когнитивно-эвристический потенциал термина	20
С.В. Воробьева (<i>Волгоград</i>) Лингвосомиотическая специфика англоязычного средневекового гастрономического дискурса	32
И.И. Каштанова (<i>Саранск</i>) Концептосфера защиты в английской лингвокультуре	43
П.Н. Кононова (<i>Москва</i>) Эмотивный компонент значения как составляющая национально-культурного своеобразия фразеологических единиц сферы человеческих отношений (на материале французского языка)	53
М.А. Кострова (<i>Москва - Нижний Новгород</i>) Роль заимствований-гайрайго в системе глагольной синонимии современного японского языка	61
М.А. Мазанова (<i>Нижний Новгород</i>) Ксеногенная изотопия и аспекты ксеногенности субъектов коммуникации художественного текста	69
С.В. Муратова (<i>Нижний Новгород</i>) Композиты с реляционной семантикой в современном немецком языке	78
Е.В. Наумова (<i>Нижний Новгород</i>) Лингвистический аспект проблемы психологизма в прозе А.С. Пушкина	86

Н.Н. Прокопьева (<i>Нижний Новгород</i>) Оценочный потенциал немецких фразеологизмов и паремий, вербализующих концепт «возраст»	99
--	----

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

E. Schenkel (<i>Leipzig, Germany</i>) The Haunted Train. Ghostly Technology as an International Theme in Fiction	107
---	-----

Е.А. Воронина (<i>Нижний Новгород</i>) Анималистика Франсуа Мориака (на материале «Bloc-notes»)	120
---	-----

И.В. Никитина (<i>Нижний Новгород</i>) У. Уитмен и П.Б. Шелли: сравнительное изучение темы поэта в «Листьях травы» и «Защите поэзии»	130
---	-----

Ю.В. Стулов (<i>Минск, Беларусь</i>) Переосмысление истории в современном афроамериканском романе	140
--	-----

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.И. Бегенева (<i>Москва</i>) Иноязычный неадаптированный текст: онлайн-овая технология обучения быстрому чтению	155
---	-----

Н.В. Маяковская (<i>Шуя, Ивановская область</i>) Сущность аксиологического подхода и его применение в системе профессиональной подготовки будущего врача	164
---	-----

Е.Ю. Осьмакова (<i>Москва</i>) Коммуникативная модель организации образовательного пространства в негосударственном вузе	173
---	-----

Л.А. Серикова, Т.И. Шукшина (<i>Саранск</i>) Духовно-нравственное воспитание и религиозное просвещение школьников в современных условиях	182
---	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М.Б. Ротанова (*Нижний Новгород*)
Теория понимания в работах немецких философов XIX-XXвв. 193

П.П. Шитихин (*Нижний Новгород*)
Место религиозного фактора в историософских построениях
Н.Я. Данилевского и Л.Н. Гумилева 201

ХРОНИКА

Вторая Международная научно-практическая конференция
«Религии России: проблемы социального служения» 209

Международная научная конференция «Русский акцент в
мировой культуре: литература, искусство, перевод», Нижний
Новгород – Городец, 20-21 мая, 7-9 октября 2010 г. 214

Вторая Всероссийская научная молодежная конференция
«Перевод как фактор развития науки и техники в
современном мире», 8–10 ноября 2010 г. 219

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Andrey Bankov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Timbre and Computer-Based Study of its Gender Characteristics Conducted with Prosodiya 1.0 Software	11
Tatyana Velikoda (<i>Vladivostok</i>) The Cognitive-Heuristic Potential of Terms	20
Svetlana Vorobjova (<i>Volgograd</i>) Linguo-Semiotic Peculiarities of the English Medieval Gastronomic Discourse	32
Irina Kashtanova (<i>Saransk</i>) The Concept Sphere <i>Protection</i> in the English Linguoculture	43
Polina Kononova (<i>Moscow</i>) The Emotive Component as an Expression of National and Cultural Peculiarities of Phraseological Units Describing Human Relationships	53
Maria Kostrova (<i>Moscow - Nizhny Novgorod</i>) The Role of Loan Words (<i>Gairaigo</i>) in the System of Verb Synonymy in the Modern Japanese Language	61
Maria Mazanova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Xenogenetic Isotopy and Xenogenetic Aspects in Speaking Subjects of Literary Texts	69
Svetlana Muratova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Composites with Relational Semantics in the Modern German Language	78
Elena Naumova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Language of Psychological Insight in A.S. Pushkin's Prose	86
Nadezhda Prokopyeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) Evaluation Potential of German Phraseological Units, Proverbs and Sayings, Dealing with the Concept of Age	99

CROSS-CULTURAL ASPECT OF LITERARY DISCOURSE

Elmar Schenkel (<i>Leipzig, Germany</i>) The Haunted Train. Ghostly Technology as an International Theme in Fiction	107
Elena Voronina (<i>Nizhny Novgorod</i>) Animalistic Imagery in François Mauriac's <i>Bloc-Notes</i>	120
Irina Nikitina (<i>Nizhny Novgorod</i>) W. Whitman and P.B. Shelley: A Comparative Study of the Poet Theme in 'Leaves of Grass' and 'A Defense of Poetry'	130
Yuriy Stulov (<i>Minsk, Belarus</i>) Rethinking History in the Contemporary African American Novel	140

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

Elena Begeneva (<i>Moscow</i>) Unadapted Foreign Language Text: An Online Speed Reading Technology	155
Natalya Mayakovskaya (<i>Shuya, Ivanovo region</i>) An Axiological Approach to Teacher Training and its Application in the Professional Training of Medical Students	164
Elena Osmakova (<i>Moscow</i>) The Communicative Model of Educational Process Organization in Private Universities	173
Larisa Serikova, Tatjana Shukshina (<i>Saransk</i>) Spiritual and Moral Education and Religious Instruction in Modern Secondary Schools	182

CURRENT ISSUES IN HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION

Mira Rotanova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Theory of Comprehension in the Works of German Philosophers of the XIX-XX centuries	193
Pavel Shitihin (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Role of the Religious Factor in the Historiosophic Models of N.Ya. Danilevsky and L.N. Gumilev	201

CHRONICLE

II International Conference “Religions of Russia: Issues of Public Service”	209
International Research Conference “The Russian Voice in the Global Culture: Literature, Arts, Translation”, Nizhny Novgorod – Gorodets, 20-21 May and 7-9 October, 2010.....	214
II Russian Conference for Young Researchers “Translation as a Factor in the Development of Science and Technology in the Modern World”, 8–10 November 2010.....	219

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 81'342.1-055:004.4

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕМБРА И ЕГО ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ С ПОМОЩЬЮ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРОГРАММЫ «ПРОСОДИЯ 1.0»*

А. С. Банков

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье дан обзор различных подходов к определению понятия «тембр» и описан разработанный автором способ анализа гендерных особенностей тембра с помощью компьютерной программы «Просодия 1.0», которая позволяет значительно упростить процесс аудиторского исследования всех элементов фразовой просодии.

Ключевые слова: фонетика; тембр; гендер; фразовая просодия; компьютерная программа; аудиторский анализ.

Timbre and Computer-Based Study of its Gender Characteristics Conducted with Prosodiya 1.0 Software Andrey Bankov

The article describes the timbre aspect of phrasal prosody auditory analysis technique, worked out by the author, focusing on gender peculiarities. The research was conducted with the help of Prosodiya 1.0 software, which makes analysis of phrasal prosody simpler and more effective.

Key words: phonetics; timbre; phrasal prosody; computer software; auditory analysis.

В последние годы благодаря внедрению компьютерных технологий появилась возможность проводить точные автоматизированные расчеты в области фонетики. Данная статья посвящена анализу тембровых характеристик женщин и мужчин посредством разработанной автором компьютерной программы «Просодия 1.0». Поскольку тембр – один из самых спорных компонентов просодии, представляется целесообразным предварительный обзор различных трактовок данного термина.

* Статья подготовлена в рамках тематического плана НИР ГОУ ВПО НГЛУ по заданию Минобрнауки РФ.

По мнению специалистов, «роль тембра в передаче смысловых оттенков настолько велика, что в целом ряде случаев сам этот термин стал использоваться вместо устоявшегося и широко принятого термина “интонация”, хотя имел практически то же самое значение, т.е. являлся терминологическим дуплетом» [1]. В музыке под тембром понимается качество музыкальной ноты, звука или тона, которые различают виды производства звука, голоса или музыкальных инструментов. Физические характеристики звука, регулирующие восприятие тембра, включают спектр и огибающую. В психоакустике тембр также известен как качество тона или его окраска. Например, тембр – это то, при помощи чего человек, имея некоторый опыт, может отличить саксофон от трубы в оркестре, даже если оба инструмента играют ноты на одной высоте и одинаково громко [2]. Существует даже мнение, что тембр – это атрибут «мусорной корзины» или ее категория для всего, что не может быть квалифицировано как высота или громкость [3].

Осознавая столь неоднозначное понимание изучаемого явления, специалисты кафедры английского языка филологического факультета МГУ предложили разграничить термин «тембр» в исключительно фонетическом употреблении, назвав его «тембр 1», и в новом, более широком филологическом смысле, обозначая его термином «тембр 2». Первый определяется как окраска голоса, сообщаемая обертонами, накладываемая на основную частоту. Второй понимается как специфическая сверхсегментная окраска речи, придающая ей экспрессивно-модальные свойства [1].

Анализ показывает, что в фонетике до сих пор нет единого механизма описания качества голоса. «Пожалуй, единственной формулой, которая широко используется здесь как фонетистами, так и неспециалистами, является “*прил.+голос*”» [1] (курсив автора – А. Б.). При этом, благодаря определяющему прилагательному, понятие голоса становится настолько широким, а характер определения настолько индивидуальным, что описание в целом зачастую теряет всякую системность и нередко нуждается в демонстрации. Это особенно присуще явлениям, обозначаемым термином «тембр 2», где употребление слова «голос», по-видимому, подразумевает общий эффект звучания или, как это часто случается, даже общее впечатление о поведении человека, а не о его/ее голосе.

Понятие «голос» в рамках термина «тембр 1» выгодно отличается тем, что голос определяется четко и однозначно как звук, образуемый колебаниями напряженных голосовых связок, вызванных давлением выдыхаемого воздуха. Таким образом, тембр как модуляция голоса, возникающая в надглоточных образованиях, вторичен по отношению к голосу и является его сопровождающей характеристикой, придающей голосу различные оттенки. Экспериментальная фонетика различает шесть основных качеств голоса: звонкость, или модальный голос, шепот, скрип, хрип, придыхательность и фальцет [1]. Думается, что данную классификацию можно расширить, включив в нее еще одно важное свойство голоса: гнусавость или назальное качество. Таким образом, в настоящей работе выделяется семь основных качеств голоса: звонкость, шепот, скрип, хрип, придыхательность, фальцет и гнусавость.

Предполагается, что набор тембров, свойственных женщинам и мужчинам, может оказаться разным, поэтому исследование гендерного фактора во фразовой просодии учитывает также и показатель качества голоса. Стоит отметить, что рассмотрению подвергается только «тембр 1», так как данный термин, в отличие от «тембра 2», обладает строгими перцептивно-фонетическими критериями его определения.

Выбранный метод выявления тембровых характеристик диктора – это метод семантической дифференциации, где сначала создается серия парных противопоставлений слов, обозначающих родственные, но различные понятия или состояния, например: «холодный VS горячий» или «веселый VS грустный» и т.п., где каждая пара описывает два крайних состояния какого-либо признака. Затем создается шкала оценки явления по данному признаку, имеющая следующий вид: «холодный 3 2 1 0 1 2 3 горячий», где цифры показывают степень выраженности признака. В таком виде пара предъявляется испытуемому, задача которого состоит в том, чтобы оценить выраженность признака и проставить соответствующую оценку. В рамках настоящего исследования оппозиционные пары составлены из набора семи вышеупомянутых тембров. Они близки друг другу, т.к. характеризуют одно и то же явление – голос, и вместе с тем различны в силу того, что каждый из них представляет собой

особое качество голоса. Формирование пар происходит по следующему алгоритму:

- создается полная матрица возможных событий из семи значений по горизонтали и тех же значений, записанных в том же порядке, по вертикали (см. таблицу 1);
- матрица содержит 49 комбинаций, однако не все они входят в тестовый вопросник;
- значения, попавшие в «диагональ» (выделена темно-серым), исключаются, т.к. пара оказывается состоящей из повтора одного и того же признака;
- поскольку оставшиеся две половины матрицы (светло-серая и белая) лишь зеркально повторяют друг друга, в тестовый вопросник можно включить лишь одну из них.

	звонкость	шепот	скрип	хрип	придыхательность	фальцет	гнузавость
звонкость	звонкость-звонкость	звонкость-шепот	звонкость-скрип	звонкость-хрип	звонкость-придыхательность	звонкость-фальцет	звонкость-гнузавость
шепот	шепот-звонкость	шепот-шепот	шепот-скрип	шепот-хрип	шепот-придыхательность	шепот-фальцет	шепот-гнузавость
скрип	скрип-звонкость	скрип-шепот	скрип-скрип	скрип-хрип	скрип-придыхательность	скрип-фальцет	скрип-гнузавость
хрип	хрип-звонкость	хрип-шепот	хрип-скрип	хрип - хрип	хрип-придыхательность	хрип-фальцет	хрип-гнузавость
придыхательность	придыхательность-звонкость	придыхательность -шепот	придыхательность-скрип	придыхательность-хрип	придыхательность-придыхательность	придыхательность-фальцет	придыхательность-гнузавость
фальцет	фальцет-звонкость	фальцет-шепот	фальцет-скрип	фальцет-хрип	фальцет-придыхательность	фальцет-фальцет	фальцет-гнузавость
гнузавость	гнузавость-звонкость	гнузавость-шепот	гнузавость-скрип	гнузавость-хрип	гнузавость-придыхательность	гнузавость-фальцет	гнузавость-гнузавость

Таблица 1. Матрица комбинаций качеств голоса

Таким образом, в тест, создаваемый для выяснения тембровых характеристик голосов дикторов, включается только 21 оппозиционная пара.

Результаты исследования тембров дикторов затем подвергаются статистической обработке с целью устранения индивидуальных различий и выявления общегрупповых тенденций.

Материалом исследования послужили фрагменты речи американцев социальной группы «upper middle class» в возрасте 36–60 (10 мужчин и 10 женщин). Исследование проводилось в два этапа: сначала анализировалось неподготовленное чтение вслух, затем – спонтанное говорение. На каждом этапе рассматривались субстанциональные и функциональные характеристики данных видов речевой деятельности.

В компьютерной программе «Просодия 1.0» модуль «Тембр» является последним интерфейсным этапом работы. После завершения этого этапа программа продолжает работу только в автоматическом режиме. Процедура оценки тембра голоса диктора довольно проста. Аудитор включает воспроизведение фонограммы с самого начала и не прерывает его до завершения задания или окончания фонограммы. Во время звучания фонограммы пользователю в случайном порядке предъявляется 21 оппозиционная пара различных тембровых характеристик и шкала оценок от одного члена пары до другого. Двигая курсор по шкале и фиксируя нужное значение нажатием клавиши «пробел» или «Enter», аудитор производит оценивание качеств голоса диктора. Пользователь также имеет возможность просмотреть и при необходимости отредактировать присвоенные оценки. Все значения сохраняются и записываются в отчет. В таблице, в столбце «Качество голоса», перечислены все семь тембровых качеств, которые проанализировал аудитор. В столбце «Накопленная оценка», напротив каждого из тембровых качеств, указано количество баллов, которое данная характеристика набрала в ходе опыта.

Разумеется, получением отчета об аудиторском анализе работа с речевым материалом не ограничивается. Данные аудиторского анализа далее используются не только для сопоставления с результатами акустического анализа, но и для корректировки последнего, показывая, на каких аспектах следует сконцентрировать большее внимание.

На первом этапе, согласно данным аудиторского анализа, оценки тембровых характеристик голосов дикторов во время неподготовленного чтения вслух в гендерных группах распределились следующим образом:

Качество голоса	Накопленная оценка (баллы)	
	Мужчины	Женщины
гнусавость	7,9	2,6
звонкость	4,7	14,3
придыхательность	3	1,4
скрип	9,7	3,3
фальцет	0	7
хрип	3,3	0,1
шепот	0	0

Таблица 2. Среднее значение накопленных оценок тембровых характеристик

Визуальное представление данных таблицы приведено ниже:

Как видно из таблицы 2 и графика 1, мужские голоса характеризуются в основном комбинацией таких качеств голоса, как «скрип», «гнусавость» и «звонкость», в отличие от женских голосов, которые в большинстве случаев были определены, прежде всего, как «звонкие», часто срывающиеся в «фальцет». Следует отметить, что ни один из мужских голосов ни разу не получил оценки «фальцет», в то время как женские голоса получили по этому параметру 7 баллов, сделав, таким образом, данную тембровую характеристику второй по количеству набранных баллов среди женщин. «Скрип», «гнусавость» и «придыхательность» мало свойственны женским голосам. Оценка «шепот» также ни разу не фигурировала ни в мужской, ни в женской группе, что свидетельствует о том, что, читая текст вслух, респонденты отправляли речевое сообщение партнеру по коммуникации, а не себе самим.

Спектральный анализ голосов дикторов позволил выявить следующие групповые особенности:

Параметр	Мужчины	Женщины
среднее количество гармоник	10,9	15,1
среднее «расстояние» первой гармоники от частоты основного тона	798,3 Гц	677,1 Гц
среднее «расстояние» между гармониками	694,3 Гц	596,7 Гц
среднее «расстояние» от первой до последней гармоники	2112,0 Гц	2493,9 Гц

Таблица 3. Результаты спектрального анализа

Как видно из таблицы 3, количество гармоник у женщин почти в полтора раза превышает аналогичный показатель у мужчин. При этом гармоники женских голосов располагаются в среднем на 121,2 Гц ближе к нулевой форманте (F0), чем гармоники мужских голосов. Промежутки между гармониками у женщин меньше, чем у мужчин в среднем на 97,6 Гц, но «полоса гармоник» (расстояние от первой гармоники до последней, исключая F0) у женщин шире, чем у мужчин в среднем на 381,9 Гц. Разумеется, отклонения от данных, полученных во время неподготовленного чтения вслух, имеют место, но они не превышают величин стандартного отклонения, в связи с чем считаются недостоверными. Опираясь на результаты инструментального исследования тембровых характеристик голосов, можно отметить, что, в целом, за единицу времени **среднестатистический женский голос передает больше звуковой информации, чем мужской**. Думается, однако, что различия между тембровыми характеристиками мужских и женских голосов не могут считаться собственно гендерными, так как тембровые характеристики голосов зависят в основном от биологических факторов, а не социальных.

Во время спонтанного говорения было отмечено, что тембровые характеристики голосов дикторов не претерпевают каких-либо существенных изменений ни в аспекте восприятия (аудиторский анализ), ни в аспекте физических характеристик (спектральный анализ). Следовательно, необходимость отдельного рассмотрения тембра как просодического параметра при спонтанном говорении отсутствует.

В перспективе представляется возможным развить тембральную тематику с применением компьютерных технологий по следующим

направлениям: установление (проверка) частот обертонов, свойственных для тембров, т.е. самих частот обертонов (ЧОТ), их набора и наличия или отсутствия закономерных отношений между набором обертонов, составляющих определенный тембр, и частотой основного тона. Думается, что такие закономерные отношения имеют место и могут быть установлены и статистически подтверждены на материале высказываний нескольких дикторов. В случае наличия закономерных, т.е. статистически достоверных, отношений между обертонами тембров и частотой основного тона, при помощи полученных в результате данных можно будет прогнозировать и моделировать с определенной долей вероятности звучание конкретной тембровой окраски конкретного голоса и определять, как будет звучать тот или иной голос, если человек, например, простудился, запыхался, волнуется, устал и т.п. При этом вопрос об определении наборов постоянных и временных свойств голоса пока остается открытым и требует дальнейшего исследования. Для этих целей может быть предложена следующая двухступенчатая методика:

1. Сбор речевого материала нескольких дикторов для аудиторского и акустического анализов, где голос предьявляется в «нейтральном» состоянии и с тембровым оттенком. Подобных оттенков – 7 основных (чистых), а остальные – смешанные. В идеальном случае необходимо установить соответствие между «нейтральным» и тембрально окрашенным голосом одного и того же диктора. В случае со смешанными тембровыми оттенками может возникнуть необходимость выделения доминирующих и второстепенных тембров, что представляет собой крайне сложную задачу в связи с высокой степенью субъективности оценки.
2. Проведение статистических исследований с целью выявления закономерностей. Данный момент особо важен, поскольку может оказаться, что появление определенных тембровых характеристик не подчиняется устойчивым, т.е. математическим, закономерностям, и в этом случае изложенная выше гипотеза опровергается. При наличии закономерных отношений между обертонами и ЧОТ можно попытаться смоделировать звучание голоса с тембровыми оттенками и провести перцептивный эксперимент, где испытуемому предьявляется голос с искусственно смоделированным тембровым оттенком для проверки выявленных закономерностей.

Библиографический список

1. Конурбаев М.Э. *Стиль и тембр текста: Учеб. пособие.* М.: Макс Пресс, 2002. 328 с.
2. Википедия // Электронный ресурс Интернет: <http://en.wikipedia.org/wiki/Timbre>
3. McAdams S., Bregman A. *Hearing Musical Streams // Computer Music Journal.* 1979. № 4. С. 26-43.

Сведения об авторе

Банков Андрей Сергеевич
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
английского языка и американистики
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: pr@lunn.ru

УДК 811.111'37:001.4:55

КОГНИТИВНО-ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРМИНА*

Т.Н. Великода

*Институт биологии моря им. А.В. Жирмунского
Дальневосточного отделения РАН, Владивосток*

На примере английских геологических терминов автор рассматривает когнитивно-эвристический потенциал терминологической единицы как фактор научного “предзнания”. Термин определяется как комплексная единица, сочетающая признаки и свойства языковой и ментальной сферы. Формирование когнитивно-эвристического потенциала термина связано с его компонентной структурой, вхождением его как языковой единицы в соответствующее семантическое поле, а также наличием у термина концептуального фона. В качестве исследовательского материала использованы словарные значения английской лексики.

Ключевые слова: термин, когнитивно-эвристический потенциал, семантическое поле, компонентная структура, концептуальный фон.

The Cognitive-Heuristic Potential of Terms

Tatyana Velikoda

Using English geological terms, the author investigates the cognitive-heuristic potential of terms as a factor in the researcher’s “preliminary knowledge”. The term is defined as a complex unit comprising features and properties of both language and mind. Formation of a term’s cognitive-heuristic potential is related to the term’s componential structure, its participation as a language unit in a corresponding semantic field, and also to its conceptual background. The study also offers lexicographic examples of some English words.

Key words: term, cognitive-heuristic potential, semantic field, componential structure, conceptual background.

В последнее время в отечественном языкознании в рамках когнитивно-лингвистического и терминоведческого подходов начинает складываться совершенно новое направление – когнитивное терминоведение (В.М. Лейчик, Е.С. Кубрякова, Л.А. Манерко, В.Ф. Новодранова, С.В. Гринёв-Гриневич, Л.В. Ивина, С.Л. Мишланова, М.Н. Володина, Е.И. Голованова, Д.Н. Новиков, С.Е. Никитина и др.). В.М. Лейчик определяет когнитивное терминоведение как новый (пятый) этап в истории терминоведения и устанавливает временные

* Автор статьи выражает благодарность и глубокую признательность Михаилу Львовичу Гельману (СВКНИИ ДВО РАН, Магадан) за содержательные консультации и помощь в подборе материала.

рамки его зарождения с конца 1990-х годов XX века и особенно с 2001 года [1. С.121-122]. С позиций когнитивно-коммуникативного терминоведения основной функцией терминологии является то, что “отражая окружающую действительность и представляя её в виде разнообразных номинативных единиц, она покрывает строго определённые участки человеческого знания о мире (экстралингвистические знания) и знания о языке (лингвистические знания)” [2. С. 36-37]. Термин предстаёт как средство вербализации (кодирования) специального концепта, одновременно являясь “именем сгустка смысла” [3. С. 29], сочетая при этом и объективное знание, и его субъективную составляющую. Термин, наряду с другими знаковыми средствами, способствует открытию нового знания, т. е. обладает эвристической функцией: “находясь в “узлах” определённой теории или концепции, термины являются нередко точками роста этой теории” [4. С.21]. Возникло понятие “когнитивной насыщенности” термина, под которой понимается степень точности и полноты его дефиниции, его системный статус, репрезентация специального (научного) концепта и пр. [5]. Термин имеет статус компонента динамической модели языка, в котором диалектически сочетаются стабильность знаковой системы и процессы её постоянного переосмысления. С одной стороны, это коррелирует некоторой ментальной операции в сознании субъекта, а с другой – универсальная языковая категория, обладающая общими свойствами языкового знака. В настоящее время уже выполнен целый ряд исследований терминологических единиц и терминосистем в русле когнитивного терминоведения. В качестве примеров можно привести работы Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой в области медицинского дискурса, Л.В. Ивиной по венчурному финансированию, Е.И. Головановой в сфере когнитивной терминологии, Е.И. Трушиной по терминосистемам криминалистики и криминологии и др. Терминологизация общеупотребительной лексики (семантическое терминообразование) есть, с одной стороны, следствие, а с другой стороны, механизм перехода от наивно-бытовой картины мира к научной в сознании субъекта, что, по нашему мнению, предопределяет подход к этому явлению с позиций когнитивного терминоведения. При этом мы исходим из постулата о том, что именно когнитивно-эвристическая функция является базовой функцией термина, и что “термин появляется в результате

концептуализации как речемыслительной операции, обеспечивающей переход от первоначально субъективных представлений к субъективно-объективному языковому знаку в процессе вербализации специальных концептов в форме слов или словосочетаний – лексических единиц языков для специальных целей” [1. С.124]. Именно процессы терминологизации (семантического терминообразования), по нашему мнению, наиболее ярко демонстрируют когнитивно-эвристическую сущность термина как коррелята ментальной операции когницирующего субъекта в динамической модели языка.

Цель данной статьи - рассмотреть когнитивно-эвристический аспект семантического терминообразования с учётом полевого статуса термина и его компонентной структуры (на примере английских геологических терминов).

Терминологическая микросистема как семантическое поле

Как известно, основная функциональная характеристика научно-технических текстов – это их информативная насыщенность, которая, в первую очередь, связана с терминологической лексикой. Именно слова и словосочетания, обозначающие специальные объекты и понятия той или иной области науки или техники, обеспечивают трансляцию знания как в историческом (диахроническом) плане, так и на синхронном срезе научной сферы. Одним из последних достижений в теории терминоведения является концепция термина как единого трёхуровневого комплекса, в содержательную структуру которого входит языковой субстрат, логический суперстрат и собственно терминологическая составляющая термина, связанная со специальным (научным) понятием [4. С.74]. При этом термин обладает системностью и как языковая единица, и как единица ментальной сферы, репрезентирующая логическое и специальное понятия. Рассмотрим языковую системность термина. По определению А.А. Уфимцевой, в системе языка существуют следующие смысловые связи слов: связь слова с обозначаемым предметом или явлением материального мира, зависимость значений слова от культурно-исторических и социально-экономических условий, обусловленность лексических значений другими языковыми сферами, взаимообусловленные связи слов в пределах лексико-

семантической системы (синонимичные, антонимичные ряды слов, предметно-смысловые и экспрессивно-стилистические группы слов) и др. [6. С.9-10]. В рамках данной статьи нас интересуют именно синонимичные и антонимичные ряды, которые, как правило, изменяются при терминологизации общеупотребительной лексики. При этом отметим, что принадлежность языковой единицы к определённому лексическому полю обеспечивает её системный статус как в пределах языковой сферы, так и в терминах логико-понятийных отношений, а также в области специальных знаний. Лексическое поле мы понимаем как поле семантическое, в пределах которого структурные отношения между лексемами определяются их нелинейными парадигматическими и линейными синтагматическими отношениями (в рамках данной статьи мы не рассматриваем словообразовательные гнёзда). Слово (термин) есть минимальная зависимая единица, существующая благодаря наличию семантического поля (терминологической микросистемы), которое формирует и поддерживает нелинейные парадигматические и линейные синтагматические связи и отношения. При этом семантическое (лексическое) поле существует не только на уровне языкового сознания, но, являясь когнитивной единицей мышления, оно репрезентировано и на ментальном уровне сознания субъекта, познающего тот или иной фрагмент действительности. Когнитивный аналог семантического поля, представляя собой смысловую репрезентацию фрагмента действительности, интериоризуется в сознании индивидуума в виде фреймовой структуры, которая обеспечивает организацию семантической информации в голове благодаря наличию узлов связи – узлов [7. С.20]. В качестве примера мы приводим английскую типовую петрологическую классификацию пород, отражающую качественный признак их состава в зависимости от содержания кремнезёма. Это *кислые породы (acidic rocks)*, *основные (basic rocks)* и *средние (intermediate rocks)*. - Перед нами устойчивый терминологический комплекс или терминологическая микросистема.

Научное понятие “состав породы” (“rock composition”) есть неотъемлемая часть соответствующего научного концепта (микрконцепта), образующая его содержательное ядро. Смысловые связи в пределах как научного микрконцепта, так и научного понятия обеспечиваются за счёт стереотипизации отношений в

пределах соответствующей фреймовой структуры. Разница между научным концептом и научным понятием на вербальном уровне заключается в том, что научное понятие обозначается термином, который сопровождается строгой терминологической дефиницией понятия, представляющим собой, с точки зрения когнитивной лингвистики, фреймовую структуру. В отличие от научного понятия, научный концепт вербализуется с помощью не только терминологических, но и иных дискурсивно-языковых средств, репрезентирующих, в том числе, историческую языковую, социологическую и общекультурологическую компоненты научного концепта (с соответствующими фреймовыми структурами). Именно концептуальная составляющая и образует некий образно-понятийный фон термина, включая результат как исторического, так и социально-культурологического знания (сознания) индивидуума или коллектива. По нашему мнению, подобный образно-понятийный фон, являясь принадлежностью ментальной сферы, и соответствующее семантическое (лексическое) поле как принадлежность языковой сферы индивидуума (коллектива) и образуют совместно когнитивно-эвристический потенциал терминологической лексики.

Итак, рассмотрим микросистему “состав пород” с точки зрения её принадлежности к определённом семантическому полю, т.е. наличия соответствующих парадигматических и синтагматических связей. Оговоримся, что в рамках данной статьи, мы приводим только наиболее существенную лексикографическую информацию, имеющую значение для нашего исследования.

Словарь геологических терминов содержит следующие определения [8]:

Acidic – кислый. **1.** Син. термина *silicic*. Кислые породы – одна из четырёх групп пород широко используемой классификации изверженных пород, основанной на содержании в них кремнезёма: кислые (*acidic*), средние (*intermediate*), основные (*basic*) и ультраосновные (*ultrabasic*).

Basic – основной. **1.** Определение изверженных пород со сравнительно низким содержанием кремнезёма; иногда верхний предел содержания SiO_2 произвольно устанавливают в 54% (хотя это значение различно у разных петрологов); напр., габбро, базальты. Основные породы составляют один из четырёх классов горных пород в широко распространённой классификации по содержанию

кремнезёма: кислые (*acidic*), средние (*intermediate*), основные (*basic*) и ультраосновные (*ultrabasic*).

Intermediate – средние. Изверженные породы, промежуточные по составу между основными и кислыми, содержащие от 54 до 65% кремнезёма, напр., сиенит и диорит.

Приведённые лексикографические данные свидетельствуют о том, что данная терминологическая микросистема базируется на логических отношениях антонимичности (контрарной противоположности): *acidic – intermediate – basic* (*кислые – средние – основные*), отражая тем самым философско-гносеологические основы некоторого фрагмента реальности. Отметим, что на уровне общеупотребительной лексики соответствующая понятийная микросистема характеризуется отношениями комплементарной противоположности: *sour – sweet* (*кислый – сладкий*). Кроме отношений антонимичности, рассматриваемая микросистема демонстрирует некоторую синонимию, связанную, впрочем, с историческими корнями терминологической лексики, что позволяет говорить о терминологической дублетности в данном конкретном случае: *acidic – acid – silicic*, а также частичный синоним *felsic*; *intermediate – mediosilicic*. Линейные синтагматические отношения находят своё выражение в фиксированных терминологических сочетаниях: *acidic rocks, acid plagioclase, acid soil, intermediate rocks, basic rocks*. Именно парадигматические отношения антонимичности и синонимичности и синтагматические возможности перечисленных терминов обеспечивают, с одной стороны, системный характер данного терминологического комплекса в пределах языковой сферы, а с другой стороны, участвуют в формировании общеконцептуального фона конкретного термина на уровне ментальной сферы. И языковая системность термина, и его общеконцептуальный фон есть манифестация системности научного знания и свидетельство эвристичности термина, позволяющей формировать научное “предзнание”. Наличие подобного общеконцептуального фона позволяет необходимым образом идентифицировать как общеупотребительную, так и терминологическую лексику. Например, можно сказать *кислющий вкус – a strong sour taste, кислотный дождь – acid rain, базовый лагерь – base camp, промежуточный пункт – transitional point*, но: *кислые*

породы – acid rocks, основные породы – basic rocks, средние породы – intermediate rocks.

Таким образом, данная терминологическая микросистема (семантическое поле) обеспечивает соответствующий терминологический статус входящих в неё лексических единиц, и, наряду с обобщенно-концептуальным фоном, является фактором их когнитивно-эвристического потенциала.

Компонентная структура термина

Метод семантического (лексического) поля имеет непосредственное отношение к компонентному методу, поскольку включённость лексической единицы в ту или иную семантическую область определяется также и совокупностью элементарных смыслов (сем). Сема понимается как единица внутриязыкового содержания, представляющего мир человеческой когниции, т.е. внеязыкового содержания. Сема функционирует как семантический код для внеязыковой информации, но при этом ещё и организует каждое значение в языковой системе, соотнося его с определённой парадигмой, синтагмой, словообразовательным гнездом, семантическим полем и т.д. [7. С.28]. Уже на интуитивном уровне сознания обнаруживается связь между компонентной структурой значения и семантическим полем, в котором это значение реализуется [7. С.30]. Продемонстрируем соотнесённость компонентной структуры слова с его принадлежностью к определённому семантическому полю, определяемой соответствующими синтагматическими и парадигматическими отношениями. В качестве примера рассмотрим процессы терминологизации английской общеупотребительной лексики, представленной словами *acid (acidic), base (basic) и intermediate*. В этих словах представлена гносеологическая категория признаковности, которая манифестирует себя в категориально-грамматической семе “признак предмета” и уточняется посредством лексико-грамматических сем, а конкретное содержание признака объективируется категориально-лексической семой и уточняющими лексическими семами, которые могут выступать в функции интегральных и дифференциальных признаков. Различные лексикографические источники дают следующие определения:

Словарь Вебстера [9]:

²Acid *n* **1**: a sour substance **2a**: a compound (as hydrochloric acid, sulfuric acid, or benzoic acid) capable of reacting with a base to form a salt и пр.

Acidic *adj* [²acid + -ic] **1**: acid-forming (silicon is the chief acidic element of rocks)...

¹Base *n* **1a**: the bottom of something considered as its support *и пр.*; **8a**: a compound (as lime, ammonia, a caustic alkali, or an alkaloid) capable of reacting with an acid to form a salt, *и пр.*

Basic *adj* [¹base + -ic] **1**: of , relating to, or forming the base or essence: FUNDAMENTAL, ESSENTIAL, IRREDUCIBLE...; **4 of rocks**: containing relatively little silica : SUBSILIC – opposed to *acid*...;

³Intermediate *n* **1**: something intermediate: a term, member, class, or quality between others of a series **4**: a chemical compound formed as an intermediate step between the starting material and the final product

БАРС [10]:

Acid *n* кислота

Acidic *a мин.* кислый

Base *n* **1**. основа, основание *и пр.*; **8**. хим. основание

Basic *a* **3**. 1) *мин., геол.* основной, базитовый; базальный; ~ госк основная порода, базит; ~ магма основная/базальная магма

Intermediate **I n** **1**. 1) промежуточное звено; 2) посредник (*о человеке*); **2**. биол. Промежуточный вид, промежуточная форма; **3**. хим. 1) промежуточное соединение; 2) полупродукт; **4**. эк. Промежуточный продукт.

Представленный лексикографический материал позволяет нам сделать вывод о том, что гносеологическая категория признаковости, объективируемая посредством категориально-грамматической и лексико-грамматической сем, находит своё выражение как в масштабах обыденной, так и научной картины мира. При этом происходит трансформация соответствующих лексических значений общеупотребительных слов, которые подвергаются процессам терминологизации. Термин *intermediate (rocks)*, отражающий петрологический состав породы как промежуточный между кислым и основным типами, развился на основе общеупотребительного слова со значением категориально-лексической семы “причинно обусловленное местонахождение между объектами”: *intermediate* - “промежуточный”, “переходный”, “средний” и пр. Указанная

категориально-лексическая сема сохраняется в термине, но приобретает новое значение, обусловленное научным контекстом. Данный процесс терминообразования мы определяем как терминологическую специализацию.

Термин *acidic (rocks)* развился на основе общеупотребительного слова *acid* (“a sour substance”), который также лёг в основу термина *acid* – “кислота”. Категориально-лексическая сема общеупотребительного слова определяется как “(имеющий) острый терпкий вкус”. Кислые породы называются так в связи с тем, что по своему составу они перенасыщены кремнекислотой, а сам термин “кислота” связан с наличием ионов водорода, обуславливающих характерный острый привкус водных растворов кислот. Таким образом, качественный признак характерного вкуса был перенесён в значения соответствующих терминов, в том числе, в терминологическое словосочетание *кислые породы - acidic rocks*. Бытовая картина мира сменилась научной, а данный конкретный пример терминологизации мы определяем как модуляцию, поскольку в термине сохранилась категориальная лексическая сема, при том, что кардинально изменился субъект – носитель признака.

Геологический термин *basic (rocks)* образован от химического термина *base* – “основание”, который, в свою очередь, сформировался на основе соответствующего общеупотребительного слова. Можно предположить, что поводом для трансформации общеупотребительного слова в термин послужило наличие такой категориально-лексической семы, как “опорная часть”, “основа”, которая имплицитно метафоризованный интегральный признак “надёжность”, “стабильность” и дифференциальные признаки “неподвижность”, “отсутствие активного действия”. В эпоху расцвета механистической картины мира (XVI-XVII века и первая половина XVIII века) научная мысль сводила законы природы к законам механики, а корпускулярная теория получила универсальный мировоззренческий статус. В рамках этой теории физико-химические процессы объяснялись сложными сочетаниями и разнообразной геометрической формой движущихся частиц. Так, учёные - приверженцы картезианской физики произвольно наделяли частички вещества иголками, крючками, колечками и другими гипотетическими приспособлениями. Растворяющие свойства кислоты, по их мнению, связаны с механическим воздействием таких

острых частичек, как иголки, клинья, зубья и пр., а само растворение представляет собой механический процесс, при котором корпускулы растворителя входят в поры тел и отрывают частички растворяемого вещества, при этом размеры и геометрические очертания взаимодействующих частиц должны соответствовать друг другу: “Лишь тогда, когда острые частички кислоты соответствуют порам металлов, они могут их растворить” [11].

Таким образом, в рамках корпускулярной теории, взаимодействие веществ сводилось к механистическим объяснениям, при этом кислоте приписывалась роль агенса, активного компонента (остроугольные формы частиц), воздействующего на пациенса, в роли которого выступает вещество, подвергающееся воздействию. В терминах когнитивной лингвистики, постулирующей восприятие и осмысление окружающей действительности в виде топологических образов-схем, можно предположить, что агенсу, как бы “наносящему удар”, свойственно схематизированное пространственное расположение “сверху” или “со стороны” относительно пациенса. Последнему же, “неожиданно” претерпевающему активное воздействие, свойственно нахождение в неподвижном состоянии как бы “снизу”, “под воздействием удара”. На наш взгляд, вышеупомянутая категориально-лексическая сема “опорная часть”, “основа” (т.е. то, что находится снизу) и дифференциальные признаки “неподвижность”, “отсутствие активного действия” и легли в основу метафорического значения международного химического термина *основание - base*, который и вошёл в состав геологического термина *основные породы - basic rocks*. При этом произошёл переход от наивно-бытовой картины мира к научной, связанный с переосмыслением метафоризованных признаков общеупотребительного слова. Это позволяет нам определить данный конкретный пример терминологизации общеупотребительного слова как деривацию. Общеупотребительное слово *base* и химический термин *base* имеют статус омонимов.

Проведённый анализ изменяющейся компонентной структуры общеупотребительного слова в процессе его семантической терминологизации свидетельствует о накоплении и соответствующей трансформации когнитивно-эвристического потенциала лексической единицы в процессе перехода от обыденной к научной картине мира в сознании человека.

Исходя из всего вышесказанного, мы приходим к заключению, что наличие семантического поля, в данном случае терминологической микросистемы, а также особенности компонентного состава соответствующих терминов являются взаимосвязанными факторами, которые, наряду с общеконцептуальным фоном, определяют когнитивно-эвристический потенциал отдельного термина как элемента соответствующей терминологической микросистемы. Именно когнитивно-эвристический потенциал термина обеспечивает статус терминологической единицы как инструмента познавательной деятельности и способствует формированию научного “предзнания”. Результаты исследования терминологической микросистемы “состав пород” - “rock composition”, включая специфику семантического способа формирования соответствующих терминов, дают нам основания говорить о когнитивно-эвристическом потенциале данного комплекса. По нашему мнению, подобный когнитивно-эвристический потенциал отдельного термина или терминологического комплекса зачастую соответствующим образом определяет и обеспечивает формирование научной интенции или научного предвидения.

Библиографический список

1. Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX-XXI веков // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: Сб. науч. тр. / Под. ред. Л.А. Манерко; Институт языкознания РАН; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. М., Рязань, 2007. Вып. 5. С. 121-132.
2. Манерко Л.А. Современные тенденции развития отечественной когнитивной лингвистики // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: Сб. науч. тр. / Под. ред. Л.А. Манерко; Институт языкознания РАН; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. М., Рязань, 2007. Вып. 5. С. 30-38.
3. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. На материале лингвистики / Отв. ред. Н.А. Слюсарева. М.: Книжный дом “Либроком”, 2010. 146 с.
4. Лейчик В.М. Терминоведение (предмет, методы, структура). М.: Либроком, 2009. 256 с.
5. Маджаева С.И. Перспективы развития терминологии // Электронный ресурс Интернет: <http://iconf.vgi.volsu.ru/>

index.php?option=com_content&view=article&id=84:2010-05-04-10-49-59&catid=40:2010-04-28-10-48-29&Itemid=55

6. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М.: КомКнига, 2010. 288 с.

7. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц // Электронный ресурс Интернет: http://sagit.ucoz.com/Resource/Research/Teoriya_sem_poly

8. Толковый словарь английских геологических терминов / Ред. М.Гери, Р.Мак-Афи мл., К.Вульф. В 3 томах. М.: Мир, 1977.

9. Webster's Third New International Dictionary of the English Language / A Merriam-Webster / editor in chief, Philip Babcock Gove and the Merriam-Webster editorial staff. Three Volumes. Merriam-Webster, Incorporated, 1993. USA.

10. Большой англо-русский словарь / Ред. И.Р. Гальперин, Э.М. Медникова. В 2 т. М.: Русский язык, 1987.

11. Соловьёв Ю.И. История учения о растворах. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 6-7.

Сведения об авторе

Великода Татьяна Николаевна
аспирант кафедры иностранных языков
Института биологии моря им. А.В. Жирмунского
Дальневосточного отделения РАН
E-mail: velikoda@neisri.ru

УДК 811.111'42:641(410)

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

С. В. Воробьева

Волгоградский государственный университет, Волгоград

Цель предлагаемой статьи – выявление и описание лингвокультурных особенностей концепта «пища/еда» и анализ гастрономического дискурса как среды его функционирования на материале произведений Дж. Чосера. Выделены и проанализированы языковые знаки, номинирующие разные аспекты данного концепта.

Ключевые слова: гастрономический дискурс, концепт, пища/еда, языковые знаки.

Linguo-Semiotic Peculiarities of the English Medieval Gastronomic Discourse Svetlana Vorobjova

The paper examines and describes linguo-cultural peculiarities of the concept “food” and analyzes the gastronomic discourse in the works by G. Chaucer. The author identifies and analyzes a number of language signs, denominating different aspects of the concept.

Key words: gastronomic discourse, concept, food, language signs.

Не подвергается сомнению тот факт, что история и культура народа неотделимы от истории языка. Все, что происходит с народом, все, что он создает на протяжении веков, так или иначе отражается в языке, формируя особенности национальной языковой картины мира. Вербальные и невербальные знаки являются хранителями и трансляторами культурно-значимой информации, поэтому изучение семиотического пространства повседневности позволяет восстановить этот фрагмент языковой картины мира в любой период ее существования.

Категория повседневности включает черты национального характера, жилище (типы сооружений, внутреннюю структуру, оборудование и убранство интерьеров), костюм (различные элементы одежды, украшения, прически, разновидности костюма в соответствии с классовой и гендерной принадлежностью), образ жизни в целом (обычаи гостеприимства, распорядок дня, домашние занятия, формы и способы проведения досуга, общественные развлечения, средства передвижения), обряды, игры, забавы,

религиозные праздники, летосчисление [5]. В значительной степени к повседневности относится домашнее хозяйство – еда и напитки, обычаи потребления, меню, ритуалы застолья. Пища всегда была и остается основной целью повседневной деятельности, поскольку она необходима для продолжения физического существования. Те или иные функции пищи становятся значимыми на определенном историческом этапе отдельного народа. Французский антрополог К. Леви-Стросс одним из первых обратился к изучению пищи в русле, близкому к семиотическому анализу. В своей работе «Мифологии: сырое и приготовленное» он обращает внимание на различие между сырой пищей и приготовленной, т.е. на разницу между животными (которые едят что-либо, что они могут прожевать сырым) и людьми (которые преимущественно едят пищу приготовленную) [3]. Значительный вклад в понимание еды как семиотики внес Р. Барт (Roland Barthes). В 1961 г. он опубликовал свою работу, где провел сравнительный анализ поглощения сахара во Франции и США [9]. М. Дуглас и ее ассистент М. Никод представили термины для описания случаев потребления пищи [10].

Количество, качество, ассортимент потребляемых пищевых продуктов решающим образом отличают разные этносы, а искусство приготовления и потребления пищи (глуттония) является одной из самых древних областей человеческой деятельности, в которой проявляются этические и эстетические нормы поведения потребителей, различающиеся у богатых и бедных. В англоязычную глуттоническую коммуникацию вовлечено значительное количество знаков, в том числе лингвистических, которые образуют обширную лингвoseмиотическую систему [2]. Знаки этой системы вербализуются в гастрономическом дискурсе.

Гастрономический дискурс периода позднего Средневековья представлен в тексте «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера («The Canterbury Tales»), описывающих людей, образы которых отражали социальный строй Англии XIV века в целом (хотя самый низкий класс – крестьян и городских бедняков – не включен в описание). Гастрономический дискурс здесь использован как художественный троп, как средство для описания образа, характера личности, ее привычек и предпочтений. Бесчестный образ Пристава подчеркивается тем, что он любил лук и чеснок, т.е. еду, которая не может сделать человека привлекательным, придавая ему несвежее

дыхание. Аббатиса, которая любила красивую жизнь, ела только лакомства и деликатесы, кормила своих собак только лучшим белым хлебом. Кармелит, любящий вкусно поесть, был частым гостем в богатых домах. В оппозиции к богатым пилигримам представлена бедная вдова, чья бедность подчеркивается описанием содержания ее нищенских трапез: “*Of spiced sauce she had no need at all. No dainty morsel passed through her throat; her diet was in keeping with her coat <...> she drank no wine, neither white nor red. Her table was served most with white and black, milk and brown bread, of which she had no lack, broiled bacon, and sometimes an egg or two*” (The Prologue to “The Canterbury Tales”). Изучая проблему институциональной глоттонии, С.В. Захаров отмечает, что система пищевых знаков – глоттонимов – вариативно закрепляется за социально неравными слоями населения [2].

Феномен средневековой глоттонии представляет собой лингвосемиотическую систему знаков пищевых ресурсов, их обработки, приготовления и потребления. При анализе глоттонических номинаций в «Кентерберийских рассказах» мы выделили четыре типа знаков: 1) глоттонимы, номинирующие продукты и блюда из них, 2) процессивы, номинирующие процессы обработки и приготовления пищи, 3) инструментативы, номинирующие инструменты обработки и поглощения пищи, 4) квалификативы, номинирующие признаки и качества пищи.

Наиболее частотными знаками в гастрономическом дискурсе «Кентерберийских рассказов» оказались глоттонимы, представленные номинациями:

1.1) мясных продуктов и блюд из мяса:

– домашних животных: *bacon (bacon, bacoun), beef (boef), boar (boar), boar's head (bores heed), lamb (lamb), liver (lyvere), pig (pig), pig's head (pigges heed), calf (calf), coney (coney), cow (cow), deer (deer), horse (horse), ox (oxe), pork (pig), sheep (sheep), swine (swine), veal,*

– диких животных: *hare, boar (boar), boar's head (bores heed), deer (deer), faun (fawnes, fawny, founes, fownes), the roe deer (ro, roes), the mail deer (buk, bukkes).*

Мясо диких животных было предпочтительнее по сравнению с мясом домашних животных, поскольку в тот период верили, что дикие животные, дичь (game animals) были более активны, энергичны, и потому их мясо считалось полезнее для здоровья. Так,

мясо кабана считалось лучше, чем домашней свиньи. В средние века большое распространение получило овцеводство, в то время как разведение крупного рогатого скота было не так популярно. Коз держали как источник молока и мяса. Баранина была вторым по популярности мясом после говядины, но и говядина, и баранина («красное мясо») уступали «белому мясу» – телятине и козлятине, из которых получалось более сытное жаркое. Поросенок был «резервным запасом» каждого крестьянина, поскольку мог сам добывать себе корм в лесу на протяжении всего года, а также мог сам защитить себя от врагов. Мясо домашних свиней использовали для засолки или для приготовления бекона – весь мясной запас бедняка на зиму. Из внутренностей готовили кровяной пудинг и кровяную колбасу, а сало употребляли, намазывая на хлеб, или как жир для приготовления пищи. В отличие от свиней коровы и козы не могли сами себя прокормить зимой, поэтому корм для скота был постоянной проблемой. Скотину обычно выращивали до зимы, а зимой пускали на убой. Коровьи бока, козы и бараньи окорока шли на засолку и копчение, как и свинина [4]: “If *cow*, or *calf*, or *sheep*, or *ox* swallow” (“The Pardoner’s Tale”);

1.2) птицы и блюд из нее:

– дичь: *bittern (bitore)*, *crane (crane)*, *grouse (quayl)*, *heron (bitore)*, *lark (lark)*, *quail (quayl)*, *partridge (partrich)*, *peacock (pecok)*, *swan (swan)*: “A fat *swan* loved he best of any roast” (The Prologue to “The Canterbury Tales”).

В пищу употребляли маленьких птиц, таких как ласточки, колибри, жаворонки, дикие голуби, голуби (*game birds*), используя их для фаршировки более крупной птицы или животного. В средние века существовало четыре класса птиц, которые символизировали четыре социальных класса общества: «Это были: хищные птицы (для благородных людей); птицы, которые питаются червями (для буржуа); водоплавающие птицы (для купечества) и птицы, питающиеся зерном (для крестьян)» [8] (здесь и далее перевод наш. – С.В.).

На банкетах и празднествах подавали лебедя, павлина или дрофу, украшая ими центральную часть стола для почетных гостей. Среди других распространенных видов дичи были журавль, цапля обыкновенная, белая цапля, чайка, кроншнеп, перепелка, ржанка, бекас, чибис, выпь;

– домашняя птица (poultry): *caron* (*caron, capoun*), *chicken* (*chicknes*), *drake* (*drake*), *goose* (*goos*), *hen* (*hen*): “Boil the *chickens* with the marrow-bones” (The Prologue to “The Canterbury Tales”); “For ale and bread, and roasted him a *goose*” (“The Reeve’s Tale”).

Блюда из птиц готовили во всех зажиточных домах – как миряне, так и духовенство. За праздничным столом подавали не менее 20 блюд из различных птиц [1];

1.3) видов рыбы, морепродуктов и блюд из них: *bream* (*bream*), *fish* (*fish*), *pike* (*pyk, luce*), *mussel* (*muscle*), *oyster* (*oystre*): “Had he <...> many a *bream* and many a *luce* in stuwe” (The Prologue to “The Canterbury Tales”); “Quod he, ‘For many a *muscle* and many an *oystre*’” (“The Summoner’s Tale”).

В средние века англичане употребляли в пищу много рыбы. Ее ели свежей, если ловили в водоеме с пресной водой; или вяленой, соленой или копченой, если привозили с моря. При этом значительное предпочтение отдавалось свежей рыбе: лососю, угрю, миноге и щуке. Иногда баловали себя мясом некоторых китообразных (морских свиней, китов) и даже акул, ценившихся не столько за пресный вкус, сколько за редкость. Моллюсков в пищу употребляли значительно меньше;

1.4) злаковых культур и блюд из них: *barley bread* (*barley breed, barly breed*), *blankmanger* (*a dish of rice*), *bread* (*breed*), *brown bread* (*broun breed*), *cake* (*cake*), *cocket*, *corn* (*corn*), *fish pie* (*pye*), *flour* (*flour*), *gingerbread* (*gyngebreod*), *grain* (*grayn, greyn, greyne*), *little cake* (*kechyl*), *loaf* (*loaf*), *maslin*, *meat pie* (*pye*), *morsel bread* (*morsel breed*), *pastry*, *pasty* (*pastee*), *pie* (*pye*), *sop* (*sop*), *wafel* (*wafre*), *wheat* (*whete*), *white bread* (*wastel breed*), *white bread* (*of the finest quality*) (*payndemayne, paynemaine*): “And of your soft *white bread* naught but a silver” (“The Summoner’s Tale”).

Основным продуктом питания был хлеб (*bread*), но его разновидности менялись в зависимости от района, помола зерна и социального класса, к которому относились потребители. Среди номинаций хлеба можно выделить два его основных вида: дрожжевой хлеб (*leavened bread*) и пресный хлеб (*unleavened bread*). Как показывает проведенный И.Ф. Янушкевич этимологический анализ, позволяющий воссоздать древнейшие представления носителей языка об устройстве мира и о месте хлеба в ценностной картине мира [6], слово *bread* заимствовано из готского *broe*, которое связано с

понятием «брожения» – англ. *(to) brew* «сбраживать, делать пиво». Слово *hlāf*, вошедшее в древнеанглийский язык через готское *hlaiifs* (прагерманское **hlaiba*), обозначало «недрожжевой, пресный хлеб» и противопоставлялось прагерманскому **brauda* на основании того, что в большинстве германских языков оно связано с процессом «брожения». Таким образом, в номинации хлеба используются два лингвознака, стоящие в оппозиции друг другу: «хлеб, приготовленный на закваске, дрожжевой хлеб» (*bread*) – «недрожжевой, пресный хлеб» (*loaf* < *hlāf*).

Качество потребляемого хлеба зависело от дохода семьи. Самый мягкий и белый хлеб получался из пшеницы, которую выращивали на хорошо вспаханной и удобренной почве, что было по средствам только владельцу поместья, хозяину больших земельных угодий. Самый распространенный вид хлеба, «суржик» (*maslin*), выпекался из смеси озимой пшеницы с рожью. Темный хлеб пекли только из ржаной муки. Хлеб из ячменя и овса был больше распространен на севере Англии, где климат более холодный и сырой. Часто в муку добавляли незерновые растения, особенно в годы неурожая. Бобы, горох и даже желуди становились компонентами дешевых сортов хлеба. Таким образом, хлеб приобретает институциональное значение: “*Lat hem be breed of pured whete seed, / And lat us wyves hoten barley-breed*” (“*The Wife of Bath’s Tale*”).

Каша присутствовала в рационе всех слоев общества, и только потом превратилась в еду для бедняков. Наряду с кашей был популярен густой суп на основе зерновых, или похлебка; в нашем материале встретились несколько глуттонимов, вербализующих разные виды похлебки (*broth, frumenty, mortrews, porray*). Похлебка, так же как и каша, была пищей для бедняков, пока для ее приготовления не стали использовать дорогие ингредиенты;

1.5) молочных продуктов, яиц, жиров: *milk, cheese, eggs, oil, fat*.

В средние века широко использовалось молоко – коровье и козье, но к 1500 году коровье молоко завоевало большую популярность из-за меньшей трудоемкости и большего количества. Молоко, а также сливки, масло и сыр, как и яйца, именовали «белым мясом». В больших поместьях из молока делали сливки, творог, мягкий сыр и масло для господ, а оставшуюся сыворотку и пахту пускали на изготовление твердого сыра для прислуги и работников. Расцвет сыроварения пришелся на средние века, когда на этот

продукт обратили внимание монахи. Трудно сказать, что их подвигло на сыроварение. Возможно, они искали наилучший продукт, который бы оттенял вкус вина. Принято считать, что именно со времен Средневековья слова «сыр» и «вино» стали неразлучны. В пищу сыр употребляли представители практически всех классов, от самых низших до благородных. Сыр использовался и в средневековой медицине как средство, улучшающее пищеварение: “*Cheese, taken after meal, makes food descend to the bottom of the stomach where digestion is primarily active, as all those versed in the art of medicine known full well*” [8].

К таким же повседневным продуктам питания относились и яйца, продажа которых давала достаточно стабильный доход; кроме того, они использовались и в алхимических целях – в поисках волшебного эликсира: “*Our furnace eke of calcination, / And of waters albification, / Unslaked lime, chalk, and glair of an ey (= egg-white)*” (“The Canon’s Yeoman’s Tale”).

Номинации жиров означали растительное масло (*oil*) – оливковое (*olive oil*), грецкого ореха (*walnut oil, hazel oil*), масло фундука (*filbert oil*) – и жиры животного происхождения (*fat, greese*): “*And alle hire olyveres, and vynes eke*” (“The Monk’s Tale”). Их применяли и в хозяйственных целях: “*For wine and slothe do Venus increase, / As men in fire will casten oil and grease*” (“The Physician’s Tale”).

1.6) напитков: *ale (ale), ape wine (wyn ape), bragget (bragot), ciser, claret (clarrey, clarree), hippocras (ypocras), honey (hony), milk (milk), pyment, spiced ale (spiced ale), vernage (vernage), wine (wyn)*: “*This Sampson nevere ciser drank ne wyn*” (“The Monk’s Tale”); “*He drank of claret, hippocras, vernage*” (“The Merchant’s Tale”).

При описании напитков социальные различия выражались в качестве продуктов, а не в их ассортименте. Вино употребляли и дворяне, и простолюдины. Сидр считался недостойным напитком в доме человека с хорошим достатком, он оставался уделом самых бедных крестьян. Гендерные различия наблюдаются в употреблении пива: оно воспринималось скорее как женский напиток, а мужчины пили его лишь в том случае, когда не хватало вина. Большое распространение получил мед, подававшийся в конце трапезы; его пили чистым или смешивали с вином, а также использовали на кухне для приготовления многочисленных приправ. По материалам

«Кентерберийских рассказов» вода в качестве напитка встречается редко; ее для утоления жажды использовали только люди низшего класса. Все напитки также использовались для приготовления блюд;

1.7) фруктов, овощей и орехов: *apple (apple), crab apple, grape (grape), medlar (open-er), pear (pere); bean (bene), cabbage (cabbage), garlic (garleek), onions (oynons), leek (leek), peas (pesen), salad (salade); filbert, hazel, walnut (walsh-note)*: “It is much like the *medlar* fruit I fare / Before it ripens must this hard- skinned *pear*” (“The Reeve’s Tale”); “Well loved he *garlic, onions, aye, and leeks*” (Prologue to “The Canterbury Tales”).

Следует отметить, что номинации фруктов и овощей в анализируемом тексте встречаются реже по сравнению с другими продуктами питания. К сырым фруктам и овощам житель Средневековья относился с подозрением, поскольку считалось, что они вызывают лихорадку и несварение. Однако дикие ягоды, например, дикая вишня, использовались в пищу достаточно свободно. Виноград выращивали, в основном, для употребления в сыром виде, как сливы и тернослив. Яблоки и груши, в том числе большие твердые плоды груш, называвшиеся *wardens*, обычно запекали. Широко использовались орехи для приготовления блюд и получения масел;

1.8) специй: *cinnamon (cynamone), clove (clowe, gylofre), cumin (comyn), mustard (moust), nutmeg (notemuge), pepper (papper), salt (salt), sugar (sucre, sugre)*: “Or in an earthen pot how we put all, / And *salt* put in, and also *pepper* dear” (“The Canon’s Yeoman’s Tale”); “And *nutmeg* to put in ale” (“The Tale of sir Thopas”).

Набор специй достаточно разнообразен в средневековой английской кухне. Весьма распространенной специей была корица; она использовалась при тушении, в мясных и овощных блюдах, супах, десертах, выпечке – по сути, во всех блюдах как универсальное средство как сама по себе, так и в сочетании с имбирем, мускатным орехом, гвоздикой и т.д. [8]. Специи были чрезвычайно популярны не только потому, что с их помощью «маскировали» вкус слегка подпорченных продуктов, но и для придания нового вкуса однообразным соленым и высушенным продуктам, заготавливаемым на зиму. Специи в Англии стоили значительно дороже, чем в других странах Европы. Прямых поставок этих продуктов не было,

закупались они на рынках других европейских стран, и лишь потом переправлялись в Англию;

1.9) съедобных и лечебных трав: *centaury* (*centuare*), *cress* (*kers*), *cumin* (*comyn*), *galingale* (*galyngale*), *fumetere* (*fumitory*), *hellebore* (*ellebor*), *herb Paris* (*trawe-love*), *herb* (*wort*), *laurel* (*lawriol*), *licorice* (*lycorys*), *setwall* (*cetewale*).

В средние века выращивали большое количество разнообразных трав. Кроме того, что их добавляли в различные блюда, они также широко использовались в медицинских целях: “A day or two ye shall have digestives / Of wormes, ere ye take your laxatives, / Of laurel, centaury, and fumeterere, / Or else of elder-berry, that groweth there” (“The Nun’s Priest’s Tale”); “And he himself was sweet as is the root / Of liquorice, or any setewall (= valerian)” (“The Miller’s Tale”).

2. Знаки процессов обработки и приготовления пищи (процессивы) включают следующие номинации: *bake* (*bake*), *boil* (*boille*), *broil* (*broille*), *carve* (*carf*), *clean*, *cook* (*cook*), *flavour* (*poudre*), *fry* (*frye*), *pour* (*purer*), *roast* (*roste*), *stew* (*mortreux*), *seethe* (*seethe*). Эти знаки-процессивы большей частью актуализируются во фрагментах описания Повара, которого паломники везли с собой: “A cook they had with them, just for once, / To *boil* the chickens with the marrow-bones, / And *flavour* tartly with *galingale*. / He knew how to recognize a draught of London ale. / And he could *roast* and *boil* and *broil* and *fry*, / And prepare a *stew*, and *bake* a tasty pie (The Prologue to “The Canterbury Tales”).

3. Знаки-номинанты инструментов обработки и поглощения пищи (инструментативы). Этот класс не является многочисленным. Здесь можно отметить следующие номинации: *apron* (*barmcloth*), *bottle*, *bowl* (*bolla*), *cup* (*tub*), *dish* (*dish*), *ale stake* (*alestake*), *table dormant*, *jug* (*jubbe*), *kettle*, *pot* (*pot*), *tun* (*tonne*), *vessel* (*jubbe*): “With bread and cheese, and good ale in a *jug*” (“The Miller’s Tale”); “Till that almost all empty is the *tun*” (“The Reeve’s Tale”).

В основном, бедные люди готовили в простых сотейниках (*stewpots*), так как этот способ приготовления пищи был самым экономным в смысле набора ингредиентов и расхода дров. Изысканные кулинарные рецепты для аристократов держались в большой тайне, и владели ими только кулинары-профессионалы, которые, вследствие этого, могли занять хорошие должности в богатых домах.

4. Знаки-номинанты признаков и качеств пищи (квалификативы). В эту группу входят различные номинации, характеризующие пищу, ее вкусовые качества, цвет, запах, качество и количество: *the best, cold, delicious, draught, fat, flavour, good, grinding, hot, many, pleasant, plenteous, strong, sweet, thick, unappetizing, well, etc.*: “*Full many a fattened partridge did he mew*” (The Prologue to “The Canterbury Tales”); “*Strong was the wine and pleasant to each guest*” (The Prologue to “The Canterbury Tales”) [7].

Изучая лингвосемиотику англосаксонской культуры, И.Ф.Янушкевич выявила неравномерную структуру соотношения глуттонических знаков в позднем Средневековье. Преобладают языковые знаки, номинирующие продукты (63,2%), за ними следуют языковые знаки-номинанты процессов приготовления/потребления пищи (23,5%), затем знаки, номинирующие признаки и качества пищи (8,6%), и в наименьшей степени представлены знаки-номинанты инструментов приготовления/потребления пищи (4,5%). Такие факты свидетельствуют о том, что пища, в силу ее малой доступности, ценилась сама по себе, поэтому ее оценочные характеристики были не столь важны. Знаки-инструментативы немногочисленны по причине недостаточного развития техники и технологии. В контексты с использованием знаков-номинантов процессов включаются глаголы общей семантики, что снижает процент присутствия первых в гастрономическом дискурсе, однако их количество достаточно для того, чтобы оценить средневековое кулинарное искусство как развитое в значительной степени [6. С. 450].

Рассмотренные текстовые источники отражают глуттоническую информацию, составляющую один из важнейших элементов национальной идентификации английского этноса и представленную в виде языковых знаков отношения к процессам приготовления пищи и ее употребления. Социальные изменения самым непосредственным образом влияют на гастрономические предпочтения народа и формируют новые кулинарные тенденции и культуру питания, что естественным образом отражается в национальной языковой картине мира.

Библиографический список

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 178.
2. Захаров С.В. Лингвосемиотика англосаксонской институциональной глоттонии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. С. 14.
3. Леви-Стросс К. Мифологии: сырое и приготовленное. М.: FreeFly, 2006. 399 с.
4. Ле-Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 261.
5. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 123.
6. Янушкевич И.Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. С. 430.
7. The Canterbury Tales // Электронный ресурс Интернет: www.librarius.com
8. Glossary of Medieval Cooking Terms by James L. Matterer // Электронный ресурс Интернет: www.godecooking.com/cookies/cookies
9. Barthes R. Elements of Semiology // Электронный ресурс Интернет: www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/fr/barthes.htm
10. Wendy Leeds-Hurwitz. Semiotics and Communication: Signs, Codes, Cultures. Hillsdale, NJ, 1993. 226 p.

Сведения об авторе

Воробьева Светлана Викторовна
старший преподаватель
Волгоградского государственного университета
E-mail: vorob81@mail.ru

УДК 811.111'37'27

КОНЦЕПТОСФЕРА ЗАЩИТЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

И. И. Каштанова

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М. Е. Евсевьева, Саранск*

В статье рассматривается языковое выражение представлений о защите в английской лингвокультуре. Концепт является обобщенным представлением некоторого элемента действительности, отраженного коллективным сознанием социума. Концептуальное пространство, выражаемое словами *DEFENCE*, *PROTECTION*, *SAFETY*, отражает различные представления о защите человека, которые входят в систему ценностей носителей английской лингвокультуры и формируют особое отношение к окружающей действительности.

Ключевые слова: языковое сознание, картина мира, концепт, концептосфера, концептуальная система, лингвокультура, защита.

The Concept Sphere *Protection* in the English Linguoculture **Irina Kashtanova**

The article deals with the problem of language representation of the concept sphere *protection* in the English linguoculture. The concept is a general idea of some element of reality, reflected by the collective consciousness of the society. The conceptual space represented by the words *DEFENCE*, *PROTECTION*, *SAFETY*, reflects different ideas about human protection. Being an important part of English social values, these ideas form a specific British attitude toward reality.

Key words: language consciousness, world view, concept, concept sphere, conceptual system, linguoculture, protection.

Язык, являясь словесным средством формирования мыслей и обмена мыслями в процессе общения, тем самым служит общим познавательным механизмом, инструментом получения и преобразования знаний. Знания, в свою очередь, составляют рациональную часть сознания, то есть совокупность умственных процессов, обрабатывающих данные восприятий, поступающих в мозг.

Языковое сознание – это существенно понятийное сознание, то есть сознание высшего, обобщающего уровня. Любой предмет восприятия становится осознанным только через обозначение словом, через наименование, относящееся к соответствующему содержанию.

Метафорически обозначенное отражение мира сознанием условно именуется картиной мира. Как отмечает В. И. Постовалова, «картина мира есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека» [1. С.19]. Картина мира – реальность человеческого сознания, в ней запечатлено определенное отражение мира, которое никогда не является его зеркальной копией: она, по определению Б. А. Серебренникова, «есть определенное видение и конструирование мира в соответствии с логикой миропонимания» [1. С. 60]. В самом деле, картина мира включает не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам; позиция субъекта является такой же реальностью, как и сами объекты.

В современном лингвофилософском знании следует выделить два типа картин мира: «языковую» картину мира, содержащуюся внутри системы языка, и «концептуально-дискурсивную» картину мира, опосредованную языком, но складывающуюся в сознании соответственно личному, общественному и образовательному опыту индивида.

Языковая картина мира трактуется как совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе его развития, как «языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [2].

Разные языки придают картинам мира заметный национальный колорит, определяемый непосредственными и опосредованными связями языка с культурными традициями разных народов. Прямое и резкое утверждение этой связи как вполне однозначной и жесткой мы видим в формулировке, предложенной В. А. Масловой: языковая картина мира «отражает способ речемыслительной деятельности, характерный для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [3]. Другие лингвисты трактуют эту связь менее жестко и указывают на то, что между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией и частичным выражением этого отражения внутри системы языка существуют сложные отношения: границы между ними, по выражению Ю. Н. Караулова, «кажутся зыбкими, неопределенными» [4].

Каждый язык и соответствующая ему языковая картина мира соотнесены с определенной системой концептов, посредством которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающей из окружающего мира [5].

Концепты представляют собой ментальные единицы, которые отражают знания и опыт человека, сформированные им в результате разнообразной познавательной деятельности («когниции»), и которые обозначаются различными единицами языка. Для лингвистов и философов особый интерес представляет соотношение таких понятий как «концепт», «понятие» и «значение». Так, Е. С. Кубрякова отмечает, что «значением слова становится концепт, «схваченный знаком» [6]. А. Соломоник говорит о концептах как «о соотносительных со значением слова понятиях» [7]. Существует точка зрения, что значения языковых средств равны выражаемому в них концептам или концептуальным структурам (Р. Джэкендофф) [8]. Понимание значения как концепта (наивного понятия) высказывается Р. Лангакером [9].

В разнообразных подходах к трактовке концепта несомненным признается то обстоятельство, что концепт, равно как и значение, является идеальной сущностью, соотносимой с планом содержания языковых единиц. М. Я. Блох все значения, стоящие за языковыми номинациями, распределяет по трем типам семантики соответственно мере строгости раскрытия в них свойств означаемого – выделенного сознанием референта. «Коммонема» – обычное значение, представленное в неспецифическом, обычном употреблении языка. «Аппроксимема» – концептное значение, вычлененное в коллективном культуродетерминированном осмыслении референта – означаемого. В существующем когнитивном узусе оно называется «концептом». В сущностном осмыслении указанный тип семантики может быть охарактеризован как нестрогое понятие. «Ригорема» – строгое понятийное значение в рамках некоторой научной дисциплины. Слово – знаковый носитель ригоремы – представляет собою термин [10].

Концепт, как отмечает М. Я. Блох, «в содержательном смысле может быть представлен как обобщенное представление некоторого элемента бытия (внешнего или внутреннего, реального или воображаемого), отраженного коллективным сознанием социума»

[11]. В отличие от обычного значения концептное значение является семантическим образованием более высокой степени абстракции, оно принадлежит национальному обобщенному языковому сознанию.

Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно. При этом важно учитывать, что концепт непосредственно связан не с лексемой, а с лексикой – лексико-семантическим вариантом слова. Одним и тем же словесным выражением могут обозначаться разные концепты различных концептосфер, что отражает неоднозначность языковых выражений.

Представляя мир в сознании человека, концепты образуют концептуальную систему, которую можно рассматривать как систему общепринятых и в определенной степени обобщенных знаний. Концептуальная система является частью общей системы культурно значимого опыта носителей того или иного языка.

Концептуальное пространство, выделяемое одной концептуальной темой, образует соответствующую концептосферу – ассоциативное множество концептов, относящееся к определенному участку мира, отраженному сознанием. Слова, обозначающие концепты одной концептосферы, объединяются в лексико-семантическое поле, которое можно рассматривать, с одной стороны, как объединение языковых единиц, референты которых соотносятся с некоторой общей сферой действительности, с другой, – как определенную схематизацию опыта членов языкового коллектива в данной сфере. Концептуальная тема, на основе которой выделяется концептосфера, обозначает ядерный концепт для данного концептуального пространства. Так, английские слова *DEFENCE*, *PROTECTION* и *SAFETY* составляют лексико-семантическую группу «защита», а концепты, которые они представляют, образуют концептосферу «защита» в английском языке.

Концепт связан с культурой и признается, по образному выражению Ю. С. Степанова, «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека» [12]. Культура выступает как среда функционирования языка, а язык – как средство фиксации и обнаружения культуры, форма представления культуры. Через функцию трансляции культуры язык способен оказывать влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности.

Исторически сложившийся набор языковых средств, при помощи которых формируется своеобразный ракурс восприятия событий и явлений мира каждым членом социальной общности, и которые позволяют сохранить свою этническую принадлежность и приверженность традиционным духовным ценностям, представляет собой лингвокультуру народа. Вслед за Т. Н. Снитко мы рассматриваем лингвокультуру как «особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры и подлежащий выявлению в сопоставлении с другим типом взаимосвязи языка и культуры, то есть в сравнении с другой лингвокультурой» [13].

Анализ языковых средств позволяет наглядным и четким способом выявить некоторые существенные признаки концепта и описать его как единицу концептосферы. Каждое из рассматриваемых нами слов – *DEFENCE*, *PROTECTION*, *SAFETY* – выступает названием для нескольких концептов. Для определения круга этих концептов следует обратиться к словарным дефинициям репрезентирующих их лексем.

Прежде всего, в концептосферу защиты в английском языке входят представления:

1) о защите как акте/процессе противостояния негативным факторам, обороне: *DEFENCE – the act or process of protecting sb/sth from attack, criticism, etc (Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English – OALDCE) – акт/процесс защиты к.-л./ч.-л. от атаки, критики; PROTECTION – the process of keeping someone or something safe (Macmillan English Dictionary for Advanced Learners – MEDAL) – процесс защиты к.-л./ч.-л. от опасности;*

2) о защите как охране и оберегании, предотвращении потенциального вреда: *PROTECTION – preservation from loss, injury, or annoyance (Webster’s Revised Unabridged Dictionary) – предохранение от потери, вреда, неприятности; SAFETY – the state of not being dangerous (OALDCE) – безопасность как отсутствие у объекта потенциального вреда для человека;*

3) о защите как состоянии защищенности: *PROTECTION – the condition of being kept safe (MEDAL) – состояние защищенности; SAFETY – the state of being safe and protected from danger or harm (OALDCE) – состояние защищенности от опасности или вреда;*

4) о защите как способе ее обеспечения: *DEFENCE – something that provides protection against attack from enemies, the weather, illness, etc (OALDCE) – средства и методы, обеспечивающие защиту от нападения врагов, погоды, болезни; DEFENCE – a way of thinking or behaving that protects you from being tricked or hurt (MEDAL) – мышление или поведение, которое помогает противостоять чужой воле; DEFENCE – something that is said or written in order to support sth or someone (OALDCE) – ч.-л. сказанное или написанное в поддержку ч.-л. или к.-л.; PROTECTION – something that keeps a person or thing safe from harm, injury, damage, or loss (MEDAL) – то, что защищает человека или вещь от какого-либо вреда, ущерба или потери; SAFETY – a safe way of behaving or using something (MEDAL) – безопасный способ поведения или использования ч.-л.; SAFETY – a place or situation in which you are protected from danger or harm (MEDAL) – место или ситуация, где вы защищены от опасности или вреда.*

Защита является одной из важнейших составляющих жизни человека. С защитой связаны различные сферы деятельности людей. Ядром исследуемой концептосферы в английской лингвокультуре являются представления о защите как оберегании и отстаивании той части действительности, которую субъект защиты полагает либо своей, либо входящей в сферу его ответственности. При этом в иерархии объектов защиты верхнюю ступень занимает защита человеческой жизни как высшей ценности.

Гарантом защиты человека в современном мире является государство. В западной культуре представления о защите также неразрывно связаны с понятием о гражданском обществе. Для рассмотрения языкового выражения этих представлений необходимо обратиться к анализу сочетаемости лексем, объективизирующих исследуемые концепты. На данном этапе исследования материалом послужили статьи, опубликованные в британских газетах *The Times*, *Times Online* и *The Sunday Times* за 2007-2009 годы, в которых с помощью лексем *DEFENCE*, *PROTECTION* и *SAFETY* описываются различные аспекты защиты, относящиеся к сфере взаимоотношений человека, общества и государства.

Защита каждого члена общества является обязанностью государства: *The primary duty of Government – our abiding obligation – is, and always will be, the safety of all British people and the protection of the British national interest – Первостепенным обязательством*

правительства – нашим неизменным долгом – является, и всегда будет являться, защита всех британцев и защита британских национальных интересов (*Gordon Brown unveils first National Security Strategy // Times Online. – March 19, 2008*).

Прежде всего, государству как субъекту защиты необходимо оберегать жизнь и здоровье людей, что находит отражение в таких понятиях, как *public safety* – общественная безопасность, *the safety of individuals* – безопасность каждого человека, *the protection of the public* – защита общества, *personal safety* – личная безопасность, *physical safety* – физическая защита.

Государство вместе с гражданским обществом обеспечивают защиту прав человека (*institutionalised protection for human rights*) и защиту гражданских свобод (*the protection / defence of civil liberties*). При этом само гражданское общество (*civil society*) также может нуждаться в защите (*protection / defence of civil society*).

На особом положении находится защита частной жизни (*privacy protection* – защита частной жизни, *the safety of personal data* – сохранность личной информации, *the protection of private data* – защита частной информации) и интеллектуальной собственности (*copyright protection* – защита авторского права, *patent protection* – охрана патентных прав, *intellectual property protection* – охрана интеллектуальной собственности).

Государство и гражданское общество совместно заботятся о благополучии и социальной защите различных групп населения: *child protection* – защита детей, *consumer protection* – защита потребителей, *the protection of employees* – защита служащих. Выражение *social protection* – социальная защита подразумевает комплекс мер, направленных на поддержание благосостояния наименее обеспеченных и уязвимых слоев населения, охрану труда и занятости, защиту от рисков, в том числе техногенных и природных.

Особое внимание уделяется защите детей, что подтверждается частым использованием таких выражений, как *the protection of minors is a big / real issue* – защита маленьких – большая / настоящая проблема.

В концептосферу защиты в английском языке входят представления о различных средствах, с помощью которых осуществляется защита, например: *police protection* – полицейская защита, *legal protection* – юридическая защита, *constitutional*

protection – конституционная защита; *diplomatic protection* – дипломатическая защита; *safety standards* – стандарты безопасности, *safety net* – меры, которые помогают предотвратить несчастье; *health and safety regulations* – нормы, регулирующие защиту здоровья и безопасности; *health and safety culture* – культура защиты здоровья и безопасности.

В суде преступнику назначают срок тюремного заключения с формулировкой *sentenced to imprisonment for public protection* – приговорен к тюремному заключению ради общественной безопасности.

Защита является ценностью, представляющей интерес для всех членов общества. Право на защиту (*a right to protection*) имеет каждый. Данное право ставится в один ряд с такими фундаментальными правами как право на жизнь и человеческое обращение: *the rights to life, humane treatment and judicial protection* – права на жизнь, человеческое отношение и юридическую защиту.

При этом крайне важна степень защиты, оценка которой выражается следующими прилагательными:

1) положительная (если достигается цель защиты): *real safety* – настоящая безопасность, *special protection* – особая защита, *adequate protection* – адекватная защита, *greater / better protection* – большая, лучшая защита, *strong protection* – сильная защита, *increasing protection* – возрастающая защита, *comprehensive protection* – всесторонняя защита, *justifiable and proportional safety* – законная и соразмерная защита, *proper protection* – должная защита, *improved protection* – улучшенная защита, *serious protection* – серьезная защита, *right level of protection* – должный уровень защиты, *sufficient protection* – достаточная защита; *extended protection* – расширенная защита.

2) отрицательная (если защита не осуществляется в должной мере): *nominal protection* – номинальная защита, *little protection* – незначительная защита, *unqualified defence* – неквалифицированная защита, *small degree of protection* – низкая степень защиты, *limited protection* – ограниченная защита, *disproportionate protection* – непропорциональная защита.

Ситуация, когда существует особая, недоступная всем членная общества защита, воспринимается негативно: *Londoners do not have the luxury of personal police protection* – Жители Лондона не имеют

удовольствия обладать личной полицейской охраной (*Harriet Harman criticised for wearing stab-proof vest to tour Peckham // Times Online. – April 1, 2008*).

С другой стороны, приветствуются равные права на возможность быть защищенным: *Hyde Park, without instruction, direction, government or judiciary, has grown to be a model of a just and benign society... Every race, religion, age and class can play or read or eat in an egalitarian beauty and safety – Гайд Парк без правительственных и судебных наставлений и распоряжений постепенно стал моделью справедливого и доброго общества... Представители любой расы, религии, возраста и сословия могут играть, читать, есть в окружении всеправной красоты и безопасности (Summer in the city: Hyde Park // The Sunday Times. – August 19, 2007)*. Вспомним, что идеализированный образ «Англия – цветущий сад» является классическим в английской литературе. И если в центральном парке Лондона каждый член общества чувствует себя равноправно защищенным, то и по всей стране необходимо стремиться к достижению этого идеала. Само общество может воплотить его в жизнь.

Таким образом, концепты, выражаемые словами *DEFENCE*, *PROTECTION*, *SAFETY*, являются обобщенными представлениями определенных элементов действительности, отраженных коллективным сознанием носителей английской лингвокультуры. Объединенные на основе одной концептуальной темы – представления о защите как оберегании и отстаивании той части действительности, которую субъект защиты считает своей – анализируемые концепты образуют концептосферу «защита». Представления о защите человека в обществе входят в систему ценностей носителей английской лингвокультуры и формируют особое отношение к окружающей действительности. Изучение данного концептуального пространства позволяет не только рассмотреть представления о соответствующих элементах мира, но и глубже понять механизмы отражения действительности в сознании говорящих на английском языке.

Библиографический список

1. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 54.
3. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 71.
4. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. С.271.
5. Протопопова И. Концепция образовательной программы «Когнитивные исследования» // Электронный ресурс Интернет: <http://kogni.narod.ru/concept.htm>
6. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. С. 92.
7. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995. С. 46.
8. Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 1993. 283 p.
9. Langacker R.W. A view of linguistic semantics // Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam (Philadelphia): Benjamins, 1988. P. 49-90.
10. Блох М.Я. Концепт и картина мира // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры. Москва–Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. С. 18-19.
11. Блох М.Я. Понятие концепта в когнитивной лингвистике // Научные труды МПГУ. Серия: Гуманитарные науки. М.: Изд-во ГНО «Прометей», 2006. С. 336.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. С. 40.
13. Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. Пятигорск: Изд-во Пятигорск. лингв. ун-та, 1999. С. 9.

Сведения об авторе

Каштанова Ирина Ивановна
аспирант кафедры английского языка
МГПИ им. М.Е. Евсевьева
E-mail: irikashtanova@mail.ru

УДК 811.133.1'373.612:159.942

**ЭМОТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ЗНАЧЕНИЯ КАК
СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО
СВОЕОБРАЗИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СФЕРЫ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(на материале французского языка)**

П.Н. Кононова

Московский педагогический государственный университет, Москва

В данной статье основное внимание уделяется рассмотрению эмотивного компонента семантики фразеологических единиц (ФЕ), репрезентирующих базовые человеческие отношения. Подчеркивается, что денотативные значения исследуемых ФЕ универсальны (так как универсальны сами отношения), но ФЕ имеют различную внутреннюю форму (ВФ) и эмотивные характеристики, которые демонстрируют национально-культурное своеобразие ФЕ сферы человеческих отношений. Осуществлена попытка доказательства гипотезы о том, что ФЕ сферы человеческих отношений обладают эмотивной амбивалентностью, отражая как эксплицитное отношение, так и имплицитное, возможно, противоположное первому.

Ключевые слова: эмотивность, коннотация, фразеологические единицы сферы человеческих отношений, национально-культурное своеобразие ФЕ, семантический аспект значения ФЕ.

**The Emotive Component as an Expression of National and Cultural Peculiarities
of Phraseological Units Describing Human Relationships**

Polina Kononova

The article looks at the emotive component of phraseological units describing basic human relationships. On the basis of our research we conclude that the denotative component of phraseological units dealing with basic human relationships is always universal, but in different cultures these phraseological units take different forms and have different emotive components in the complicated conglomeration of their phraseological meaning. Furthermore, the nature of phraseological emotivity reflects national and cultural peculiarities.

Key words: emotivity, phraseological units describing human relationships, national and cultural peculiarities, phraseological connotation, semantic phraseological meaning.

Фразеологические единицы (ФЕ), репрезентирующие человеческие отношения, заслуживают особого внимания с точки зрения адекватной интерпретации содержащейся в них эмотивной информации. Выбор объекта и предмета исследования обусловлен тем, что ФЕ сферы человеческих отношений представляют собой наиболее благодатный материал для исследования эмотивного

компонента ФЕ, поскольку отношения присутствуют абсолютно во всех видах человеческой жизнедеятельности; это универсальный феномен, присущий каждому человеку, а их языковое выражение отражает национально и социально - специфичное отношение носителей языка к испытываемым кем-либо чувствам.

Вслед за большинством лингвистов мы поддерживаем разделение понятий *эмотивность* и *эмоциональность* [1]; [2]. Под *эмоциональностью* подразумевается психическая характеристика личности. *Эмотивность* является лингвистической характеристикой речевых средств языка, которые способны произвести эмоциональный эффект [3]. Таким образом, *эмотивность* – это *эмоциональность* в языковом преломлении, т.е. выражение языковыми средствами настроений и отношений человека.

ФЕ *эмотивной семантики* можно разделить на две группы: 1) *номинативные*, которые являются средством наименования эмоций и отношений; 2) *неноминативные* ФЕ, выражающие эмоциональную реакцию говорящего на окружающую действительность, в которых эмоция или отношение передается коннотацией значения [4]. В данной статье речь идет об *эмотивных фразеологических единицах*, которые номинируют человеческие отношения, т. е. «отношение» составляет денотативное значение данных фразеологизмов.

Эмотивные фразеологизмы, репрезентирующие позитивные, нейтральные, негативные отношения, представляют собой обширный и употребительный пласт французской фразеологии.

Исследуемые нами ФЕ вербализуют базовые человеческие отношения (любовь, безразличие, ненависть), свойственные всем индивидам и являющиеся лингвистическими универсалиями. Однако их репрезентация во внутренних формах фразеологизмов позволяет говорить о национально-культурной специфике фразеологизмов, репрезентирующих человеческие отношения.

Рассмотрим ФЕ *lécher les pieds (les bottes, les genoux, le cul) à qn* «подхалимничать, пресмыкаться перед кем-либо». Фразеолекса (термин Н.Н.Кирилловой) *piéd* актуализирует культурные смыслы, в которых «ноги» ассоциируются с моральным унижением, психологическим подавлением, и как следствием этого – покорностью, зависимостью, что обуславливает определенные коннотации и оценки, «привносимые» данным компонентом в образ ФЕ [5]. Культурные смыслы, свойственные «ногам», могут быть

выражены и через наименования предметов обуви (*bottes*) (поскольку обувь изначально связана с ногами), что можно наблюдать на примере: *cirer les bottes à qn* «лизать пятки кому-либо; пресмыкаться перед кем-либо». Тем самым поведение, которое можно охарактеризовать как льстивое и унижительное, используется человеком для того, чтобы добиться расположения, хорошего отношения к себе другого лица. Такому содержанию в культурно-языковом социуме соответствует презрительное отношение, таким образом, рассмотренная ФЕ обладает следующей эмотивной характеристикой – «выражает презрение».

Посредством исследуемых фразеологизмов передается сложная гамма отношений, которые отражаются во ФЕ дважды: толкованием денотативного компонента значения ФЕ и эмотивной характеристикой. Таким образом, данные ФЕ демонстрируют всю информацию об отношении субъекта к объекту.

Семантическим основанием эмотивности выступает чувство-отношение субъекта к обозначаемому, проявляемое по шкале «одобрение-неодобрение» [6]; [7]. Между одобрением и неодобрением располагаются промежуточные точки: презрение, ирония, пренебрежение, восхищение и т.п.

Перейдем к описанию эмотивных характеристик фразеологизмов, репрезентирующих базовые человеческие отношения: любовь, безразличие, ненависть.

Отношение любви чаще всего выражается ФЕ в диапазоне одобрения с точки зрения эмотивности. Степень одобрения может варьироваться и уточняется в конкретной речевой ситуации. Так, например, ФЕ *aimer comme la prune de l'œil* (или *de son œil, de ses yeux*) «горячо любить» (дословно: любить как зеницу ока), выражает одобрение и восхищение.

...il faut que je t'aime comme la prune de mon œil ... pour te mettre devant une table, avec une grande feuille de papier toute blanche qu'il faut rendre toute noire [8. С. 1286].

Следующие примеры иллюстрируют выражение отношения влюбленности с позиции неодобрения: ФЕ *faire du plat à qn прост.* «1) подлизываться; 2) ухаживать за женщиной». *Ne recommence pas à faire du plat à ma fille, sans ça, gare! À l'extérieur ça vous regarde, m'en balance. Mais, pendant le travail, faut se tenir* [8. С.1226]. ФЕ *aller à la messe d'une heure ou deux* *αρσο* «влюбиться в пожилом возрасте»

употребляется в шутовском контексте, чаще с неодобрением, когда речь о пожилом мужчине, влюбившемся безумно и внезапно.

Общеизвестно, что фразеологизмы с отрицательными эмотивными характеристиками преобладают над положительными по причине особенностей человеческого сознания выделять отрицательные сущности чаще, чем положительные. Так, отношение ненависти, в большинстве случаев, выражается ФЕ с позиции неодобрения с точки зрения эмотивности. ФЕ *envoyer à Pamplune* «послать к черту», безусловно, репрезентирует отрицательное отношение. Лицо, употребляющее данную ФЕ в речи по отношению к другому лицу, в грубой форме выражает свое раздражение, желая избавиться от неприятного объекта (отравляет его в город Памплону, находящийся в Испании, с намеком на трудный путь, который придется преодолеть при пересечении Пиренеев). ФЕ выражает неодобрение, презрение.

Отношение безразличия вербализуется ФЕ чаще всего с позиции неодобрения с точки зрения эмотивности. Это объясняется, прежде всего, природой данного отношения, так как отсутствие внимания рассматривается скорее как отрицательное, чем положительное явление и зачастую расценивается как акт выражения презрения, неодобрения. ФЕ *rester les bras croisés* «сидеть сложа руки, не принимать участие в каком-либо деле», обладающая семами «безделье», «безразличие», содержит элемент осуждения в своей семантике, при этом осуждается именно бездействие, нежелание что-либо делать. Человек, принимающий данную позу (сложив руки), вызывающим образом демонстрирует отказ от какой-либо деятельности, тем самым вызывая недовольство и неодобрение окружающих. *Allons-nous rester là, les bras croisés, à attendre stupidement qu'on nous livre au sacrifice?* [8. С. 218]. Элемент осуждения содержится в семантике большинства фразеологизмов, репрезентирующих различные степени отношения ненависти и безразличия, например синонимичные ФЕ: *ne considérer pas plus que la boue de ses souliers, mettre plus bas que la boue* «пренебрегать, не обращать ни малейшего внимания», *avoir quelqu'un quelque part *прост.** «ни во что не ставить кого-л., плевать на кого-л.», *traiter qn comme une quantité négligeable *разг.** «пренебрегать кем-л., не обращать на кого-л. ни малейшего внимания», *mettre qch sous ses pieds *разг.** «не обращать внимания, презирать» и др.

ФЕ, репрезентирующие отношения, по-разному проявляют себя в речи, обладают большим количеством оттенков значений в силу влияния контекста, способного актуализировать потенциальные семы ФЕ.

Таким образом, можно сделать вывод об эмотивной амбивалентности исследуемых ФЕ и нефиксированности их эмотивных возможностей – способностей одного и того же фразеологизма выражать противоположные отношения в зависимости от конкретной речевой ситуации. Рассмотрим полиэмотивность ФЕ на примере функционирования фразеологизма *faire une fleur à qn разг.* «1) проявить благосклонность, дружелюбие; делать кому-либо приятное, подарок, одолжение; оказать услугу; 2) быть любезным, любезничать, ухаживать», которая может обладать двойкой эмотивной характеристикой, т.е. в зависимости от контекста, выражать одобрение или неодобрение.

- *Vous avez le fric, les moujingues? nous demanda tout à trac l'immense garçon au dos voûté. - C'est-à-dire ... commença Menotte. - Vous l'avez ou vous ne l'avez pas? Je n'ai pas de temps à perdre, et je vous ai fait une fleur en vous réservant l'affaire. Il faut que je donne la réponse tout de suite* [8. С.679].

- *Elle m'a parlé, elle m'a fait une fleur, elle m'a souri gentiment et puis elle a soupiré et elle est partie* [8. С. 679].

В первой фразе контекстное окружение (наличие таких лексем в обращении говорящего к собеседнику, как *fric арго*, *moujingue прост.*) и общий смысл высказывания обуславливают следующую эмотивную характеристику данной ФЕ: «говорится с раздражением, неодобрением». Во второй речевой ситуации демонстрируется функционирование этой же ФЕ с позиции «одобрения», о чем свидетельствуют такие элементы контекста, как наречие *gentiment* и глагол *soupirer поэт.*

Эмотивные возможности большинства ФЕ, репрезентирующих человеческие отношения, широки и неопределенны, но относительно четко проявляются в конкретных условиях речи. Одна и та же ФЕ, употребленная в разных контекстах может выражать различные отношения говорящего к обозначаемому. Таким образом, контекст является средством актуализации ФЕ, репрезентирующих человеческие отношения.

Говорящий или пишущий, обращаясь к фразеологизмам сферы человеческих отношений, перемещает их «из поля коллективной культурно-языковой памяти в пространство создаваемого текста» [9]. ФЕ в данном случае выступает как микротекст и во многих случаях равнозначна употреблению предикатов: любить, ненавидеть, презирать и т.п. Для репрезентации отношений отправитель сообщения может употребить вышеуказанные лексические единицы, но следует отметить, что эффект от использования фразеологизма получается более выразительным. «ФЕ не только называет и квалифицирует объекты внеязыкового мира, но в то же время наполняет их семантико-прагматическими подробностями» [10]. Эффект основывается на взаимодействии сигнификативного, денотативного и коннотативного компонентов.

Эмотивный компонент значения связан с чувствами, возникающими у представителя культурной общности в связи с ассоциациями, вызванными внутренним образом, лежащим в основе ВФ фразеологизма. Например, ФЕ *cœur de pierre* «холодное, каменное сердце» выражает «неодобрение» благодаря образу, возникшему от значения слова *pierre* (сердце как камень может быть у безразличного, бесчувственного человека). Именно образ внутренней формы ФЕ определяет ту или иную эмотивность, которая, в свою очередь, содержит оценку со стороны говорящего.

Эмотивный компонент ФЕ, являясь ядром коннотации, связан с другими компонентами семантики фразеологизма. Неоднозначность в разграничении эмотивности, экспрессивности и оценочности обуславливается объективными причинами, поскольку данные категории тесно взаимосвязаны и выступают в сложном взаимодействии в семантике ФЕ, отражающей субъективное отношение языковой личности к миру реальной действительности. Эмотивность выражается в диапазоне «одобрение-неодобрение», тогда как оценка действует в контексте мнения с позиции «хорошо-плохо» [11]. Оценочность и эмотивность соотносятся с экспрессивностью. Без экспрессивности не существует эмотивности, но при этом экспрессивность не всегда связана с эмотивностью и оценкой.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что все компоненты семантики ФЕ связаны воедино, а эмотивный компонент - это «кульминация собственно смысловой информации», заключенной во

ФЕ [6]. Важно еще раз подчеркнуть, что ФЕ сферы человеческих отношений не только называют само отношение, но одновременно дают ему эмоциональную характеристику, которая варьируется по шкале «одобрение-неодобрение» в зависимости от контекста. Эмотивный компонент в семантической структуре ФЕ, репрезентирующих человеческие отношения, всякий раз указывает, во-первых, на отношение, заложенное в самом значении ФЕ, во-вторых, на то или иное эмотивное отношение к образно-ассоциативной основе ВФ фразеологизма. Эмотивное значение ФЕ может не совпадать с основным смысловым значением ФЕ, репрезентирующей то или иное человеческое отношение.

Жизненный уклад, психическое состояние и межличностные отношения людей четко отражаются в системе коннотаций, включенных в структуру значения ФЕ, которые, являясь «зеркалом» культуры и духа народа, отражают, в свою очередь, национальную специфичность его (народа) ценностных представлений и образа жизни. Анализ эмотивных ФЕ французского языка, связанных с выражением и обозначением отношений, важен для изучения национально культурной специфики языковой картины мира французского народа.

Библиографический список

1. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.
2. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 179–205.
3. Хомякова Н.А. Эмотивные фразеологизмы в русском, французском и английском языках (сопоставительный анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 16.
4. Косякова Ю.Г. Фразеологические единицы эмотивной семантики как фрагмент национальной языковой картины мира: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 218 с.
5. Захаренко И.В. «Ноги» в соматическом коде культуры (на примере фразеологии) // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 25. М.: Макс пресс, 2003. С. 86-96.

6. Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеография в Машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. С. 32–47.
7. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления / Под ред. А.И. Федорова; АН СССР. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1986. 227 с.
8. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В.Г. Гака. М.: Русский язык медиа, 2005. 1624 с.
9. Сандомирская И.И. Фразеология и коллективная идентичность // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 21.
10. Бизюков Н.В. Семантико-прагматический потенциал фразеологических единиц сферы человеческих отношений современного французского языка (на материале публицистического дискурса): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. С. 41.
11. Хомякова Н.А. Эмотивность идиом // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №16 (40): Аспирантские тетради: Научный журнал. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 300–305.

Сведения об авторе

Кононова Полина Николаевна
аспирант кафедры лексики и фонетики
французского языка МПГУ
E-mail: polina@kononov.name

УДК 811.521'373.45

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ-ГАЙРАЙГО В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛЬНОЙ СИНОНИМИИ СОВРЕМЕННОГО ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА*

М.А. Кострова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва;
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена рассмотрению заимствований в системе глагольной синонимии современного японского языка. В статье анализируются морфологические и синтаксические особенности освоения заимствований в японском языке, основные сферы их употребления и функции, выполняемые ими в тексте.

Ключевые слова: японский язык, синонимия, заимствования.

The Role of Loan Words (*Gairaigo*) in the System of Verb Synonymy in the Modern Japanese Language

Maria Kostrova

The article is focused on loan words in the system of verb synonymy in the modern Japanese language. It examines morphological and syntactical peculiarities of their utilization, principal spheres of their usage, and ways they function in texts.

Key words: Japanese, synonymy, loan words.

Все исследователи отмечают значительное расслоение японской лексики, в которой традиционно выделяют три основные подсистемы: исконные слова – *ваго*, слова китайского корня – *канго* и заимствования из всех других языков, кроме китайского, – *гайрайго*. Основным источником гайрайго в послевоенные годы стал американский вариант английского языка.

Согласно схеме, построенной японским лингвистом Мориока Кэндзи, видовые понятия в японском языке выражаются в основном словами китайского и европейского корня, следующий уровень родовых понятий прочно занят *ваго* и, наконец, на уровне абстрактных понятий преобладают *канго* [1. С. 18-19].

Сходство гайрайго с канго проявляется в особенностях их грамматического оформления. Поскольку и те, и другие являются для

* Статья подготовлена в рамках работы по тематическому плану НИР ГОУ ВПО НГЛУ по заданию Минобрнауки РФ.

японского языка «инородными телами», освоение происходит по сходным моделям: так, чтобы функционировать в предложении как глагол, и канго, и гайрайго присоединяют вербализатор *суру* «делать»:

О-хада-ни тоттэ хицуё: сэй-га най моно-о *катто-суру* кото дэ... (Анан, 14). Благодаря тому, что мы устранили (буквально: отсекли) всё, что не нужно Вашей коже... (катто-суру – резать, удалять от англ. to cut резать).

В разговорном языке, в первую очередь в молодёжном жаргоне, глаголы от усечённой формы гайрайго могут образовываться синтетически с помощью суффикса –ру (*сабору* «саботировать, прогуливать» от франц. sabotage «саботаж», *макуру* «есть в «Макдональдсе»» < *Макудонарудо* < англ. McDonald's; *дэморү* «участвовать в демонстрации» < *дэмонсутрэ:сён* < англ. demonstration «демонстрация»), однако число таких глаголов невелико, стилистически они характеризуются как фамильярно-разговорные единицы, близки к жаргонизмам и часто остаются на уровне окказионального употребления [2. С. 36-37].

Как было упомянуто выше, освоение заимствований в японском языке часто сопровождается усечением первоначальной словоформы до 2-3 слогов, что соответствует обычной длине японского слова. В некоторых случаях усечённая и полная словоформа употребляются параллельно, что служит одним из синонимобразующих факторов внутри слоя гайрайго (*айронна:ма* и *айна:* «завивка щипцами» от англ. iron permanent wave «горячая химическая завивка»). Усечённые или полные формы могут в дальнейшем использоваться как словообразовательные компоненты при создании так называемых *васэй эйго*, или «японских английских» слов – английских по форме, но не имеющих соответствий в английском языке, которые, в свою очередь, вступают в синонимические отношения с исконными единицами (*кяссюбакку* от англ. cash «деньги» и back «назад» и *хэнкин* «возврат денег»). Заимствованные морфемы могут также относительно свободно комбинироваться в потоке речи, создавая благоприятную почву для окказионального словообразования: *Масака-но гивү-анпу-сайн?! (SC, 6)* Неужели это сигнал «сдаюсь»?! (от англ. to give up «сдаваться» и sign «сигнал»).

Основные сферы функционирования гайрайго – это сфера повседневной жизни (названия продуктов питания, одежды,

спортивные термины и пр.) и сфера высоких технологий. В сфере повседневной жизни нарастающее количество гайрайго, очевидно, является следствием общей европеизации образа жизни в Японии; гайрайго также используются для поднятия престижа того или иного явления. Нередки случаи, когда рекламные слоганы состоят полностью из гайрайго, исключая лишь служебные элементы, например: *Курассикару-на сутайру-ни матти* (Anan, 17) Подходит к классическому стилю (от англ. classical «классический», style «стиль», to match «подходить, соответствовать»).

В сфере высоких технологий иноязычные единицы чаще всего появляются в результате одновременного заимствования наименования и его денотата.

Хотя терминология предполагает однозначное соответствие между термином и его денотатом и недопустимость полисемии и синонимии терминов, следует отметить, что в области японской терминологии гайрайго по-прежнему конкурируют с канго. Однако исследователи отмечают снижение словообразовательного потенциала канго, начиная с послевоенных лет, и переход от распространённого в эпоху Мэйдзи калькирования к прямому заимствованию [3]; [4]; [5]. Можно предположить, что причина этого явления состоит как в постоянном увеличении объёма переводов, обусловленном всё более интенсивной коммуникацией между Японией и другими странами, так и распространении английского языка среди населения Японии, благодаря чему переводчик вправе ожидать, что материальное заимствование будет понято верно.

Если обратиться к IT-терминологии, то часть терминов, очевидно, не имеет иного выражения, кроме гайрайго (*сукиппу-суру* «пропустить» от англ. to skip «перепрыгнуть, пропустить»); в других случаях термин-гайрайго имеет синонимичный термин-канго (*сукян-суру* от англ. to scan «просматривать, сканировать» и *со:-са-суру* «сканировать»; *копи:-суру* от англ. to copy «копировать» и *фукуся-суру* «копировать»). Сосуществование терминов, по всей вероятности, обусловлено тем, что канго, благодаря идеографической записи, обеспечивают понимание термина даже человеком, далёким от данной предметной сферы. Недостатком канго является выраженная омонимия, зачастую затрудняющая их восприятие на слух (так, *со:са-суру* может быть понято и как «управление, обслуживание (оборудования)»). Гайрайго, в свою очередь, лучше воспринимаются

на слух, однако проявляют склонность к паронимии и требуют владения предметной областью. В целом можно сказать, что в интерфейсе пользователя и в обиходной речи преимущественно используются гайрайго, в то время как канго принадлежат более книжному стилю, являясь, например, официальным обозначением товара.

Спортивная терминология служит одним из каналов, по которому глаголы-гайрайго поступают в обиходное словоупотребление. Рассмотрим следующие примеры:

Отто, мата хитори *даун* да! (SC, 6) О, ещё один выбыл/проиграл! (от англ. down «вниз; понизить»);

Коко-ни китэ иру рё:ся, сара-ни *супи:доанпу*-ситэ имас! (SC, 6) А наши двое снова прибавили скорость! (от англ. speedup «ускорение»);

Михо-но кимагурэ-на буцуёку-ни *суторайку*! (Nonno, 13) (Эта вещь) сразу бросилась в глаза Михо, отличающейся прихотливыми вкусами (*суторайку* – спорт. удар от англ. strike «удар»);

Мотто цуёй моно-ни *тендзи, тендзи*! (SC, 16) Я вас заменю на кого-нибудь более сильного! (*тендзи* – спорт. замена игрока от англ. change «замена»).

Если в первых двух примерах (ситуация спортивного комментария) гайрайго употребляются как спортивные термины, то в двух последних они утратили терминологический оттенок.

Представляется, что число гайрайго в том или ином синонимическом ряду зависит от семантики глаголов. Так, не удалось найти примеры глаголов со значением «жить» или «умирать»; относительно немного глаголов, обозначающих речь или эмоции:

Дзутто иссё-ни ита нони, анна кантан-ни *оккэ:-суру* нантэ... (SC, 20) Мы всё время были вместе, я и не думала, что он так легко согласится [уйти] (от англ. okay «о'кей», выражение согласия);

Сёппу-дэ таёрэру сутаффу ясасику *адобайсу* (Nonno, 46) В магазине сведущие продавцы любезно [дали] совет (от англ. advice «совет»).

Обращает на себя внимание эллипсис вербализатора в глаголе-сказуемом, в чём также проявляется сходство в синтаксисе канго и гайрайго. Такая модель особенно характерна для текстов рекламного характера:

Нацу-но о-цукарэхата-о *рэсукю*: (Aнан 19) Спасает уставшую после лета кожу (от англ. to rescue «спасать»);

Нитто соккусу-о *он!* (Nonno, 37) Наденьте/наденем вязаные носки! (от англ. to put on «надевать», to have on «носить»);

"Као фу:суй"-дэ унрёку мо *анпу!* (Aнан, обложка) «Фэн-шуй для лица» и удачу приносит! (от англ. up «вверх»);

Му:ди-на кара:-дэ оннарасиса-о *ки:пу*. (Nonno, 34) Чувственный цвет сохранит [Вашу] женственность (от англ. to keep «держат, сохранять»).

Интерес представляет и, казалось бы, неоправданная замена исконных глаголов (у каждого из приведённых выше гайрайго есть ряд синонимов среди канго и ваго, в том числе наиболее частотные), причём некоторые из приводимых глаголов-гайрайго пока не вошли в общие словари японского языка. Очевидно, их использование продиктовано желанием привлечь внимание к рекламируемому продукту.

Прямое заимствование в этой области может быть продиктовано и желанием подчеркнуть отличия в жизненном укладе: *вайфу* «жена» (от англ. wife «жена») указывает на супружеские отношения, отличные от принятых в традиционной японской семье. Ещё одним фактором является европейское образование говорящего, в том числе знание им иностранных языков.

Сякай-кара *доронпуауто-сита* вакамоно-тати ва... (SC, 12) (речь идёт об американских хиппи) Молодые люди, *выпавшие* из общества... (при наличии синонимов *ракуго-суру*, *дзацураку-суру* «выбыть из рядов; перен. быть неудачником») (от англ. to drop out «выпасть»);

Хада хё:мэн-но какусицу-о *кэа-си* кэана-о хикисимэтэ мэдатанакү симас (Фрау, 17) (от англ. to care «заботиться»). [Крем] ухаживает за верхним слоем кожи и маскирует поры (при наличии таких синонимов, как *итавару*, *кабау*, *кайго-суру*, *хого-суру* и т.д.);

и особенно:

"Онсэн рёкан-но сёкүдзи ва васёку" то йу ваку-кара нукэдэтэ...коко-дэ сика адзиваэнай рё:ри-га *са:бу-сарэру* (от англ. to serve «подавать, обслуживать»). (Фрау, 59) Здесь отказались от принципа: «Еда в рёкане на горячих источниках [должна быть] японской» - и подают блюда, которые в других местах не попробуешь.

Словари (БЯРС, Ко:дзиэн) дают для *са:бу-суру* только значение «подача» (в спорте). Очевидно, новое значение развилось из контаминации с *са:бису* «сервис» (от англ. service).

Однако словоупотребление в рекламе может определяться не только однозначной «престижностью» гайрайго, но и особенностями рекламируемого продукта. Так, в следующих двух примерах, взятых из рекламной статьи о курортах на горячих источниках (которые обычно ассоциируются с традиционной японской культурой), при выборе глагола-сказуемого предпочтение было отдано ваго:

Рагудзюари:-на суи:тору:му-дэ юттари *куцурогу*, сэйдзяку-на хитотоки (Frau, 33) Минуты тишины, когда Вы отдыхаете душой в роскошном номере.

Мотихакоби-сиясуй аромакяндору-о томоситари, ру:мусупурэ:-о каорасэрэба, кибун мо ёри *нагому* хадзу (Frau, 34) Чтобы ещё лучше расслабиться, зажгите ароматическую свечу, которую можно переносить с места на место, или используйте ароматический спрэй для комнаты. Глагол «нагому» снабжён в словаре БЯРС пометой «книжное» и пишется иероглифом *ва* «гармония; японское». Киндайти Харухико отмечает «ностальгическое звучание» (*нацукасий кандзи*) японских глаголов (по сравнению с канго) [6. С.18]; ваго также преобладают в списке «красивых слов», составляемых по опросам населения [7. С.209].

Очень показательны и следующие примеры:

Омовадзу *ноккуауто!* (о записной книжке) (Frau, 21) Невольно [оказываетесь] в нокауте! (от англ. *knockout* «нокаут» (в боксе));

Коно уэ най кимотиёса-ни омовадзу *то:суй* (о горячих источниках). (Frau, 33) Невольно приходишь в восторг от безграничного блаженства. *То:суй-суру* – канго, относящееся к книжному стилю.

Многие гайрайго уже освоены японским языком и воспринимаются как нейтральные:

Мамонаку *о:пун-суру* Нагоя-тэн... (Anan 17) Филиал в Нагое, который скоро будет открыт... (от англ. *to open* «открыть, открыться») *Опун-суру* отличается от синонимов-канго своей универсальностью (ср. *кайкан-суру* – открыть здание/учреждение, *кайкай-суру* – открыть мероприятие, *кайтэн-суру* – открыть магазин, *кайцу:-суру* – открыть/проложить дорогу и т.д.).

Сюнсуке-сан ва пасокон-но цукаиката-о *масута:-суру* тамэ-ни осоку-мадэ окитэ ита (Д, 4) Чтобы освоить компьютер, Сюнскэ-сан засиживался допоздна (от англ. to master «овладеть, освоить»). Глагол *масута:-суру* вошёл в синонимический ряд глаголов со значением «изучать, осваивать» наряду с такими единицами, как *нарау*, *манабу*, *сю:току-суру*.

Разумеется, гайрайго вступают в синонимические отношения не только с исконными единицами, но и между собой:

Рагудзюари: касимиа нитто-о *тэйсу* (Frau, 36) (от англ. choice «выбор»). Выбираем роскошный кашемировый джемпер. Примечательно, что в английском языке choice относится к существительным; таким образом, в этом случае освоение заимствования сопровождалось конверсией.

Рикуэсуто-ни о:дзитэ, сомуриэ-га рё:ри-ни питтари-но вайн-о *сэрэкуто-ситэ* курэру (Frau, 59) (от англ. to select «выбирать, отбирать») По Вашей просьбе сомелье подберёт вино, идеально подходящее к блюду.

Синонимические средства разного происхождения нередко чередуются в пространстве одного и того же текста с целью избежать повторов, а также (как в нижеприведённых примерах) сделать изложение более популярным:

Синсин-о *рираккусу-сасэру* кото то нэмури-тай то йу исики-о сорасу кото-га соно омо-на моно дэс. (от англ. to relax расслабиться) Важным здесь является расслабиться физически и психологически и отвлечься от мыслей о том, что Вы хотите спать.

Но: ва но: дзитай-о кю:соку-сасэ, мидзукара суймин-о цукуруидасимас. Мозг сам отправляет себя отдыхать и сам вызывает сон. (ОТ, 11).

Таким образом, глаголы-гайрайго, занимая важное место в синонимических рядах японских глаголов, включают как стилистически нейтральные единицы, которые прошли определенные ступени ассимиляции в японском языке, так и новые, которые зачастую находятся на уровне окказионального словоупотребления. По своему грамматическому оформлению гайрайго проявляют некоторое сходство с глаголами китайского корня – канго. Функции гайрайго в тексте разнообразны, они могут использоваться с целью избежания повторов, а также с целью привлечения внимания к содержанию текста.

Библиографический список

1. Неверов С.В. Общественно-языковая практика современной Японии. М.: КомКнига, 2005.
2. Тумаркин П.С. Некоторые особенности современной японской разговорной речи // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1993. №3. С.33-42.
3. Маевский Е.В. Лексическая «революция Мэйдзи» // Актуальные вопросы японского и общего языкознания. М.: Восточная литература, 2005.
4. Корчагина Т.И. О тенденциях развития современного японского языка // Язык и культура. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 60-67.
5. Сыромятников Н.А. Некоторые тенденции развития японской лексики после войны // Вопросы японской филологии. Вып.3. М.: Изд-во МГУ, 1975.
6. Киндайти Харухико Нихонго-но хё:гэн. Токио: Нихон бунка кэнкю:дзё, 1959.
7. Касуга Сё:дзо:, Сакураи Сигэхару Нихонго-но хё:гэн то ко:дзо:. Токио, Со:бунся, 1981.

Список сокращенных наименований источников

- Апан – Журнал «Апан», выпуск 9/10 за 2008 г.
Frau – Журнал «Frau», выпуск 12 за 2008 г.
Nonno - Журнал «Nonno», выпуск 9/20 за 2010 г.
OT - О:кума Тэруо Донна фумин мо корэ-дэ наосэру. Токио, Макино, 2000.
SC – Samurai Champloo. Аниме-сериал. Режиссёр Синъитиро Ватанабэ. Год выпуска 2004-2005. 26 серий.
БЯРС – Большой японско-русский словарь. В 2 т. / Под ред. Н.И. Конрада. М.: Живой язык, 2003.
Д – Сугу-ни цукаэру дзё:кю: до:си. Токио, Аруку, 2000.
Ко:дзиэн - Ко:дзиэн. Электронная версия. Sharp, 2004.

Сведения об авторе

Кострова Мария Алексеевна,
аспирант кафедры японской филологии
Института стран Азии и Африки
МГУ им. М.В.Ломоносова,
директор Японского центра НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
E-mail: mkostrova@yandex.ru

УДК 811.133.1'373.45

КСЕНОГЕННАЯ ИЗОТОПИЯ И АСПЕКТЫ КСЕНОГЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ КОММУНИКАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

М.А. Мазанова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье предлагается стратегия интерпретации текстов, содержащих так называемый «национально-локальный колорит», который создается, главным образом, всевозможными заимствованиями. Данная стратегия учитывает три параметра: выявление ксеногенности субъекта вербализованного действия, миметизацию данного вербализованного действия и релевантность в тексте ксеногенной изотопии.

Ключевые слова: заимствования, семантическая изотопия, теория высказывания, уровни художественной коммуникации, «чужая речь».

Xenogenetic Isotopy and Xenogenetic Aspects in Speaking Subjects of Literary Texts Maria Mazanova

The article proposes an interpretative strategy for texts with the so called “ethnic flavour” or local colour, when it is created essentially through different types of loan words. The proposed strategy includes three areas: detecting the xenogenetic “speaking subject”, xenogenetic mimesis of the discourse, and relevance of the xenogenetic isotopy in the text.

Key words: loan words, semantic isotopy, discourse analysis, discourse levels interaction, polyphony.

Исследование вопроса о заимствованиях и иноязычных вкраплениях в художественной литературе привело многих ученых к выводу об их полифункциональности [1], [2]. Однако, для того, чтобы прийти к четкой систематизации данного явления и его функций в текстах, необходимо найти критерии, которые позволили бы осуществить такую систематизацию и наметить стратегию интерпретации.

В качестве гипотезы выдвигается положение, что понятие «инокультурного» или «ксеногенного» выступает как семантическая категория, средством апелляции к которой служит разноуровневый лингвистический материал, актуализующий в конкретном тексте ксеногенный семантический признак, статус которого может варьироваться. Данный признак, в свою очередь, служит «входом» в

семантическую категорию «ксеногенности». Предпосылкой для выделения ксеногенного признака выступает универсальная культурологическая оппозиция «свое-чужое». Следуя данному принципу, можно сделать допущение, что ксеногенный семантический признак представляет собой инвариант, реализующийся в определенных вариантных, более или менее конкретизирующих его семах (например, /восточное/, /японское/ и т.п.).

В целях изучения проявления категории ксеногенности в тексте представляется полезным обратиться к понятию изотопии, понимаемой как эффект рекуррентности семантического признака, образующего план семантической однородности [3]. Использование понятия изотопии как одного из основополагающих понятий теории текста позволяет также устанавливать единообразное прочтение в случаях возможной неоднозначности иноязычных лексем. Так, в следующем примере означаящее «baby», которое вне контекста могло бы быть расценено, скорее всего, как англицизм (baby – ребенок, детка, девушка – англ.), приобретает значение «бабы», женщины крестьянского сословия в России, именно благодаря вхождению в одноименную изотопию по признаку /русс./, релевантную на протяжении всего текста и, в частности, данного предложения:

(1) De la cuisinière Evdotia à la blanchisseuse Machka, en passant par Sachinka, Marousska et autres Ludmilka, toutes nos bonnes femmes, *les baby*, se sentaient la tripe maternelle. (R. Gary, *Les enchanteurs*, 69).

Ксеногенная изотопия может выступать основанием для создания впечатление референтности [3], причем как в плоскости стандартного универсума, в соответствии с которым определяется истинностное значение(2), так и в плоскости воображаемых универсумов (3):

(2) Au pays du Soleil-Levant, de la naissance à l'école maternelle non comprise, on est un dieu. Nishio-san me traitait comme une divinité. (...) Moi, j'étais un *okosama*: une honorable excellence enfantine...(A. Nothomb, *Métaphysique des tubes*, 29).

Если в предыдущем примере ксеногенная изотопия вписывалась в рамки референтного универсума, то есть являлась определяющей для идентификации референциально-истинностной локализации действия, то в следующем фрагменте локальная изотопия по признаку

/японск./ принадлежит не референтному, а воображаемому универсуму. Оператор «*comme*» позволяет снять аллотопию между автохтонным «*Je*» и признаком /японск./ в «*kamikaze*» в атрибутивном отношении, а также актуализовать дополнительные признаки /спокойствие, готовность к смерти и т.п./:

(3) *Quelque chose m'empêchait de respirer, mais je me sentais serein, comme le kamikaze au moment de l'ultime saké* (M. Dantec, *Là où tombent des anges*, 52).

Между тем, возможности интерпретации ксеногенетики в художественном тексте не исчерпываются идентификацией изотопии по ксеногенному признаку. Предлагается дифференцировать три составляющие ксеногенной изотопии художественного текста в соответствии с постановкой следующих вопросов: О ЧЕМ, КТО (говорит) и КАК (говорит). Первый вопрос (О ЧЕМ) коррелирует с таким фактором, который может быть охарактеризован как тематика. Сюда относится и географическая локализация действия (хронотоп в терминологии Бахтина), и этнолингвистическая принадлежность актантов, и прочая информация, позволяющая создавать впечатление референтности. Ответ на второй вопрос (КТО) связан с определением субъекта вербализованного действия (актантом коммуникации) и характеризуется как номинативный аспект ксеногенности актанта высказывания. Ответ на третий вопрос (КАК) связан с дискурсивным аспектом ксеногенности и определяется в зависимости от ксеногенной миметичности данного вербализованного действия.

Идентификация субъекта вербального и/или ментального действия, содержащего ту или иную разновидность ксеногенетики, связана с коммуникативными характеристиками художественного текста.

На базовом уровне любой текст является дискурсом, будучи продуктом первичного отправителя, то есть автора, ответственного за структуру и вербальную последовательность текста-объекта. На втором, имманентном тексту уровне, фигурируют персонажные актанты, коммуникативная роль которых может быть различной в зависимости от замысла автора и сюжета произведения [4].

Онтологическая характеристика и формы языкового проявления разных субъектов художественной коммуникации в тексте существенно различаются. На базовом уровне литературная коммуникация характеризуется расслоением субъекта высказывания

[5], [6]. На этом уровне помимо реального автора-скриптора, имеющего социальную сущность, внутри самого текста идентифицируется рассказчик, имеющий языковую сущность, которая определяется непосредственно формой текста.

Изучение внутритекстовой коммуникации опирается на выделение дискурсивных уровней и их взаимодействие. Здесь коммуникация основывается на высказываниях повествователя и персонажей, слова которых цитируются повествователем. Внутритекстовая коммуникация, таким образом, предстает как взаимоотношение разных дискурсов, например, дискурс повествователя о дискурсе персонажей, дискурс одного персонажа о дискурсе другого, то есть рассматривается проблема взаимодействия «своего» и «чужого» слова, как она была сформулирована М.Бахтиным [7].

Под номинативным аспектом ксеногенности актанта понимается акт присвоения (именования, описания или иного способа атрибуции) актанту ксеногенной этнической характеристики, что на семантическом уровне означает надделение его ксеногенным признаком. Так, следующие примеры иллюстрируют способы актуализации ксеногенности в семном наборе персонажного актанта:

(4) Beau Masque (...) c'est un Italien, un Piémontais, qui s'appelle de son vrai nom Belmaschio, ce qui signifie Beau Mâle. (R. Vaillant, Beau Masque: 23).

Здесь персонажный актант «Beau Masque» за счет атрибуции этнонимов *Italien* и *Piémontais* наделяется признаком /итальянск./, который также является ингерентным в итальянском антропониме *Belmaschio*. Данная идентификация соотносится с референтным универсумом произведения.

С другой стороны, ксеногенная идентификация персонажного актанта возможна и на уровне воображаемого или контрфактического универсума:

(5) Pour l'état civil, il se prénomme Simon, mais il avait décidé que Sammy était désormais plus conforme à son style. (...) Alors Sammy se faisait Américain. Il mâchait ce chewing-gum en permanence (...), fumait exclusivement des Lucky Strike... (S.Lentz, Les années sandwiches).

В референтном универсуме персонажный актант «Симон» является автохтонным, то есть он - француз. Между тем, в его семном наборе актуализован также и ксеногенный признак /американск./

Противоречие снимается в воображаемом универсуме актанта «Сэмми» с помощью интерпретанта «*se faisait Américain*» в атрибутивной позиции к данному актанту. Таким образом, его семный набор наделяется афферентным признаком /американск./, который изотопен также одноименному признаку, образующую изотопию фрагмента.

Любой актант художественного текста может быть рассмотрен как языковая личность. Не претендуя на исчерпывающее исследование языковой личности актантов, рассмотрим тот ее компонент, который обусловлен их инокультурной принадлежностью и является ксеногенным по отношению к языку произведения. Так проявляется дискурсивный аспект ксеногенности актантов, который вытекает из языковой сущности их высказываний и может быть рассмотрен в плане ксеногенной изобразительности их речевых партий. Созданию эффекта ксеногенной миметизации дискурса служат, как правило, неcodифицированные заимствования (6), калькирование иноязычных структур, метафорики (7), имитация иностранного акцента (8). Миметизация дискурса персонажных актантов может иметь место как в прямой речи персонажей, так и в различных видах несобственно-прямой речи (9), относимой на план персонажных актантов:

(6) - *Mamma mia!* Il ne faut surtout pas en parler! (De Villiers G., La source Yahalom: 45).

(7) La chouafa enchaîna : - Ne t'inquiète pas pour ton fils (...). Quand il sera homme, il sera un sabre parmi les sabres, un guerrier invulnérable, une ruche au miel recherché pour sa saveur et son parfum. (Sefrioui A. Boîte à merveilles, 28).

(8) Missié, moi aller voir conducteur à nous partir aussi (Malraux A. La voie Royale: 92).

(9) Nos domestiques regardaient avec des mines consternées la *barynia* et les créatures infernales qui mettaient le salon à sac ; je savais qu'on commençait à murmurer dans les cuisines et dans les étables que l'*Italianka* subissait parfois l'emprise du Diable...(Gary R. Les enchanteurs, 153).

Неcodифицированность славянизмов во французском языке, а также их автонимное употребление [8], подчеркнутое графически, в примере (9) свидетельствуют в пользу переключения на план собирательного актанта «русские». Что же касается

кодифицированных ксеногенных элементов в произведениях с релевантной ксеногенной изотопией, то их присутствие в нарративе (как автохтонного, так и ксеногенного повествователя) и в персонажном дискурсе в целом не нарушает моносубъектности высказывания.

Ксеногенный признак, актуализованный в выделенных фрагментах, можно охарактеризовать как дискурсивный.

Для актантов внутритекстовой коммуникации именно номинативный аспект ксеногенности, будучи эксплицированным, является отправным моментом для интерпретации не только их «акционального», но и вербального поведения. Как писал В. В. Виноградов, «образ субъекта (...) «определяет», вставляет в более или менее строгие социально-характеристические рамки сказовую структуру, когда осуществлен акт его именованья»[9].

Что касается ксеногенного рассказчика, являющегося речевым порождением автора, то приходится констатировать, что возможности ксеногенной миметизации его дискурса в рамках литературного произведения уступают возможностям миметизации дискурса персонажей.

Так, первые строки романа К. Лепиди «L'or du Guadalquivir» открывают перспективу повествования от первого лица, где очерчивается референтная ситуация, в которой определяется номинативный аспект ксеногенности повествующего актанта Antonio Gomez Berrocal:

(10) Antonio Gomez Berrocal est mon nom. Je suis né de parents grenadins (L'or du Guadalquivir, 11).

Дискурсивный аспект ксеногенности данного рассказчика может быть усмотрен в наличии некодифицированных испанизмов (soleá, seguriya, sereno, Rastro, Sandía, tientos и др.), которые, в основном, не выделяются в тексте графически, что говорит в пользу моносубъектности дискурса рассказчика. Жесткая закономерность в выделении и комментировании испанизмов отсутствует, что, возможно, соответствует представлениям автора о способе создания «языкового портрета» испанца и стилизации. Благодаря эксплицитной этнокультурной идентификации повествующего актанта эта попытка стилизации кажется небезуспешной, однако данная стратегия «затухает» по ходу развития текста: после 35-й страницы

окказионализмы в дискурсе рассказчика остаются лишь в персонажных высказываниях.

Ксенолектные элементы в моносубъектном дискурсе ксеногенного рассказчика англичанина Томпсона в романе П. Даниноса объясняются в многочисленных сносках от «переводчика»:

(11) Et il fut obligé de convenir que tout cela faisait un réellement bon anglais*

Сноска: Le traducteur, au risque de choquer certains puristes par des tournures de phrase peu françaises ou des anglicismes, s'est attaché, dans toute la mesure du possible, à conserver au texte du major Thompson son parfum, il allait dire son *flavour*, en s'en tenant à la traduction littérale. En l'occurrence : *a really good Englishman* (Note du Traducteur). (Les carnets du major Thompson, 18).

Представляется, что первое, что утрачивает ксеногенный рассказчик – это этнонациональную часть своей языковой личности. Это может означать, что если диверсификация повествователя в рамках социолингвистической парадигмы являет собой весьма распространенное явление в литературе, то диверсификация этнонациональной части его языковой личности представляет определенные сложности, связанные с ограниченными возможностями миметизации речи в плане ксеногенетики: язык повествования диктует повествующему актанту свои нормы и правила, а ксеногенная автономия подчеркивает лишь дистанцирование рассказчика от ксеногенной части своей языковой личности при адресованности высказывания автохтонному реципиенту. Ксенолектное маркирование дискурса рассказчика осуществимо в полной мере, пожалуй, лишь в пределах малых текстовых жанров (зачастую устных).

Номинативный аспект этнонациональной идентификации писателя представлен его именем на обложке книги, информацией в аннотации, предисловии или послесловии, а также в других доступных для читателя источниках. Так читатель узнает, что франкоязычный писатель А. Макин - русский, а М. Кундера – чех. При этом дискурсивный аспект личности писателя неотделим от дискурсивного аспекта другой его ипостаси - автора-скриптора. Номинативный же аспект этнонациональной идентификации автора-скриптора, который является самым «анонимным» актантом художественной коммуникации, представляет особую проблему.

Единственно возможным способом номинации автора-скриптора является, пожалуй, псевдоним, который участвует в создании образа автора и составляет часть креативной функции писателя. В принципе, и псевдоним может носить ксеногенный характер. Однако ипостась автора-скриптора существует, по-видимому, исключительно в виде языкового проявления, а сам факт использования определенного языка в качестве средства базовой коммуникации характеризует данного субъекта коммуникации как автохтонного.

Так как субъекты внешнего уровня художественной коммуникации – писатель и его художественная личность – имеют в рамках произведения лишь вербальное воплощение, им по умолчанию присуща дискурсивная автохтонность. Номинативный аспект ксеногенности данных актантов служит вспомогательным интерпретантом их дискурсивного проявления лишь в случаях нахождения «следов» иной этнокультурной локализации дискурса, иных литературных традиций, или даже языковой интерференции. В частности, в исследовании, посвященном стилю А. Макина, М. Ферран аргументировано доказывает, что основные отклонения от норм литературного французского языка в романе «Le testament français» связаны с влиянием русской грамматики и синтаксиса [10].

Таким образом, при исследовании ксеногенных изотопий текста целесообразно учитывать все три названных фактора (О ЧЕМ, КТО и КАК) в плане распределения ксеногенного языкового материала между актантами: автор, рассказчик, персонаж с учетом номинативного аспекта ксеногенности каждого из субъектов художественной коммуникации.

Библиографический список

1. Сапожникова О.С. Стилистические функции иноязычной лексики во французской литературе: Дис. ... канд.филол.наук. Горький, 1969. 354 с.
2. Листрова Ю.В. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX века: на материале немецких вкраплений. Воронеж, 1979. 155 с.
3. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: Деком, 2001. 367 с.
4. Molinié G. *Eléments de stylistique française*. Paris: PUF, 1987. 211p.

5. Kerbrat-Orecchioni C. L'énonciation. De la subjectivité dans le langage. Paris: Librairie Armand Colin, 1980. 290 p.
6. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris, 1992. 927 p.
7. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
8. Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме Другого в дискурсе // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С.54-94.
9. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 70.
10. Ferrand M. Le français d'un prix Goncourt vu par un russisant // La Revue russe. 2001. № 20. С. 83-97.

Сведения об авторе

Мазанова Мария Алексеевна
ассистент кафедры французского языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: mariamazanova@mail.ru

УДК 811.112.2'373.611

КОМПОЗИТЫ С РЕЛЯЦИОННОЙ СЕМАНТИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

С.В. Муратова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье даётся классификация основных групп копулятивных композитов и выявляется ряд структурно-семантических признаков, свидетельствующих о различной природе этих сложных слов. Подробно рассматриваются сложные слова с реляционной семантикой.

Ключевые слова: копулятивные композиты, детерминативные композиты, тесные экспликативные синтагмы, сопряжённый атрибутивный комплекс, сложные слова с реляционной семантикой.

Composites with Relational Semantics in the Modern German Language Svetlana Muratova

This article investigates coordinating composites and outlines some of their structural and semantic features, confirming that compound words, often considered to follow similar word-formation patterns, in truth have a very different nature. The author gives a more detailed analysis of compound words with relational semantics.

Key words: co-coordinating composites, subordinate composites, close explicative syntagmas, interfaced attributive complex, compound words with relational semantics.

Предметом исследования в данной работе являются сложные слова типа Schleswig-Holstein, которые до недавнего времени единодушно рассматривались многими грамматистами в рамках модели копулятивных композитов – М.Д.Степанова, И.И.Чернышёва (1975, 1986, 2005), Н. Brinkmann (1981), Н. Ortner, L. Ortner (1984), Th. Schippan (1992), M. Rickheit (1993), L. Eichinger (1994), W. Fleischer, I. Barz (1995), G. Zifonun (1997).

В качестве копулятивных композитов выступают комбинации равноправных компонентов, «значения которых накладываются друг на друга» [1]. По способу соединения компонентов копулятивные сложные слова атематичны: соединение основ происходит в них непосредственно, без участия интерфиксов, как это бывает при тематическом словосложении, характерном для подчинительных композитов [2]. В рамках рассматриваемой модели сложных слов в

большинстве грамматик выделяются следующие группы:

1) сложные (сопряженные) имена, фамилии: **Kurt-Georg Kiesinger**, **Hans-Dietrich Genscher**; **Elisabeth Noelle-Neumann**, **Ernst Rebeur-Paschwitz**;

2) копулятивные адъективные и адвербиальные композиты с семантическим отношением комитативности между компонентами «и... и...»: *schwarz-rot-gold*, *weiß-blau-karierte Decken*;

3) сложные географические названия:

а) составляющие которых находятся в отношении «pars pro toto» («целое-часть»); второй топоним выступает определением к первому компоненту, называя район города, уточняя местонахождение населенного пункта: *Berlin-Schönefelde*, *München-Schwabing*;

б) обозначения объединённой местности, региона, административной единицы (федеральной земли): *Schleswig-Holstein*, *Lippe-Detmold*, *Nordrhein-Westfalen*, *Mecklenburg-Vorpommern*, *Sachsen-Anhalt*; при этом используются дефисные топонимы с комитативной семантикой;

4) сложные слова типа *Prinz-Regent*, *Dichter-Komponist*, *Fürst-Reichkanzler*, *Herzoginmutter*, *Bildhauerdichter*, *Königinwitwe*, *Malerdichter*, которые в современной лингвистике также трактуются как копулятивные композиты, впервые упоминаются Г. Вустманом в книге «*Sprachdummheiten*» (1891). Нетипичные для тогдашнего немецкого языка словообразовательные конструкции подобного типа воспринимались скорее как аномалии, являясь результатом «неоправданного подражания французскому и английскому языкам» [3]. Примеры таких конструкций были известны еще со времён Гёте, в частности, его дословный перевод французского «*citoyengeneral*» как «*Bürgergeneral*». И более поздний пример «*Prinzgemahl*» – перевод английского «*prince-consort*».

Статус композитов, сходных с «*Schleswig-Holstein*» или образуемых по той же модели $N \leftrightarrow N$ («отношение»), оставался до сих пор мало исследованным.

При сопоставлении композитов группы 4 «*Dichter-Komponist*» с композитами группы 3б «*Schleswig-Holstein*» выявляется ряд существенных отличий. В структурно-семантическом плане обе модели, несмотря на сходную формальную реализацию, представляют собой различные структуры. Основополагающее, на наш взгляд, отличие этих двух формально сходных композитов

заключается в разном характере их денотативной соотнесённости: композиты типа «Dichter-Komponist» обозначают один денотат. Особенность композитов типа «Schleswig-Holstein» состоит в том, что они представляют несколько денотатов, связанных друг с другом определенным отношением.

Базой для формирования сложных слов типа **Schleswig-Holstein, Rhein-Ruhr, KruppThyssen** являются атрибутивные словосочетания, именуемые тесными экспликативными синтагмами (ТЭС) с сопряжённым атрибутивным комплексом (САК) [4] – das Bundesland Schleswig-Holstein, das Gebiet Rhein-Ruhr, der Konzern KruppThyssen. Структурная особенность данной модели атрибутивного словосочетания (ТЭС) заключается в полиформальности второго конституента, состоящего из двух и более сопряженных существительных – имён собственных, нарицательных, субстантивированных местоимений, прилагательных, числительных, глаголов, предлогов, союзов, артиклей. Способ связи между составляющими второго конституента можно охарактеризовать как «контактное соположение», при котором соединяются грамматически равноправные слова на основе координативной группы с однородными членами базового атрибутивного словосочетания, которые не разделяются другими словами, и сочетание которых в синтаксическом отношении представляет собой единую структурную единицу, т.е. оба существительных в сопряженном комплексе **грамматически доминантны**. Как средство связи между сопряженными компонентами чаще всего используется дефис (Rhein-Main) или вертикальная черта (CDU/CSU).

Дефисные сопряжения (САК) функционируют как единая структурная единица, дающая возможность назвать не только каждый референт, но и показать отношение, касающееся компонентов сопряженного атрибутивного комплекса. На первый план при сопряжении выдвигается, таким образом, значение «**отношение**», поскольку слова, представляющие предметы, явления действительности в качестве сопряженных имён, имеют всегда тематический характер. Как правило, они либо хорошо известны носителям языка, относясь к фонду актуальных или всеобщих знаний, либо они тематизируются непосредственно через контекст. Таким образом, сохраняя различную денотативную соотнесённость, компоненты САК, тем не менее, дают общее значение: дефисным

комплексом выражается **отношение**, которым связаны сопряженные понятия.

Между сопряженными компонентами, даже формально идентичными, могут формироваться самые разные типы отношений: **контрастивные** - (Kontroverse) CSU-FDP, **коррелятивно-комплементарные** - (Treffen) Brandt-Stoph, **комитативные** - (Regierung) Brandt-Scheel, **последовательные** - (Jahreswechsel) 1996/1997, **дирекциональные** - (Strecke) Canberra-Sydney, **причинно-следственные** - (Beziehung) Grund-Folge, **взаимообусловленные** - (Beziehungsgeflecht) Ökologie-Ökonomie, «**часть-целое**» - (Abfolge) Gruppe-Element.

Сам сопряженный комплекс, предъявленный отдельно, не в состоянии выразить тип отношения, в котором состоят денотаты, представляемые сопряженными компонентами. Само сопряжение при помощи графических знаков, чаще всего это дефис или вертикальная черта, сигнализирует лишь о том, что здесь имеет место отношение, но какое именно, остается неясным. Этим объясняется неспособность большинства дефисных сопряжений функционировать в речи самостоятельно, поскольку для экспликации типа представленной в сопряженном комплексе реляции необходимо другое слово: **das Treffen Putin-Merkel**.

Достаточным условием для выхода сопряженного комплекса из структурных рамок ТЭС и дальнейшего его сольного функционирования как сложного слова является наличие **комитативных** логико-семантических отношений между сопряженными компонентами – именами собственными-антропонимами и соционимами, обозначающими один коллектив (die Partei CDU/CSU); с топонимами-названиями рек, географических областей для представления объединенной геополитической, экономической, административно-территориальной единицы (das Gebiet Rhein-Main); с числительными, обозначающими порядковый номер при летоисчислении, для фиксирования единого временного отрезка (das Schuljahr 2009/2010). Все остальные типы сопряжений в силу неоднозначности и неконстантности выражаемых отношений между составляющими нуждаются в обязательной поддержке со стороны главного слова, уточняющего тип реляции в каждом конкретном случае.

САК формируется на уровне одной общей лексико-

грамматической парадигмы: CDU/CSU («политические партии»), Rhein-Main («реки»), Vater-Sohn («родственники»). Это значит, что сопрягаются субстантивные компоненты, относящиеся, как правило, к одному и тому же лексико-грамматическому разряду и обычно входящие в одну тематическую группу, что сближает сопряженные атрибутивные блоки с копулятивными композитами, с одной стороны.

С другой стороны, порядок расположения сопрягающихся компонентов, как показало проведенное исследование [4], не произволен: в подавляющем большинстве зафиксированных примеров ТЭС в сопряженной группе выявляется определенная семантическая иерархия между ее компонентами, детерминированная экстралингвистическими факторами. Контекстуально доминантное, ведущее понятие (в микро- и макроконтексте) занимает начальную позицию при сопряжении. В зависимости от структурных особенностей и общей семантики ТЭС доминантность первого компонента сопряженного комплекса может означать: лидера (das Tennisfinale **Becker-Sampras**), инициатора (der Pakt **Südmilch**-Graf), причину (der Gegensatz **Sozialismus**-Kapitalismus), точку отсчёта (der Flug **Moskau**-Düsseldorf) и др. Такой семантический приоритет первого компонента САК вносит определенный дисбаланс в грамматически уравновешенную группу сопряженных компонентов. Отсюда следует, что данная модель дефисных слов, несмотря на свое формальное сходство с моделью копулятивных композитов, тем не менее, приближается к словообразовательной модели детерминативного сложного слова S_2 : S_{2a} - S_{2b} , где S_{2a} – определяющее, ремарный, семантически ведущий элемент, S_{2b} – определяемое, тематический, грамматически ведущий элемент [5].

Кроме того, сопряженное сложное слово отличается от других композитов и **по способу номинации**. На основе выделяемых различий объекта номинации, или номинатов, разграничивают между **элементной** и **событийной** (ситуативной) номинацией. В первом случае именуется определенный объект действительности, во втором – событие, факт, ситуация, объединяющие ряд элементов.

В зависимости от характера объекта номинации в элементной номинации различают **элементную номинацию простую**, направленную на обозначение отдельных сторон, качеств, признаков как динамичных, так и статичных, и **элементную номинацию**

комплексную, или синкретичную, «... в ходе которой обозначение получает некоторая совокупность свойств, составляющая, как правило, качественную определенность предмета и детерминирующая его связь с другими предметами» [6].

Сопряженные слова, в зависимости от общего оформления всей конструкции, в которую они входят – (характер отношений в них задается значением главного слова, рисующего общую денотативную ситуацию) – могут выполнять функцию элементной номинации комплексной, ср.: *die Riesling-Sahne-Sauce*, *das Gebiet Armenien-Aserbaidshan*.

Речь может идти и о более сложном способе номинации – событийной (ситуативной) номинации: *der Iran-Irak-Krieg*, *das Treffen Peres-Arafat*.

Таким образом, сопряженные слова могут служить целям элементной комплексной номинации (*der Zug Köln-Berlin*), а также ситуативной номинации (*der Tito-Stalin-Konflikt*) – в обоих случаях речь идет об усложненных номинациях.

Ещё одна особенность композитной модели дефисного сопряжения заключается в ее промежуточном статусе: данная конструкция сохраняет черты исходного словосочетания – семантическая (синтаксическая) денотативная расчлененность компонентов, но уже начинает приобретать признаки слова – слитнооформленность интонационная и отчасти орфографическая при разнотенотативной сфокусированности составляющих. Объединяясь в один комплекс, сопрягающиеся компоненты обозначают уже не отдельные денотаты, которые представляют собой тематические элементы, на первый план в таких конструкциях выдвигается значение «отношение», в котором состоят денотаты, обозначаемые сопряженными компонентами.

Как мы видим, в связи с возрастанием интереса к новым способам образования сложных слов в современном немецком языке актуальной является структурная модель ТЭС с сопряженным атрибутивным комплексом. Эти атрибутивные словосочетания являются базовой структурой для формирования сложных дефисных слов окказионального типа, призванных выражать новые логико-семантические отношения, не характерные для традиционных композитов: контрастивные, коррелятивно-комплементарные, комитативные, последовательные, дирекциональные, причинно-

следственные, взаимообусловленные, часть-целое, альтернативные. Некоторые из них со временем могут приобретать статус узуальных образований – die CDU/CSU, (das) Schleswig-Holstein, (das) Rhein-Main, (der) KruppThyssen.

Таким образом, установлено, что сложные дефисные слова, формирующиеся как сопряжённый атрибутивный комплекс в рамках модели тесных экспликативных синтагм, не противоречат нормам образования сложных слов в современном немецком языке: они имеют сходную с копулятивными композитами структурную формулу. При этом сопряжённые слова кардинально отличаются от копулятивных композитов в референциальном плане, так как компоненты сопряжений разноденотатны.

Кроме того, компоненты дефисных сопряжений, являясь грамматически равноправными, не будут таковыми в семантическом плане: семантическая доминанта в таких словах всегда будет передаваться начальной позицией ведущего понятия, как и в модели детерминативных композитов. Всё это, на наш взгляд, не позволяет и дальше трактовать дефисные сопряжённые слова типа Schleswig-Holstein как копулятивные. Целесообразным в этой связи представляется выделять композиты данной структурно-семантической модели в особый тип сложных слов с реляционной семантикой. Это сложные слова, которые служат исключительно для формирования модальных, реляционных значений, что делает их перспективными, поскольку в языке не хватает слов, не просто называющих денотат, а показывающих **реляцию**, модусные отношения между одинаковыми оппозициями.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 431.
2. Виноградов В.А. Словосложение // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С.469.
3. Wustmann G. Sprachdummheiten. 14., erneuerte Auflage. Berlin: Walter de Gruyter, 1966. S. 165-170.
4. Муратова С.В. Тесные экспликативные синтагмы с сопряжённым атрибутивным комплексом в современном немецком языке: Дис. ...канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 218 с.

5. Степанова М.Д., Чернышёва И.И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 256 с.

6. Харитончик З.А. О типах элементной номинации // Актуальные проблемы языковой номинации: Тезисы докладов регионального научного семинара. Саратов, 1988. С. 17-18.

Сведения об авторе

Муратова Светлана Викторовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: lichtlana@bk.ru

УДК 811.161.1'37:882(091)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЗМА В ПРОЗЕ А.С. ПУШКИНА*

Е.В. Наумова

*Нижегородский государственный лингвистический университет,
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассмотрен лингвистический аспект проблемы психологизма в прозаических произведениях А.С. Пушкина, выявлены лексические особенности индивидуального стиля А.С. Пушкина в отображении внутреннего мира человека.

Ключевые слова: проблема психологизма, лексический анализ, проза А.С. Пушкина, лексика со значением психического состояния, эллиптический стиль.

The Language of Psychological Insight in A.S. Pushkin's Prose

Elena Naumova

The article looks at the linguistic means used to convey psychological insight in A.S. Pushkin's prose. The author examines Pushkin's idiosyncratic word choices, employed to portray the inner world of his characters.

Key words: psychological insight, lexical analysis, A.S. Pushkin's prose, language of psychological insight, elliptical style.

Функциональный подход к исследованию языковых явлений, который признается основной тенденцией в лингвистике последних десятилетий (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, М.В. Всеволодова, А.Е. Кибрик, М.Я. Дымарский и др.), представляет собой естественное продолжение и развитие семантико-структурного описания языка и позволяет исследовать языковые единицы в реальных фактах коммуникации.

В данной статье предлагаются результаты функционального анализа лексики со значением психического состояния в тексте. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что автором впервые дан анализ идейно-смыслового содержания прозы А.С. Пушкина через исследование текстовой функции лексики со значением психического состояния, являющейся одним из компонентов языковой организации текстов, выявлены лексические

* Статья подготовлена в рамках работы по тематическому плану НИР ГОУ ВПО НГЛУ по заданию Минобрнауки РФ.

особенности индивидуального стиля А.С. Пушкина в отображении внутреннего мира человека.

Представление о внутреннем мире человека в истории этноса, его культуре и литературе непрестанно эволюционирует. Изучая изменение образа человека в культуре, как психологи, так и литературоведы выделяют несколько стадий. На ранних этапах развития человечества индивид не воспринимал себя отдельно, расплывчатость первобытного мышления проявлялась в неотчетливом различии субъекта и объекта. В средневековой культуре вся жизнь человека была строго регламентирована. Индивидуальное сознание не привлекало к себе внимание, так как черты человека в это время «конструировали» по заранее заданному сословному образцу и нормам этикета, причем это касалось и внешности, и морально-этических качеств личности. В эпоху Возрождения человек познает уже не свое место в социуме, а свой внутренний мир. В дальнейшие периоды процесс самопознания личности углубляется [1]. В литературе процесс отражения внутреннего мира человека проходит те же этапы: «отражение процесса индивидуальности в искусстве идет от восприятия нерасчлененного индивида в заданной ситуации к дифференциации его психических качеств, которые затем интегрируются в единый внутренне последовательный образ, сохраняющий свою структуру независимо от меняющихся ситуаций» [2].

Интерес различных наук к проблеме психологизма развивался неравномерно. У истоков изучения ее стояли философия, эстетика, позднее психологические аспекты начинают разрабатываться в литературе и языке. Говоря о психологизме в литературе, следует внести ряд уточнений. Под психологизмом понимается: 1) содержательная информация о психических состояниях, выраженная эксплицитно, т.е. посредством лингвистических способов, 2) коммуникативная информация, выраженная имплицитно, паралингвистическими средствами, обеспечивающими эмоциональную выразительность текстов, психологическое воздействие на читателя (о различиях в понимании термина «психологизм» см. [3]. В данной работе нас интересует психологизм в первом значении.

Становление психологизма в литературе стало возможным благодаря «готовности» языка выражать данную реальность. В

русском литературном языке такая возможность появилась к XIX в. По мнению историков языка, наиболее активно становление и развитие лексики со значением психического состояния, относящейся к внутреннему миру человека, шло в XVIII-XIX вв. [4]. «Интимизация» мира и утверждение «внутреннего» начала было характерной чертой развития общественной мысли в XVIII-XIX вв. не только в России, но и в Западной Европе, что нашло отражение в изменении словарного запаса многих европейских языков. Широкое распространение получают слова, обозначающие психические состояния, настроения.

В данной статье из всего комплекса проблем, связанных с отражением психологизма в литературе и языке, остановимся на экспликации лексическими средствами языка психологических состояний в письмах и прозе (на примере повести «Дубровский») А.С. Пушкина.

Выбор личности А.С.Пушкина обусловлен тем, что именно этот человек во многом определил пути дальнейшего развития русской литературы и русского литературного языка. Нам представляется спорным мнение Е.Г. Эткинда, утверждающего, что «проза Пушкина далека от психологизма. Она ориентирована на действия, которые должны динамично развиваться, стремительно сменяя друг друга» [5]. На основе лингвистического анализа попытаемся оспорить данное утверждение.

Прекрасные образцы анализа психологизма произведений А.С. Пушкина, но с литературоведческой позиции, есть в работах М.М. Бахтина, Л.Я. Гинзбург. Лингвистический же анализ этой проблемы еще до недавнего времени был невозможен в связи с неразработанностью вопросов лингвистики текста, его семантической организации. Лингвистический аспект анализа психологического содержания текста можно ограничить лексическим анализом, так как автор, описывая сложный внутренний мир человека, опирается на законы языковых средств, прежде всего, лексических.

В XVIII-XIX вв. языковые проблемы были неразделимы с проблемами художественной литературы. В России художественная литература становится «ареной борьбы» (Ф.П. Филин), в ходе которой решаются важнейшие вопросы, связанные со становлением норм русского литературного языка. Общая тенденция XVIII-XIX вв., нашедшая отражение в языке и литературе, связана с отходом

философской проблемы государственности на второй план, в результате чего первостепенное значение приобретает интерес к отдельной личности. В литературе это связано с падением одической традиции и бурным развитием малых и документальных жанров.

Для анализа в данной статье нами были выбраны повесть «Дубровский» как образец малого художественного жанра А.С. Пушкина и письма А.С. Пушкина к П.А. Вяземскому как образец документального жанра.

Остановимся сначала на характеристике эпистолярного жанра. Соотношение между художественной прозой и документальными жанрами на разных этапах развития литературы неоднозначно. В пушкинский период эпистолярный жанр рассматривался как произведение искусства, сам поэт называл этот жанр «почтовой прозой». Эпистолярная проза А.С. Пушкина, по мнению Г.О. Винокура, Я.Л. Левковича, Л.Я. Гинзбург, W. Todd и других исследователей, была творческой лабораторией Пушкина-повествователя. Работа А.С. Пушкина над письмами была процессом сложным и многотрудным. По статистике Я.Л. Левковича, до нас дошло 847 писем А.С. Пушкина, из них 72 сохранились только в черновых вариантах [6].

Черновики свидетельствуют о тщательной и серьезной работе Пушкина над письмами. Письма редактируются так же, как и художественные произведения. Внимание уделяется композиции письма, стилю, отбору лексики и т.д. Часто одно и то же место переделывается много раз. Например, в черновом письме к В.Ф. Вяземской от конца сентября 1824 г. имеется 10 вариантов одной фразы, а в письме к Бестужеву от 12 января 1824 г. отзыв об элегии Баратынского, состоящий из одного предложения («Признание - совершенство»), переделывается 5 раз [7].

В нашей работе исследуются письма А.С. Пушкина к П.А. Вяземскому, так как П.А. Вяземский – один из самых активных корреспондентов А.С. Пушкина. Эта переписка составляет целый эпистолярный цикл, она продолжалась с разной интенсивностью в течение 20 лет (например, 1 – из Царского Села, 1 – из Петербурга, а из южной ссылки 18). Наиболее активно переписка шла в годы южной и михайловской ссылки. Количественный анализ 64 писем А.С. Пушкина показал, что в 8 письмах отсутствует лексика со

значением психического состояния, в 56 письмах нами выделено 72 лексемы.

Необходимо отметить, что изучение проблемы может быть проведено на уровне денотативной номинации (изучение лексем, в которых семы со значением психического состояния являются ядерными) или на уровне ситуативной номинации (изучение лексем, в которых семы со значением психического состояния являются периферийными, актуализируемыми контекстом). Примерами лексем первого типа номинации являются следующие: *Отец мой горюет у меня в соседстве* [8. С.24], *мне скучно, милый Асмадей* [8. С.52], *грустно мне, что не прощусь с Карамзиным* [8. С. 163], *прощай, милый, у меня хандра* [8. С.107]. Пример ситуативной номинации: *Вчера получил горестное известие из Петербурга – Дельвиг умер гнилою горячкою* [8. С. 260] (в данном случае состояние передано косвенно, можно перефразировать предложение: мы горюем, получив известие о смерти). В нашем исследовании подобные лексемы были включены в лексико-семантическое поле психического состояния, так как в работе был использован функциональный подход к классификации лексики со значением психического состояния. В основу классификации лексики со значением психического состояния положена причина, вызвавшая данное состояние.

Выделено несколько лексико-семантических групп (ЛСГ) со значением психического состояния таких как состояние, вызванное утратой кого-либо или чего-либо, состояние, вызванное какой-либо опасностью, состояние, вызванное какой-либо неожиданностью, и другие.

В статье рассматриваются лексемы только одной, наиболее многочисленной ЛСГ в анализируемых письмах – лексические единицы, выражающие состояние, вызванное удовлетворением или неудовлетворением потребностей и желаний (28 единиц). Ведущая роль среди всех частей речи в данной группе принадлежит глаголу, семантика которого наиболее соответствует передаче психического состояния. Данная ЛСГ имеет сложную структуру.

Рассмотрим сначала лексику, выражающую психическое состояние, вызванное удовлетворением потребностей и желаний. Лексема *удовольствие* – неактивное положительное состояние. Она встречается один раз в следующем контексте: *и только последний, т.е. окончательный, стих ее принес мне истинное удовольствие* [8.

С.16]. В этом предложении субъект состояния пассивен, само состояние передано существительным как некая субстанция (возможна активная позиция субъекта, например, я доволен стихом). В данной ситуации передается воздействие предмета на субъект. Синонимичным по семантике будет предложение с лексемой *приятно*: *писать мои мемуары заманчиво и приятно* [8. С.147], *ты не можешь себе представить, как приятно читать о тебе суждения умного человека* [8. С.46]. Лексеме *приятно* (во втором примере), употребленной в придаточном предложении, главная часть придает усилительное значение, повышенную экспрессивность (*ты не можешь себе представить*).

Высшую форму удовольствия передает лексема *наслаждаюсь, наслаждение*: *я наслаждаюсь душистым запахом смолистых почек берез* [8. С.118], *есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму* [8. С. 167.].

Активное положительное состояние передается лексемами *радуется, обрадовался, с радостью, радуюсь, рад, обрадовали, обрадовало*: *он радуется оправданию своему перед московским дворянством* [8. С.165], *очень обрадовался, что мог услужить тебе своей денежкой* [8. С.73], *радуюсь, что ты принялся за Фонвизина* [8. С.188], *я очень рад, что придрался к переписке* [8. С.16]. В приведенных примерах наиболее употребительна конструкция «субъект - состояние».

Встречаются случаи, когда состояние субъекта вызвано каким-либо объектом, а субъект выступает как пассивное начало: *твое поручение отыскать мне дом обрадовало меня* [8. С.68], *посуди сам, сколько обрадовали знакомые каракули твоего пера* [8. С.35].

Проявление состояния радости в мимике и поведении выражается глаголами *развлечь, рассмешишь, веселиться, хохотать*: *милый, теперь только одни глупости могут развлечь и рассмешишь меня* [8. С.74], *веселятся до упаду* [8. С.201], *с тех пор, как я в Михайловском, я только два раза хохотал* [8. С.146]. Синонимичными конструкциями в данной группе лексики могут быть фразеологические и устойчивые перифрастические сочетания. Эвфемизм состояния удовольствия дан в словосочетаниях *щекотать сердце, пришла по сердцу, радуется душе*: *деревня мне пришла по сердцу* [8. С.167], *дружба твоя с Шаховским радуется миролюбивую*

мою душу [8. С.55], встреча моей дворни, хамов и моей няни – ей богу, приятнее щекотит сердце [8. С.167].

Есть случаи развернутого описания поведения, передающего психическое состояние: *трагедия моя окончена, я перечел ее вслух, один, бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!* [8. С.146].

Встречаются авторские окказиональные конструкции: *Киселев женится на Лизавете Ушаковой, и Катерина говорит, что они счастливы до гадости* [8. С.165]. Конструкция *счастлив до* (предела, безумия и т.д.) переосмыслена Пушкиным и строится как оксюморон, что придает выражению иронический оттенок.

Состояние, возникающее при неудовлетворении стремлений и желаний, противоположное (антонимичное) предыдущему, может также быть передано различными синонимичными конструкциями.

Лексема *недоволен* – неактивное отрицательное состояние: *речью адвокатов я недоволен* [8. С.9]. Близким по значению к вышеописанному является состояние огорчения, причина которого – однократное неудовлетворение желания: *ты слишком огорчил меня* [8. С.36], *коротенькое письмо твое огорчило меня* [8. С.163]. В данных предложениях состояние огорчения обусловлено каким-то другим субъектом или объектом. Состояние неудовлетворения может быть вызвано несбывшимися надеждам, мечтами: *досадно, что не получил журналов* [8. С.188]. Состояние неудовлетворения может быть активным и вызвано различными конфликтными ситуациями. В зависимости от степени активности в проявлении состояния выстраивается градация. Рассмотрим ее на примере состояния неудовлетворения, переданного через поведение (словесное выражение недовольства): *брата я пожурил за рукописную известность «Бахчисарая»* [8. С.70] (*журишь* – ‘делать легкий выговор, слегка бранить’ [9. С.196]), *бранюсь с тобою за одно послание к Канчаловскому* [8. С.29] (*бранить* – ‘порицать, выражать недовольство бранными словами’ [9. С. 58]), *друзья обо мне хлопочут, а мне все хуже и хуже. Сгоряча их проклинаю* [8. С. 140] (*проклинать* – ‘ругать, бранить, осуждать’ [9. С.613]).

Состояние крайнего раздражения и возмущения, проявляющегося во внешности, поведении, выражают фразеологические единицы и эмоционально-экспрессивные глаголы,

имеющие также отрицательное оценочное значение: *бесит* (разг.), *ощетинился* (разг.), *взбеленился* (прост.), *в бессилии бешенства*.

Наиболее частотной является лексема *беситься* в ее видовременных вариантах, а также ее однокоренные слова: *Жуковский меня бесит – что ему понравилось в Муре!* [8. С. 29] *Читая в журналах о смерти Карамзина статьи, беишуь* [8. С. 163], *Михайловское наводит на меня тоску и бешенство* [8. С. 161].

В письмах Пушкина используются фразеологизмы разговорного характера: *если бы не твоя медная Венера, то я бы с тоски умер* [8. С. 195], *грустно, брат, так грустно, хоть сейчас в петлю* [8. С. 163]. Для выражения раздражения Пушкин использует образные, метафорические выражения: *я было на Полевого ошетинился* [8. С. 106], *были бы на моем месте, так, может быть, пуце моего взбеленились* [8. С.140], *в бессилии бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью* [8. С.36], *Олдекоп, мать его в рифму, надоел* [8. С.88].

Из приведенных примеров видно, что в синонимических рядах Пушкин активно использует разговорную, просторечную лексику, иногда с грубоватым оттенком. Один из исследователей эпистолярного наследия А.С. Пушкина, W. Todd, считает, что непристойности помогали выражать презрение, негодование, эти средства были более эффективны, чем другие лингвистические ресурсы [10]. Историки языка причину использования разговорной экспрессивной лексики в литературных произведениях, в эпистолярном жанре видят в том, что писателей привлекала в этих средствах образность, отвечающая потребности в расширении выразительных средств языка. Многие экспрессивно окрашенные слова в первой трети XIX в. обладали широким функциональным диапазоном, что сказалось в целом на демократизации русского литературного языка [11].

В малой художественной прозе А.С. Пушкина, в частности в повести «Дубровский», с нашей точки зрения, также актуальна проблема психологизма. Дело в том, что, как отмечают многие исследователи, в 30-е гг. XIX в. перед западноевропейской и русской литературной прозой стояла задача – овладеть искусством воспроизведения современности в социальной, исторической и психологической конкретности. «Дубровский» был в творчестве А.С. Пушкина экспериментом, звеном в ряду опытов, направленных на

создание социально-психологического романа. Именно поэтому повесть была выбрана нами для анализа лексики со значением психического состояния.

Сплошная выборка лексем этой группы составила более 200 единиц. В данной статье мы остановимся только на анализе лексики, выражающей состояние, вызванное неудовлетворением потребностей, которая была использована А.С. Пушкиным для характеристики одного из главных персонажей повести – Кирилы Петровича Троекурова.

При описании этого героя автор использовал 26 лексем со значением состояния, вызванного неудовлетворением потребностей и желаний, а количество лексем с противоположным значением в три раза меньше – 8 лексем.

Чаще всего состояние неудовлетворения Кирилы Петровича передается конструкциями «субъект - состояние», где субъект занимает активную позицию. Например, *Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться ... Кирила Петрович ... осердился* [12. С.67] (состояние неудовлетворения обусловлено действием другого субъекта). Лексема *осердился* (прост.) – ‘рассердиться, почувствовать раздражение’ [9. С. 461], *сердиться* - ‘быть в раздражении, гнев, чувствовать злобу к кому-н.’ [9. С.713]. Однокоренные лексемы *сердит*, *сердито*, *рассердило* встречаются в тексте чаще других и передают состояние неудовлетворения, которое может возникнуть под действием любого незначительного факта, способного вызвать недовольство, что отражает склонность персонажа к раздражительности, к вспыльчивости: *Кирила Петрович осердился и вторично послал того же слугу* [12. С.67], *Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться* [12. С.123]. Как отмечается в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», существенно для лексемы *сердиться* то, что обычно социальный статус субъекта состояния более высокий или равный статусу виновника состояния [13. С. 362].

Для передачи крайней степени недовольства Пушкин использует фразеологическую единицу: *Кирила Петрович вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистеневку* [12. С.68]. Фразеологизм *вышел из себя* (‘в гнев утратить самообладание’ [9. С. 113]) обозначает, что от действия другого лица субъект мгновенно перешел в состояние

крайнего недовольства и выразил это в резкой форме, при этом субъект состояния потерял контроль над собой. Фразеологическая единица не характеризует само состояние, а лишь указывает на моментальный переход к нему. Далее в тексте Пушкин использует лексему, передающую само состояние субъекта – гнев ('чувство сильного возмущения, негодования' [9. С. 134]). Это интенсивное состояние крайнего раздражения субъекта, вызванного непреднамеренным действием другого субъекта. Данное состояние находит выражение в стремлении к агрессии, к разрушению.

При характеристике своего персонажа А.С. Пушкин неоднократно передает состояние через поведение и внешние признаки (мимику, жесты и т.д.). Например, *Он знал, в каком положении находился его противник, старый товарищ его молодости, - и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтобы его выбранить, но не нашёл достаточно к тому предлога, сказал сердито: «Пошел вон, не до тебя»* [12. С.80]. Лексема *не радовала* в отрицательной конструкции передает не только отрицательное, но и усилительное значение (субъект пребывает настолько в мрачном состоянии, что даже победа его не радует). Состояние находит выражение через внешние проявления: характеристику взгляда (*грозно взглянул*) и тембр голоса (*сердито сказал*). Автор комментирует мотивацию персонажа (*ища к чему привязаться*). Лексема *привязаться* означает несправедливо выражать свое недовольство, использовать для этого незначительный повод. Аналогично и в другом эпизоде: *Обед в поле под палаткою не удался или по крайней мере был не по вкусу Кириле Петрович, который прибил повара, разбранил гостей* [12. С.68]. В первой части используется выражение *был не по вкусу*, косвенно передающее неактивное состояние субъекта, вызванное неудовлетворением потребности (можно перефразировать: Кирила Петрович был недоволен обедом). Однако это состояние неудовлетворения находит бурные внешние проявления. Лексема *прибил* ('побить, наказывая' [9. С.587]) и лексема *разбранить* (*бранить* – 'порицать, выразить недовольство бранными словами' [9. С.58]) выражают чрезмерное внешнее проявление. Немаловажно, что лексема *бранить* используется для описания ситуации, в которой субъект состояния выступает в роли хозяина положения или имеет более высокий социальный статус, чем объект критики [13. С.346]. В

данной ситуации цель субъекта – дать выход состоянию раздражения. Автор подчеркивает, что персонаж не сдерживает свои эмоции, не ограничивает себя рамками приличия.

В другом эпизоде повести (в беседе с князем Верейским) при характеристике персонажа Пушкин использовал лексему *взбеситься*: *Кирила Петрович взбесился: насилу князь его уговорил не показывать Маше и виду, что он уведомлен о ее письме* [12. С.120]. Эта лексема передает состояние неудовлетворения желания, при этом субъект эмоции не может дать волю агрессии по отношению к источнику раздражения. Здесь Кирила Петрович при общении с равным по социальному статусу персонажем вынужден контролировать и сдерживать себя, чего он не делал во всех предыдущих ситуациях.

Можно говорить о том, что этот персонаж по натуре раздражителен, агрессивен, при этом социальный статус позволяет ему давать волю необузданному нраву: природная грубость Кирилы Петровича усугублена правами владетельного барина. Через образ Троекурова А.С. Пушкин раскрывает сложные отношения социального и природного в человеке. Авторская характеристика Троекурова подчеркивает зависимость характера от социального положения: «Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума» [12. С.64].

В эпистолярном жанре преобладание лексики, выражающей состояние, вызванное удовлетворением или неудовлетворением потребностей, обусловлено, по нашему мнению, тем, что письма были рассчитаны на диалог с адресатом и А.С. Пушкин, рассуждая о событиях, поступках людей, определял свою точку зрения по поводу фактов и давал оценку. В повести же «Дубровский» преобладание лексики, выражающей состояние, вызванное неудовлетворением потребностей, при характеристике Троекурова обусловлено идейно-художественным замыслом произведения.

Проведенное исследование позволяет оспорить точку зрения Е.Г. Эткинда об отсутствии психологизма в произведениях Пушкина. Проблема психологизма получает развитие в творчестве А.С. Пушкина. У него вырабатывается индивидуальный стиль отображения внутреннего мира человека в прозе. Писатель не стремится превратить психологизм в какой-то «химический процесс», описывая тончайшие проявления внутренней жизни в динамике, как

это сделано в произведениях Ф.М. Достоевского или Л.Н. Толстого. Нам близка в этом вопросе точка зрения В.В. Виноградова, который определял метод А.С. Пушкина как эллиптический, основанный на намеках и недомолвках, что создает наиболее сильный эффект при передаче трагических событий или чувств, состояний [14]. Интересны наблюдения В.С. Непомнящего над стилем Пушкина. Как пишет исследователь, Пушкин «не входит «в потемки» души со светильником *своего* понимания и истолкования, не посягает на ее недра» [15]. Писатель анализирует человеческую душу снаружи, т.е. через внешние проявления, общеизвестные и общеузнаваемые.

Таким образом, А.С. Пушкин в своих произведениях фиксирует только узловые, а следовательно, наиболее значимые моменты, изображая не сам психический процесс (формы, законы), диалектику души, а результаты проявления внутренней жизни человека, его действия. А.С. Пушкин дает только кульминационные проявления состояния, его психологизм косвенный, получающий выражение предметно, во внешнем появлении: мимике, жестах. Он использует детали, которые заставляют читателя додумывать картины, нарисованные автором, на основе собственных ассоциаций, собственного опыта.

Библиографический список

1. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самопознание. М.: Политиздат, 1988. 335с.
2. Лихачев Д.С. Человек в культуре Древней Руси. М.: Наука, 1970. С. 25
3. Чернец Л.В. О принципе недосказанности в художественной литературе // Филологические науки. 1992. № 1. С. 11.
4. История лексики русского литературного языка конца XVII-начала XIX вв. / Под ред. Ф.П. Филина. М.: Наука, 1981. С. 62.
5. Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерк психопозтики литературы XVIII-XIX вв. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 62.
6. Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. С. 234
7. Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. С. 265.

8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Л.: Наука, 1979. 899с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2002. 944с.
10. Todd W. The familiar letters as a literary genre in Age of Pushkin. New Jersey, 1976. С. 89.
11. История лексики русского литературного языка конца XVII-начала XIX вв. / Под ред. Ф.П.Филина. М.: Наука, 1981. С. 129
12. Пушкин А.С. Повести. Петрозаводск: Карельское изд-во, 1974. 384с.
13. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 511с.
14. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Наука, 1999. С. 74.
15. Непомнящий В.С. Пушкин. Русская картина мира. М.: Наследие, 1999. С. 39.

Сведения об авторе

Наумова Елена Васильевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: evnaumova@lunn.ru

УДК 811.112.2'373

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ВОЗРАСТ»

Н.Н. Прокопьева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются немецкие фразеологические единицы, а также пословицы и поговорки, репрезентирующие концепт «возраст» с точки зрения их способности выражать количественную оценку возраста человека, а также качественную оценку признаков, поведения, способностей человека на различных этапах жизни. Выявляются когнитивные признаки данного концепта, которые становятся объектом оценочных суждений, выражаемых посредством фразеологизмов и паремий немецкого языка.

Ключевые слова: концепт, когнитивный признак, фразеологизм, пословица, поговорка, оценка.

Evaluation Potential of German Phraseological Units, Proverbs and Sayings, Dealing with the Concept of Age Nadezhda Prokopyeva

The article deals with phraseological units, proverbs and sayings representing the concept “age” in the German language. The phraseological units, proverbs and sayings are classified according to their ability to express quantitative assessment of a person’s age as well as qualitative evaluation of the person’s qualities, behavior and abilities at different ages. The article looks at cognitive aspects of the age concept as objects of evaluation, expressed by phraseological units, proverbs and sayings.

Key words: concept, cognitive sign, phraseological unit, proverb, saying, assessment.

Среди множества концептов, отражающих восприятие действительности носителями какого-либо языка, концепт «возраст» занимает особое место, являясь одним из базовых компонентов образа человека. Его роль в восприятии человеком самого себя трудно переоценить. Она обусловлена прежде всего объективным характером содержания этого концепта, поскольку возраст – одна из основных характеристик человека, имеющих важнейшее значение в биологическом, психологическом, бытовом, социальном и прочих аспектах человеческого бытия. При этом восприятие человеком возраста неотделимо от другой, более широкой категории – категории

времени. Ю.Ю. Литвиненко подчеркивает, что в нашем сознании «возраст предстает как осязаемое и осознаваемое воплощение процесса развития индивида, измерение его движения во времени, осуществляемого поэтапно в соответствии с членением возрастного континуума» [1]. Значимость параметра «возраст» обуславливает интерес к нему социологов и философов, демографов и писателей, медиков и биологов, историков и педагогов, а также лингвистов, стремящихся понять, какими предстают мир и человек в нем в сознании человека как субъекта познания, а также какова роль языка в формировании и выражении этих представлений. Так, в последние годы появился ряд работ, посвященных исследованию концепта «возраст» на материале одного или нескольких языков (Ю.Ю. Литвиненко, П.А.Щербо, Н.В. Крючкова). Однако попыток описания концепта «возраст» как элемента немецкой концептосферы до сих пор не предпринималось. В данной статье будут обобщены некоторые наблюдения за фразеологизмами и поговорками немецкого языка, называющими или характеризующими тот или иной возрастной период, анализ которых может стать ключом к выявлению наиболее существенных когнитивных признаков концепта «возраст» в немецкой концептосфере и установлению оценочных компонентов в их содержании.

Исследователи отмечают, что когнитивное содержание концепта «возраст» зависит от множества факторов: исторических, культурных, социальных и даже политических. При этом практически все подчеркивают его оценочный потенциал. Так, Ю.Ю. Литвиненко видит своеобразие концепта «возраст» в его «богатом аксиологическом содержании: возраст человека является объектом оценки как в аспекте внешнего облика, так и в аспекте внутренних, духовных, умственных качеств» [1]. Н.В. Крючкова также отмечает большую оценочную силу данного концепта, поскольку «информация социального и оценочного характера «встраивается» в него незаметно, дополняя представления, обусловленные биологическими особенностями» того или иного возраста [2]. Очевидно, что возраст – это не просто количество прожитых человеком лет. П.А. Щербо отмечает, что слово «возраст» имеет в своей семантической структуре два основных компонента: 1) время, прожитое от момента рождения; 2) определенный период жизни [3. С. 15]. Второй лексико-семантический вариант лексемы «возраст» представляется наиболее

интересным и заслуживающим внимания с точки зрения репрезентации соответствующего концепта. В любом лингвокультурном сообществе восприятие определенных периодов жизни человека, осознаваемых как возрастные периоды, обогащено различными устойчивыми представлениями, ассоциациями, стереотипами, что позволяет говорить о многосторонности и многослойности вербализуемого данным словом концепта. Устойчивые, стереотипные представления о чем-либо, в том числе и о возрасте, включают оценочную составляющую, так как выражают типичное для какой-либо культуры отношение, реализуемое, как правило, в виде оценочных суждений. Подобные оценки, формулируемые посредством различных устойчивых выражений, обладают большой регулятивной силой, традиционно отмечаемой лингвистами прежде всего у пословиц, отличающихся назидательным характером.

Как уже упоминалось выше, концепт «возраст» неразрывно связан с концептом «время», что предполагает определенную периодизацию жизни человека, т.е. выделение нескольких периодов как основных этапов жизненного пути человека. В разных областях научных знаний, очевидно, периодизация возраста может различаться. Более того, «в каждую эпоху существует ... своя периодизация жизни. В средние века идея детства связана с идеей зависимости, идея юности вообще отсутствует, а молодостью называется «средний возраст» – расцвет жизни, период между детством и старостью» [4]. В современном мире на уровне обыденных представлений можно выделить такие возрастные периоды как «детство», «отрочество», «молодость», «зрелость», «старость». Каковы бы ни были временные границы этих этапов жизни человека, в коллективном знании о них за каждым этапом закреплены определенные устойчивые представления, которые могут быть объективированы в том числе и через прецедентные тексты, к которым можно отнести фразеологические и паремические единицы. Анализ последних, однако, показывает, что не все из названных этапов жизни человека находят свое отражение во фразеологической подсистеме языка. Так, подростковый период и зрелость по каким-то причинам не стали объектом номинации фразеологическими единицами немецкого языка. Поэтому все отобранные для анализа фразеологические и паремические единицы делятся на три группы – в

соответствии с тремя возрастными периодами, к которым они относятся: детство, молодость, старость. Вероятно, последние можно рассматривать и как самостоятельные концепты, входящие в структуру исследуемого нами концепта «возраст» как его составляющие.

Многие лингвисты подчеркивают оппозитивный характер представлений о возрасте, противопоставляя прежде всего молодость и старость, которые П.А. Щербо, в частности, называет древнейшей семантико-прагматической оппозицией, отражающей представления о них как о «восходящей / нисходящей линии жизни» [3. С.7]. Однако будет более логичным начать анализ исследуемых единиц с первого с хронологической точки зрения периода в жизни человека – детства. Следует отметить, что количество фразеологизмов и паремий, отражающих представления представителей немецкого лингвокультурного сообщества о детстве, относительно невелико. Их отличительной особенностью является то, что в большинстве из них так или иначе выражается идея несамостоятельности ребенка: различные характеристики периода детства рассматриваются в контексте отношений ребенка со взрослым, как правило – одним из родителей. Так, ряд немецких пословиц указывают на то, что дети – это источник забот и тревог родителей: *Kleine Kinder, kleine Sorgen, große Kinder, große Sorgen; Kleine Kinder treten der Mutter auf die Schürze, große – aufs Herz* [5]. Однако в некоторых фразеологизмах и паремиях отражаются и такие характеристики периода детства, которые могут рассматриваться вне зависимости от других. Так, выражения *unschuldig sein wie ein neugeborenes Kind* и *Kinder und Narren sagen die Wahrheit* подчеркивают такие свойства как невинность, нравственная чистота и непосредственность. Интересно, что выражаемая в той или иной фразеологической единице оценка может по-разному «заиграть» в зависимости от контекста. Очевидно, что непосредственность, чистота и невинность – это положительные качества. Однако устойчивое сравнение *unschuldig sein wie ein neugeborenes Kind*, используемое зачастую в отношении взрослого человека, является иногда средством выражения иронии. В таком случае образ ребенка с его положительными свойствами в качестве образной составляющей содержания фразеологизма может служить для выражения отрицательной оценки, если тот характеризует взрослого.

Однако абсолютное большинство как фразеологизмов, так и пословиц и поговорок немецкого языка, относятся к возрастным периодам «молодость» и «старость». При этом объективируются как их количественные (много – мало), так и качественные характеристики (хорошо – плохо). Говоря о количественных характеристиках, необходимо вернуться к представлению о возрасте как о количестве прожитых человеком лет. Оппозиция «молодой – старый», базирующаяся на количественной оппозиции «мало лет – много лет», характеризуется скорее рациональной оценочностью, так как в ее основе лежит достаточно точный, объективный критерий, предполагающий наличие определенной точки отсчета: времени рождения. Оценка в этом случае заключается в указании на очень большое либо очень маленькое количество лет, прошедших с момента рождения человека. Интересно, что при выражении идеи «очень старый» во фразеологизмах семантический признак возраста эксплицируется специальными лексемами: *alt wie Methusalem*, *biblisches Alter*, в то время как идея «очень молодой» представлена в целом ряде немецких поговорок имплицитно, через создаваемые ими образы: *er hat noch die Eierschalen hinter den Ohren*; *er hat noch die Jungvogel-daunen dran*. Эти поговорки, обладая яркой образностью, не просто указывают на принадлежность человека к определенной возрастной группе, но и выражают оценочное суждение о человеке этого возраста. В количественном отношении он характеризуется как молодой, а образ птенца как компонент актуального значения этих поговорок, ассоциируемый со слабостью, несамостоятельностью, неумением летать и т.п., формирует качественную (негативную) оценку слишком молодого человека. Здесь можно найти и объяснение тому факту, что зрелый возраст не находит своего отражения во фразеологии немецкого языка, во всяком случае, не является объектом оценки. Известно, что оценка возникает на основании соотнесения определенного явления с нормативным представлением о нем. Возможно, именно зрелость воспринимается носителями немецкого языка как некая норма, обладающая априори нулевой оценочностью, а оценка молодости и старости дается уже относительно зрелого возраста.

Однако гораздо чаще фразеологизмы и поговорки немецкого языка выражают только качественную характеристику двух основных этапов жизни человека. Оценочные компоненты содержательной

структуры данных языковых единиц представляют собой определенные характеристики свойств, способностей, поведения человека в молодости и старости. Следует отметить, что эти характеристики, которые могут рассматриваться как когнитивные признаки концептов «молодость» и «старость», выражаются преимущественно через пословицы и поговорки – устойчивые выражения, которые, в отличие от фразеологизмов, обладают не просто номинативной и экспрессивной функциями. Будучи в структурном отношении законченными предложениями, они выражают целостные суждения, оптимально выполняющие оценочную функцию.

Анализ паремий, выражающих некие оценочные суждения о молодости и старости, показал, что актуализации и оценке чаще всего подвергаются следующие элементы содержания данных концептов: внешность, физические качества, интеллектуальные свойства, практический опыт. Рассмотрим подробнее эти концептуальные признаки. Следует отметить, что о каком бы признаке ни шла речь, количество фразеологизмов и паремий, характеризующих старость, значительно превышает число устойчивых выражений, относящихся к молодости.

Внешние данные реже всего становятся объектом оценки – возможно, в силу очевидности того факта, что с возрастом внешность человека, как правило, меняется не в лучшую сторону. Косвенная положительная оценка (*красивый*) внешности молодых встречается лишь однажды – во фразеологизме *wie ein junger Gott*.

Физические качества, как показал анализ исследуемого языкового материала, представляют собой важный элемент содержания концепта «возраст». Положительные и отрицательные оценки здесь достаточно четко распределяются: молодость – это сила, здоровье, энергия; старость – это физическая слабость, немощь: *jüngere Beine haben* (в значении «быть более быстрым»); *Ein alter Mann ist doch kein D-Zug*; *Alte Pferde haben steife Beine*. Подобное распределение оценок обусловлено биологической природой данного признака: по объективным причинам в старости человек действительно слабее, чем в молодости.

Паремии, оценивающие **интеллектуальные свойства** молодых и старых, можно разделить на две группы. Первая включает такие устойчивые выражения, которые оценивают интеллектуальные

качества как бы «в статике». При этом нужно отметить, что выражаемые оценки довольно противоречивы. Так, большинство исследуемых единиц свидетельствует о том, что молодость ассоциируется с глупостью или как минимум с недостатком знаний, а старость – с умом, мудростью: *Die Jugend weiß nicht, das Alter kann nicht; Alt an Jahren hat viel erfahren*. В то же время был зафиксирован ряд поговорок, отражающих мнение, что и молодой может быть мудрым, а старый – глупым: *Jugend schadet der Weisheit nicht; Alter schützt vor Torheit nicht; Alt genug und doch nicht klug*. Впрочем, очевидная насмешка, выражаемая последними двумя поговорками, доказывает, что именно от старости носители языка ожидают мудрости.

Ко второй группе относятся поговорки, которые выражают оценку способности человека к обучению. Возможность интеллектуального развития человека, способность и необходимость учиться характерны для любого возраста, как гласит народная мудрость: *Was man jung lernt, das bleibt; Zum Lernen ist niemand zu alt*.

Практические знания, опыт относятся к достоинствам старого человека, что, безусловно, оценивается положительно. Оценка может быть как имплицитной: *ein alter Hase* (в значении «опытный, знающий человек»), так и эксплицитной: *Mit alten Hunden ist die sicherste Jagd*.

Таким образом, можно констатировать, что единицы фразеологической подсистемы немецкого языка могут использоваться не только для номинации определенных возрастных периодов в жизни человека, но и для выражения некоторых устойчивых представлений членов немецкоязычного лингвокультурного сообщества о свойствах, способностях, поведении человека на разных этапах жизни. Эти устойчивые представления, которые, как правило, носят оценочный характер, входят в структуру концепта «возраст» в качестве его когнитивных признаков. К ним относятся, прежде всего, физические и интеллектуальные качества, а также практические знания и опыт людей определенного возраста. Основная возрастная оппозиция «молодость – старость» характеризуется чаще всего противоположными оценками свойств и способностей представителей соответствующих возрастных групп, которые выражаются преимущественно с помощью пословиц и поговорок.

Библиографический список

1. Литвиненко Ю.Ю. Концепт возраст в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира // Электронный ресурс Интернет: www.lib.ua-ru.net/diss/cont/197346.html
2. Крючкова Н.В. Концепт «молодость» в русском и французском языках (по данным ассоциативных экспериментов) // Межкультурная коммуникация и перевод: Материалы межвуз. науч. конференции. М.: МОСУ, 2005. С. 374.
3. Щербо П.А. Особенности вербализации концепта «возраст» в системах типологически разных языков (на материале английской, французской и русской лексики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
4. Зубец О.П. Возраст: особенности нравственной жизни. М.: Знание, 1987. С. 9.
5. Eppert F. Sprichwörter und Zitate. München: Klett Edition Deutsch, 1990.

Сведения об авторе

Прокопьева Надежда Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: pro-nadja@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 82(091):656.2

THE HAUNTED TRAIN. GHOSTLY TECHNOLOGY AS AN INTERNATIONAL THEME IN FICTION

Elmar Schenkel

Universität Leipzig, Institut für Anglistik, Leipzig, Germany

In this essay I am outlining a history of haunted trains in literature. How is it possible that the most advanced technology of its age becomes a nest of ghosts or is controlled by demonic forces? This can be seen in stories by British writers such as Charles Dickens, G.K. Chesterton or Conan Doyle, or in the works of Polish, Italian and French writers (Stefan Grabiński, Dino Buzzati or Claude Farrère). The railway, this is the claim of this essay, creates a crossroads of traffic not only in the real world, but also in the world of the imagination. But here the apocalyptic dimensions of technology make themselves felt and this is an international phenomenon.

Key words: Trains, technology, ghosts, imagination, British, Polish, Italian, French literature.

Поезда-призраки и призраки в поездах. Технический прогресс и сверхъестественное в мировой художественной литературе

Эльмар Шенкель

В статье рассматривается история темы «поездов-призраков и призраков в поездах» в литературе. Как случилось, что передовое для своего времени техническое новшество сталоместилищем для сверхъестественных сил? Подобные сюжетные ходы могут быть обнаружены в рассказах британских писателей, таких как Чарльз Диккенс, Г.К. Честертон и Конан Дойль, а также в произведениях польских, итальянских и французских авторов (Штефан Грабинский, Дино Бузатти, Клод Фаррер). Статья показывает, что железная дорога выступает в литературе разных стран не только как дорога реальная, но и как путь для перехода в иное измерение; а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что восприятие технического прогресса как явления апокалипсического имеет интернациональный характер.

Ключевые слова: поезда, технический прогресс, призраки, сверхъестественное, британская, польская, итальянская, французская литература.

A train is a moving object but by its very nature it only disappears in a tunnel, behind a bend or at the horizon. But trains, as the etymological origin of the word suggests, also emphasize their visibility. Like a royal

train or a procession they want to be seen, even admired, they show off and insist on their appearance. Moreover, the railway system is based on the predictability and reliability of its moving objects. The train may get lost to our eyes when we follow it as it glides out of a station, but its whereabouts is known and signalled at any point in the landscape. Timetables are a reminder of this fact. However, even before World War I, there was already a sense of trains becoming virtual. G.K. Chesterton, the author of the Father Brown stories and a great railway traveller, noticed around 1910 that timetables were becoming more important than trains: “Broadly, we have reached a ‘scientific age,’ which wants to know whether the train is in the time-table, but not whether the train is in the station” [1].

But in general we still think trains are basically solid objects, visible and predictable, following certain lines in space and time. We buy a ticket because we feel sure that the train will come and take us to a determined place at a determined time. Obviously, if a train gets lost, disappearing from screens and signal stations, this would be a terrible ghostlike event. How can trains be like ghosts? They seem to share a demonic element with other vehicles, though not with all. While bicycles, cars and horses are less prone to be taken over by ghosts, we might find coaches and ships more haunting and haunted. It probably has to do with terrible accidents involving numerous people, moving burial grounds as it were, the panic and the collective trauma, but also with a sense that the vehicles’ regularity and reliability is shaken. The same could be applied to trains. It is traumatic and shocking if a train completely disappears from human ken or if, conversely, a train not registered in the timetable suddenly appears in the station. Since visibility is so significant for a powerful vehicle such as the train, its invisibility is close to blasphemy. As with ships, invisible trains show a close conjunction between the ghost story and technology. “The Flying Dutchman” or the “Ancient Mariner’s” Ship of the Dead are famous examples from nautical lore. The very fact that some legendary trains, like ships, have names, e.g. “The Orient Express”, “The Blue Train”, “The Trans-Siberian Railway,” also suggests that their splendour may have a mythical and personified side which may turn into ghostliness under certain conditions. Another technological advance that occurred around the same time as the railway was the telegraph. More so than the train itself, telegraphy is much closer to the immaterial world and thus exposed to haunting. Suffice it to mention Charles Dickens’s story “No 1 Branch. The Signaller” and Rudyard Kipling’s “Wireless”. In both these

stories communication by telegraphy assumes a ghostlike quality and looks like the technological realisation of telepathy. While in Kipling's case romanticism is involved, Dickens's story manifests the dangerous nature of modern technology (note 1). While telegraphy as a railway related technology can easily become a symptom of the loss of substantiality that is substituted by information this is not so obvious with the railway itself. It is my point in this paper that this approximation only happens in certain extreme situations when human brains and souls interfere with technology and vice versa. And it did not happen from the start. For, as the editors of *The Encyclopedia of Fantasy* inform us, in the early phase of railway travel trains were "emblems of the thrust of the future" and of progress and it "was not until a generation had passed that the train began to become embedded into the 'natural' world" [2]. This is a story about the intersection between human perception and transport technology, an interface at which what might be called 'railway gothic' developed. By this I mean interference of psychic and psychological forces with the new technological system. This story is also a chapter in the history of disappearance.

There are numerous instances in cultural history that point to the fact that the sense of disappearing things is deeply connected to the phenomenon of modernisation. With the industrial revolution and its radical re-designing of the social and environmental landscapes people seem to have started thinking about disappearance as a bye-product of progress. Let me just mention the enclosures in the late 18th century and the consequent loss of communal property and culture, the destruction of grown landscapes through industrial architecture and the loss of cultural traditions. Raymond Williams' *The Country and the City* presents the classical analysis of a process to be found in writers as diverse as John Clare, Charles Dickens or Thomas Hardy.

It is no wonder, then, that disappearance itself is focused on in fantastic literature. Indeed, ghost stories could be seen as a particular branch of this phenomenology. The transitions from ghost stories – which are about appearance and disappearance – to stories about disappearance and invisibility are thus easily made. Since these phenomena, or rather our fascination with them, belong to our anthropological make-up, origins may be found in myths all over the world, ranging from Gyges's ring in Greek myth to caps of invisibility in Germanic legends. Shakespeare takes them up in *A Midsummer Night's Dream* and *The Tempest*. But it is probably in

the 19th century that stories about disappearance and invisibility begin to pick up momentum [3].

An obsessive theme of the 19th century, spontaneous combustion, comes to mind, for example, as in Dickens's *Bleak House*. The Cheshire Cat in Lewis Carroll's *Alice in Wonderland* is another famous instance of disappearance, which has sometimes been put to philosophical use. (As, for instance, Jean Baudrillard, *Pourquoi tout n'a-t-il pas déjà disparu?* [4]. There is certainly a deep fascination with disappearance in our culture at present. It may be due to nostalgia as well as to fears about our familiar world being eroded away quickly by ever faster technology or by global warming. See also the works of Paul Virilio or Michael Bywater's *Lost Worlds* [5].

One of the first to focus on disappearance was Ambrose Bierce, who wrote four stories about it and for all we know disappeared himself at the end of his life. Working within the tradition of the ghost story, numerous Victorian and Edwardian writers discovered *The Ghost Now Standing on Platform One* (as a 1990 anthology by Richard Peyton was titled) or what one might call the *demon in the carriage*. Again, it was Dickens and his collaborator, Amelia Edwards, who set the pace. In 1866 he edited a Christmas Number of *All the Year Round* devoted to the spectres of railway, including his own story "No.1 Branch Line. The Signaller." Amelia Edwards contributed her "No. 5 Branch Line: The Engineer" [6] in which she describes an English engineer trying to take revenge by deliberately wrecking a train. At the last moment, however, he is stopped by the ghost of his late friend whom he had killed accidentally in a feud about love. The story takes place in Italy, the major parts of the setting being Genoa and Rocca. It is a story which connects Gothic elements such as an Italian setting, exoticism, eroticism, death on the Ligurian coast reminiscent of Shelley, revenge and madness, and connects this Gothic to a kind of modern magic, that is, a powerful technology. Here disappearance or death for the engineer and his passengers, among them the woman he once loved, is thwarted by the appearance of a ghost who takes over the engine.

Another Victorian mystery writer, Sabine Baring-Gould, exploits the phantasms of the carriage compartment, which according to Schivelbusch, was a major reason for fearing crime on the train. In his story "The 9:30 Up-Train" (1904) [7] (note 2). Baring-Gould conjures up the mysteries of a specially locked railway compartment travelling on the London-Brighton

line. The narrator is intrigued by this mystery and persuades the stationmaster to open it for him. Passing a tunnel, he suddenly is confronted by a hideous ghostly face, which probably is related to some earlier accident on the line. Eventually, however, everything turns out to have been a dream. Not only that but the dream itself is simply a result of physical discomfort. It is caused by “my having too many blankets over my bed. If I must append a moral – Don’t sleep too hot” [7].

Similarly, in Algernon Blackwood’s story, “Miss Slumbubble – and Claustrophobia” [8], an old spinster travels on her yearly trip to Southern France in a lonely compartment and suddenly feels gripped by a sense of claustrophobia. She pulls the emergency cord and the train stops. However, she is not fined for her behaviour since it turns out that this compartment indeed was once the site of a murder. In contrast to Baring-Gould, Blackwood does not dissolve the trauma through a dream but instead enforces its reality. The past is still with the train and can produce nightmare, horror and other mental disturbances. The compartment provides a kind of ghostly laboratory, a closed vessel in which certain psychic experiments are made.

Ghosts on the train or trains getting lost as they are driven by unknown powers all point to a disrupted reality, an invasion of supernatural or animalistic forces into the realm of the most advanced technology of the 19th century. Very often trains or stations serve as portals to unknown worlds, to terrible mysteries, to death and the world beyond. The modern version of Charon’s ferry might well be found in the train. Alluding to the mythical quality of railway journeys in his essay on “Reading on trains,” Walter Benjamin refers to its eschatological and sacrificial aspects [9].

With its allegories and angels, its wings and wheels, its columns and halls, 19th century station architecture itself alludes to myths. It is like the temple and the cave a gate into the Otherworld, the beyond and thus it is easy for literary railway texts to join up with folklore traditions relating to fairy caves, winged horses or birds carrying away the soul, with the other world and underworld changing places. Once they had been assimilated to the popular imagination and become as it were an organic part of society, the train and the station were integrated into the collective unconscious. Once a thing has become natural, it becomes supernatural. The railway was ready for ghosts [10]. This can even be proved empirically. The ancestors of ghost trains on fairgrounds were ghost shows, which were introduced

by Professor J.H. Pepper in the 1860s [11]. His magic lantern show was quickly taken up by fairgrounds and with the 1870s ghost shows became a regular feature. In Vienna, the so-called *Grottenbahn* was developed in 1898 and exists in a modern version to this day. Its trains travel through caves and dump passengers into fairy tale atmosphere replete with dwarves and Snow Whites. Though this is an early attempt to link railway travel with supernatural elements, it took two or three decades before the actual ghost trains arrived on the scene. Ghost trains were manufactured on a larger scale by Orton and Spooner from the 1930s onwards. Orton and Spooner Artwork was created to feature “incredible replica scenes of classic British Rail life” [11]. Scenes included skeleton train drivers, runaway locomotives or travellers kidnapped by demons. Thus while ghosts invaded fiction, fiction also invaded the reality of fairgrounds. The parallel history of literary ghost trains and literal ghost trains is an interesting, possibly singular phenomenon in cultural history. It seems that this means of transport and its technology had so much become part of everyday life that something *Unheimlich* could be attached to it, the reversed *heimlich* in the sense of homely, as Freud saw it.

As so often, Chesterton caught the spirit of the times when he wrote in his essay “The Secret of a Train” about an uncanny train which he once boarded on a grey and wet day in Oxfordshire. It turned out he was the only passenger on board, and he lit a cigar. Then the stoker came along and told him there was another man on board the train, and that he was dead. The first thing Chesterton does is to throw away his cigar as a kind of sacrifice. He then meditates on ritual in modern life and the fact that there is continuity between ancient traditions and modern settings and technologies. The old world, it seems, subsists: the cathedral returns under the guise of the station, and a funeral procession under the guise of a train, thus reminding one of the etymology of *train*.

Thus stories featuring lost trains, runaway locomotives, or ghostly appearances on trains always resonate with a larger mythical and archaic potential. All these stories try in one way or another to connect old concepts and images with modernity. They are as it were, expanded allegories to the tune of the “Steam Horse” or “Iron Horse”. Rudyard Kipling, in a rare adult fantasy entitled “007” (1898), even turned his locomotives into speaking animals.

Let us look at some stories in which trains or engines simply disappear or seem to disappear. Disappearance of trains, barring

supernatural causes, first of all presents the possibility of accident. If the train is elsewhere than predicted it may collide with other trains. This is certainly part of the railway concept of the world, quite different from cars, coaches or cyclists. If any of these are elsewhere than expected, it is much less likely there is an accident. Railway accidents have accompanied this transport technology from the start and have caused traumatic experiences (note 3). Hence the alarm caused on the line when a train is reported lost. One of the earliest stories comes from the creator of Sherlock Holmes, Arthur Conan Doyle.

“The Lost Special” was first published in 1898 in *Strand Magazine*. Though Doyle was later to turn to the supernatural and become an inveterate spiritualist, he adheres in this story to the Sherlockian tradition of rationalism overcoming superstition. The lost special is somewhat a steam version of the Baskerville dog. The special has been rented from the London and West Coast Railway Company by a mysterious crippled South American or Spaniard called Monsieur Louis Caratal and his gigantic companion. The train leaves Liverpool at six o’clock, but will never reach Manchester. Nobody is able to track it down between the two cities and the police are incapable of finding any traces of the train though they discover the engine driver’s corpse. Rumours abound giving plenty of room for superstition:

“In broad daylight, upon a June afternoon in the most thickly inhabited portion of England, a train with its occupants had disappeared as completely as if some master of subtle chemistry had volatilized it into gas. Indeed, among the various conjectures which were put forward in the public Press, there were some which seriously asserted that supernatural, or, at least, preternatural agencies had been at work, and that the deformed Monsieur Caratal was probably a person who was better known under a less polite name” [12].

The solution is indicated in a letter from America, and I will not give it away. But given the overwhelming mystery at the outset, it certainly is a little disappointing.

Claude Farrère’s story “Le train perdu” (1928) has a similar set-up. Two strange characters board an empty train, one of them is a giant while the other is dwarf-like and reminiscent of the Wandering Jew, “ses cheveux, longs à la mode d’il y a cent ans, lui pendaient plus bas que le col” [13]. In his clothes he seems to sport various styles and centuries while carrying a staff bigger than himself. This grotesque couple board

train 1815, possibly a significant number given its association with Waterloo. Events are related through the eyes of a station-master with the eccentric name of Tiphaigne Hoff, a kind of shortened “E.T. A. Hoffmann”. When he tries to touch the train, they shout at him and after the train has left the station he notes that his ‘diable au bagage’, his baggage cart, has been destroyed because it was touched by these strange passengers. Later on, he notices that the train’s passage through the next station is not signalled and will never be signalled. In contrast to Doyle’s story, Farrère’s is open and leaves everything to the reader. Tiphaigne Hoff might be suffering from hallucinations or he might have got trapped in some time loop taking him back to 1815. In both stories, however, it seems that some problem with the past is solved or at least suspended by a train’s disappearance. In Doyle’s case it is the criminal past of Monsieur Caratal which will land him in a blind alley. In Farrère’s story, it is both the national past and possibly the station-master’s which converge to produce this strange event. The only trace is some red powder, i.e. iron oxide, left on chisels between km 2304 and 2307.

The next story I want to present is not so much concerned with solving problems of the past, that is of time, but problems of space, which eventually will seem to be bound up with time. In this sense, André Deutsch in his story, “A Subway Named Moebius”[14], has learnt the Einsteinian lesson. SF writer Deutsch relates events connected to the Boston underground system, in which a new train has been introduced. The Boylston shuttle is supposed to connect all the seven principal lines of the city on four different levels. It goes into service on 3 March: “After that a train could travel from any one station to any other station in the whole system” [14]. It appears that just after the introduction of the new train, another daily train from the 227 goes missing. With the Cambridge-Dorchester line No. 86, some 350 Bostonians have disappeared. Explanations offered range from Kurt Gödel’s second incompleteness theorem (note 4) to speculations about a fourth dimension. The Harvard mathematician is nonplussed and believes in a singularity:

“ ... the System is a network of amazing topological complexity. It was already complex before the Boylston shuttle was installed, and of a high order of connectivity. But this shuttle makes the network absolutely unique. I don’t fully understand it, but the situation seems to be something like this: the shuttle has made the connectivity of the whole System of an

order so high that I don't know how to calculate it. I suspect the connectivity has become infinite" [14].

The title is taken from the Moebius strip, which has peculiar topological qualities (such as one surface). The train has become invisible. Like a Heisenberg particle it has "no real 'where'", the System is "without real 'whereness'" [14]. "The thing acts as though it can be in several places at once." It may even have "jumped into another dimension" and it is also possible that it jumps between spatial and non-spatial levels of reality [14]. Anyway, there is no way of making No. 86 manifest again. About ten weeks later, the mathematician travels on the subway from Charles Street to Harvard. Strangely enough, he finds himself in a train in which people read newspapers from the previous month, actually dated March 4th. There is no doubt he is riding on No. 86. The story ends with the news that another train has vanished.

Deutsch uses this topological puzzle to join features of time travel and mathematical philosophy. But one could go further and relate this topological confusion to greater issues in modern society, such as the loss of orientation and identity, the loss of solidity and the importance of systemic laws acting on individuals. In this case, it is not the individual train that is haunted but rather the system as such produces ghosts – an insight that would probably be applauded by sociologists. But in spite of its thrills, Deutsch's story is not a metaphysical-psychological nut to be cracked. It belongs to the logical and in this case topological order and its discontents. This is not the case with Dino Buzzati's "Direttissimo". Here the train is heading for some unknown destination:

"E per dove?" Io dissi il nome. Non l'avevo pronunciato mai, neppure parlando con gli amici, per una specie di pudore. Il grande nome, il massimo, la destinazione favolosa. Di scriverlo qui non ho il coraggio" [15]. The narrator passes different stations, each of which represents certain episodes or people in his life before he heads for the unknown: "Per dove? Quanto è lontana l'ultima stazione? Ci arriveremo mai? Valeva la pena di fuggire con tanta furia dai luoghi e dalle persone amate? [...] Domani forse arriveremo" [15].

The theme of flight associated with trains is taken up in another Buzzati story, "Qualcosa era successo", but in this case it is the world outside the train that seems to be running in panic. The narrator watches from a famous north-bound train that people in villages and along the railway lines, in stations and cities appear to be fleeing from some

monstrous catastrophe for which the train is heading. The passenger tries to read the signs, bits of newspapers and headlines, and the only information he can get is a torn fragment of a word or phrase, the letters IONE. Hence there is nothing left but questions: "... a velocità pazza ci precipitavamo verso la Guerra, la rivoluzione, la pestilenza, il fuoco, chi cosa poteva esserci mai?"[15] While many of Buzzati's stories reflect the personal fate of individuals ending in death, in this case social forebodings are more relevant, not least through the possible association of "ione" with "rivoluzione." The northward-bound train is also known to be reserved for the privileged classes of society who are seeking to have the good life in the north. The train, its speed, its unknown destination and the complete helplessness of the passengers become powerful symbols of trapped individuals, classes and societies.

To conclude, let me introduce a Polish writer who shares some affinity with Buzzati, but who has shamefully been ignored by Western critics, though he may well have earned the title of the 'father of train gothic'.

Stefan Grabiński (1887-1936) lived in the Galician part of Poland. In his numerous stories about trains, the carriages, compartments, tracks and stations become intersections of the real and the supernatural or the surreal. The trains tend to transcend space and time and the travellers experience some kind of postmortal world, as in "The Siding" [16]. There are mad engine drivers who compete with reality. Grot, e.g., who has lost his beloved brother in the Franco-Prussian war, tries to conquer even space itself with his engine. He resents the thought of returning with his train and is obsessed by speed that takes him into the infinite. With a sense of perversity, he keeps stopping the train one kilometre before or behind the stations. Eventually he breaks all bounds and disappears into a catastrophe.

In "The Mad Train" [17], a new and unregistered train keeps appearing at unpredictable times in different stations. Eventually it seems to be heading for a crash with another, real train, but the mad train pierces through the real one as through fog and evaporates on a field. The travellers on the real train feel they have been touched by something mysterious, as if the "great awakening had touched them", which is another way of saying they have all become mad (note 5).

All these stories about ghosts, lost trains, hallucinations in compartments or mad engine drivers, present the reader with question marks and doubts about their and our reality. Do they belong to the world

of dreams, neuropathology, madness, religion, apocalypse or the supernatural? One thing, however, is certain. Technology in all these cases has been pervaded by a sense of mystery and myth. There is a comparable phenomenon in our day. Computers have attracted and created endless worlds of fantasy and magic. One might even say the success of *Harry Potter* and its ilk is intricately bound up with our computer culture, which has perfected the special effect. This type of fantasy could only have become possible in our electronic world where magic can be recognized on our screens as the wonderful feats of computer wizardry.

In this sense, stories about ghostly trains have anticipated the merging of machines and magic. These trains have become instruments of death or they are supernaturally transformed into wilful organisms and lost souls. Indeed, the soul has returned into the machine with a vengeance. The whole panoply of human irrationality is putting pressure upon that which, at one point in recent history, was the epitome of the most advanced state of rationality. Technology, meant to conquer and control the world, starts to “bite back” [18] the moment it seems to have won and thus becomes merely human, all too human.

Notes

1. On magic and telegraphy cf. Thurschwell P. *Literature, Technology and Magical Thinking, 1880-1920*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

2. Baring-Gould (1834-1924) produced over a 100 books on folklore, ghosts, history and collected local myths and fairy tales. His grandson William Baring-Gould annotated the Sherlock Holmes stories.

3. Dickens, who experienced a train crash in 1865 at Staplehurst, was one of the first victims of this kind of trauma.

4. „The second theorem asserts the unprovability of a statement expressing the consistency of the system (provided the system is consistent).” *Companion to the History of Modern Science* / ed. R.C. Olby, G.N. Cantor et al. London: Routledge, 1990. – P. 686.

5. There is another interesting story about a ghost trains bringing disease and madness in Marcel Schwob’s collection “Coeur double”. In “Le train 081” train No. 180 encounters its mirror image 081 coming from Marseilles and bringing the cholera with it. See Marcel S. *Oeuvres*, Paris: Phébus, 2002, P. 75-59. I am grateful to Jacques Noiray for this hint.

Reference

1. Chesterton G. K. *A Miscellany of Men*. New York: Dodd, Mead and Company, 1912. P. 232.
2. Clute J., Grant J. *The Encyclopedia of Fantasy*. London: Orbit, 1999. P. 959.
3. Schenkel E. *Invisibility. Strategies of Encounter* // Schenkel E., Welz S. *Lost Worlds and Mad Elephants. Literature, Science and Technology 1700-1990*. Berlin: Galda & Wilch, 1999. P. 129-139.
4. Baudrillard J., *Pourquoi tout n'a-t-il pas déjà disparu?* Paris: L'Herne, 2007.
5. Bywater M. *Lost Worlds*. London: Granta. 2004.
6. <http://gaslight.mtroyal.ab.ca/mugbyenr.htm> (retrieved 20 August 2007).
7. <http://www.magick7.com/ghosts/002/017.htm> (retrieved 20 August 2008).
8. *The Ghost Now Standing on Platform One. Phantoms of the Railways in Fact and Fiction* / ed. Peyton R. London: Souvenir Press, 1990. P. 322-339.
9. Benjamin W. *Kriminalromane auf Reisen* / Benjamin W. *Denkbilder*. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 1974. P. 81-83.
10. Carter I. *Railways and Culture in Britain. The epitome of modernity*. Manchester :Manchester University Press, 2001. P. 206-208.
11. *The Ghost on the Fairground*“ in the National Fairground Archive:http://www.nfa.dept.shef.ac.uk/history/miscellaneous_articles/articles (retrieved 22 August 2008).
12. Doyle A. C. *The Lost Special*. Kessinger's Rare Reprints (no date and place). P 9.
13. Farrère C. *Le train perdu et autres histoires mystérieuses. Choies par Christian Poslaniec*. Paris: L'école des loisirs, 1986. P. 96.
14. Deutsch A. *A Subway Named Moebius* / ed. Conklin G. *Strange Travels in Science Fiction*. London: Grayson, 1954. P. 17-33.
15. Buzzati D. *Sessanta Raconti*. Milano: Mondadori, 1994. P. 385, P. 391, P. 251.
16. Grabiński S. *Das Abstellgleis und andere Erzählungen*. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 1978. P. 7-28.
17. Grabiński S. *Das Abstellgleis und andere Erzählungen*. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 1978. P. 103-109.
18. Tenner E. *Why Things Bite Back. New Technology and the Revenge Effect*. London: Fourth Estate, 1996.

Сведения об авторе

Эльмар Шенкель (Elmar Schenkel),
профессор Института англистики
Лейпцигского университета (Германия),
писатель и переводчик
E-mail: Schenkel@rz.uni-leipzig.de

УДК 840(091)

АНИМАЛИСТИКА ФРАНСУА МОРИАКА (на материале «Bloc-notes»)

Е.А. Воронина

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Нижний Новгород*

«Bloc-notes» (1952-1970) Ф. Мориака – крупнейший сборник статей знаменитого писателя, лауреата Нобелевской премии. Ангажированный писатель-публицист, Мориак создает актуальные и образные комментарии к политике, истории и морали, постоянно обращаясь «внутрь себя». Система анималистических образов служит иллюстрацией общественных законов и несет значительную моральную нагрузку, призывая человека к борьбе с внутренним зверем.

Ключевые слова: полемика, анималистический образ, закон взаимного пожирания.

Animalistic Imagery in François Mauriac's *Bloc-Notes* Elena Voronina

F. Mauriac's *Bloc-Notes* (1952-1970) is the biggest collection of articles of the eminent French novelist and Nobel Prize winner. As an “engaged” writer and publicist, he provides an acute commentary on politics, history and morality, constantly referring to his inner world. Animalistic characters illustrate human laws and contain a significant moral element, urging people to fight their “inner beast.”

Key words: polemics, animalistic image, law of mutual devouring.

Уникальность Франсуа Мориака (1885-1970), писателя, удостоенного Нобелевской премии за романное творчество, в том, что он не только знаменитый романист, но и один из лучших публицистов Франции, продолжатель традиций Паскаля, Вольтера, Шатобриана и Гюго. По объему публицистика составляет более половины всего, созданного писателем. Наиболее значительное публицистическое произведение Мориака «Bloc-notes» представляет собой собрание статей, написанных в последние восемнадцать лет жизни писателя (1952-1970 гг.) для известных французских периодических изданий: *La Table Ronde* (1952-53), *L'Express* (1954-1961), *Le Figaro Littéraire* (1961-1970). «Bloc-notes» – это художественная система, в которой кристаллизуется особый творческий метод Мориака-публициста. Полемичность статей, составляющих сборник, рождается из слияния христианского мировосприятия и морально-философской концепции

писателя [1]. Он задается паскалевским вопросом: «Что же будет с человеком? Приравняется ли он Богу или животному?» [2] и выстраивает систему образов «Bloc-notes» в соответствии со своей позицией ангажированного писателя.

Изначально журналистика Мориака связана с автобиографической проблематикой. Он мог бы отнести к себе и «Bloc-notes» знаменитое высказывание Монтеня: «Я сам есть материя моих книг». С первых страниц «Bloc-notes» мотив детства образует постоянную систему отсчета, поэтому для писателя естественно возвращаться в знакомый ему с самого начала мир природы. С течением лет избирательная память выводит на первое место наиболее давние воспоминания, как это свойственно натуре писателя, осознанно становясь принципом его манеры письма: «Моя память играет со мной. Она ревниво замкнулась на персонажах и лесах из моего детства и юности, как будто ей не хочется больше видеть ничего за пределами того мирка ..., сгорающего от жары изнуряющего лета» [3. Т. I. 225]. Этим воспоминаниям благоприятствовали поездки уже взрослого Ф. Мориака на «малую родину», еще сохранявшую «сельскость» и нетронутость природы. Там он снова и снова погружается в мир детства, отмеченный трудными отношениями со сверстниками, любовью к уединению, благоприятствовавшему созерцанию живых существ и явлений. Множеством нитей воображения он связан с животным миром, и этот мир, постоянно окружавший Мориака-ребенка, переселяется в его романы и публицистику, служа источником для образов, сравнений и метафор.

«Bloc-notes» Ф. Мориака содержит богатый набор анималистических образов. В этом видится отголосок бальзаковской традиции - идеи «множественности» человеческого вида (общество, по словам Бальзака, создает столько же разнообразных видов, сколько их существует в животном мире) [4] и сатирического изображения персонажей. Публицистический и полемический дискурс «Bloc-notes» заимствует из «бестиария» образы-мотивы, связанные с субъективной интенцией творца метафоры, обусловленной как актуальными обстоятельствами, так и системой эталонов, принадлежащих картине мира писателя. Для эстетики Ф. Мориака характерна диалектика «внешнего» и «внутреннего» мира, физической природы и духовной жизни. Хотелось бы обратить внимание на несколько особенностей

природного мира, являющегося важной частью системы образов «Bloc-notes».

Несмотря на присущую «Bloc-notes» «врожденную» полемичность, не все анималистические образы задействованы в соответствующих текстах, т.к. «Bloc-notes» - это не только статьи для *L'Express*, относящиеся к пятидесятым годам XX века. Они охватывают около трети творческой жизни писателя (1952-1970). Анализ более семисот упоминаний животных в тексте произведения показывает, что, по большей части, они встречаются только один раз. Мориак использует зооморфизмы, чтобы описать людей, выдвинутых на передний план событиями, либо тех, кого возвращает ему память. Единичные образы составляют совокупность «мгновенных», «разовых» метафор: писатель-журналист «фиксирует» свой объект через сравнение с животным подобно фотографу, выхватывающему вспышкой моментальную картину, метафоризация идет от природы к человеку. Так, например, писательница Колетт становится для Мориака «толстой пчелой» [З. Т.I. 119], Р. Радиге – «великолепной дрессированной совой, которая, закрыв глаза, неподвижно сидит у барной стойки» [З. Т.III. 345], актеры С. Гитри, Мадам Симон и С. Монфор – «великолепный павлин» [З. Т.I. 343], «фазанья курочка» [З. Т.II. 342] и «тигрица в клетке» [З. Т.I. 299]. Жан Кокто прочно ассоциируется у писателя со стрекозой. Мориак задает себе вопрос: «Почему стрекоза? Почему, говоря о Кокто, я всегда вижу этот твердый панцирь, металлический блеск крыльев, огромные круглые фасетчатые глаза?» [З. Т.III. 335]. Метафоры дают представление о силе и окончательности первого впечатления о человеке, которое писатель не может или не желает сгладить.

В совокупности разовых зооморфных метафор в тексте «Bloc-notes» интересно отметить выбор Мориаком неодинаковых образов для характеристики одного и того же персонажа на разных стадиях его развития. Примером может служить образ Наполеона - сначала молодой Бонапарт описывается как «нескладный жеребенок» [З. Т.IV. 329], который затем превращается в «минотавра, поглощающего миллионы юных созданий» [З. Т.II. 157]. Оказавший на молодого писателя большое влияние М. Баррес в начале своей политической карьеры получает характеристику «маленький сокол». Войдя же во вкус и прочно обосновавшись в парламенте, Баррес становится «карпом, который не может прожить вне мутных вод Бурбонского

дворца» [З. Т.Ш. 165]. Иногда образ рождается из совмещения конкретных, наиболее характерных физических черт человека с животным. Сталин поражает писателя «барсучьими глазками» [З. Т.І. 271], а Кеннеди - «челюстями хищника» [З. Т.Ш. 391]. Но, как правило, Ф. Мориак создает целостный образ человека, раскрывающий его сущность.

В этой системе образов некоторые находки Ф. Мориака получили силу вердикта. Если провести ретроспективный обзор его статей, в первую очередь внимание будет привлечено к тем или иным именам. Мориак умеет подобрать яркие метафоры: правое крыло – «слепой мул» [З. Т.Ш. 36], Четвертая Республика - «диктатура с бычьей головой» [З. Т.І. 63], ее короли - Ланьель, Бидо, Моле, Бурж и консулы - Шуман «тунизийский», Летурно «индокитайский», де Шевинье «мадагаскарский» и другие вассалы «бычьей головы» [З. Т.І. 114]. После падения правительства Ж. Ланьеля писатель, не без гордости, констатирует, что «диктатура бычьей головы вошла в историю символов» [З. Т.І. 105-106]. Можно предполагать, что этот образ возник у писателя как отклик на бодлеровскую формулу «быколобой всемирной глупости» (прим.1) *l'énorme bêtise, la bêtise au front du taureau*, встречающуюся в «Bloc-notes» целых три раза. С уходом правительства Ланьеля с политической арены этот образ не будет больше использоваться писателем, и в этом есть своего рода «исключительная сходимость, взаимная услышанность автора и читателей, взаимодействие журналиста и общественного мнения» [5] - «диктатура бычьей головы» не могла пережить в «Bloc-notes» правление Ж. Ланьеля.

Помимо «редких» животных «Bloc-notes» населяют и те, кто регулярно служит писателю материалом для создания образов. Изучение текста показывает, что наиболее часто Ф. Мориак работает с распространенными, всем известными представителями животного мира - цирковыми или домашними животными, такими как лев, тигр, обезьяна, собака, кошка. Они знакомы читателям, разгадка их образности приводит к эстетическому эффекту. Они широко использовались в 1953-1960 гг., когда писатель находился в гуще политической борьбы, являясь как формой, так и отражением его ангажированности.

В системе постоянных образов «Bloc-notes» находится диалектика отвращения/привлекательность. Для Мориака на первом

месте среди животных, вызывающих неприятие, стоит собака. От животного при создании образа берутся предикаты агрессии – лай, рычание и вой, и сам образ при этом является имплицитным. Собака может и не упоминаться в высказывании, ее присутствие подсказывается характерными для нее угрожающими звуками. Она олицетворяет кровожадность и свирепость, которые нарастают посредством образа своры или стаи. Эти образы повторяются у Мориака, являясь источником параллелей между жестокостью животного и человека. Соответствующие метафоры в тексте основываются на аналогиях с охотой и травлей [6]. Свора, преследующая или окружающая жертву, – «завывающая», «жестокая», «изголодавшаяся», «рычащая». Ее кровожадность акцентируется классическим приемом противопоставления одинокой загнанной жертвы, которую рано или поздно ждет расправа. Мориак сравнивает оппозиционных ему политических журналистов с собакой, которая «с лаем вертится около ног власть имущих, которых она ненавидит, и делает все, чтобы им навредить».

В отличие от нестандартного восприятия образа собаки, упоминания волка, также часто встречающиеся на страницах «Bloc-notes», используются в традиционном, басенном контексте. Среди других животных, вызывающих антипатию писателя, выделяется мул (или осел). Этот образ появляется в мае 1957 г., когда писатель клеймит «мула М.Р.Р» (прим. 2). В этом существе он видит воплощение глупости и ограниченности, проистекающих от всем известного упрямства. Мишенью Мориака становятся правые политические силы, характеризующиеся как «упрямый осел», «слепой мул». В каждой новой статье «Bloc-notes» (весна 1958 г.) он неделя за неделей атаковал М.Р.Р. и все правое крыло, виновных в его глазах в упорном нежелании видеть нарастающую серьезность ситуации во французском Алжире и других колониях. В этом случае при создании образа писатель начал со стереотипного представления о животном, чтобы затем выйти за его пределы и дать ему оригинальную трактовку.

Важное место среди анималистических образов отводится христианской символике, проявляющейся на страницах статей «Bloc-notes» образами агнцев и овец. Частое обращение к ним объясняется всем мировоззрением, воспитанием и верой Мориака [7]. Например, можно увидеть в его статьях устоявшийся образ пастыря и его стада,

который Ф. Мориак использует в публикациях, прослеживающих течение Второго Ватиканского собора, подсказанный ему, очевидно, детским воспоминанием о голосе ландского пастуха, скликающего своих овец: «Фигура (Папы) Иоанна XXIII все больше стирается, и сквозь нее проступает образ Сына Человеческого, зовущего к себе заблудших овец со всех уголков мира. Я вспоминаю гортанный крик старого пастуха, раздававшийся в ландах, шорохи и позвякивание колокольчиков в вечерней дымке» [З. Т.Ш. 243].

Интересно и необычно функционирование образа оленя, являющегося символическим представлением загнанной на охоте жертвы. Образ повторяется на протяжении всех «Bloc-notes» с вариациями, касающимися обстоятельств преследования. Все «жертвы» идущей по пятам своры и охотников вызывают сопереживание Мориака – в разные моменты истории это и политические деятели П. Мендес-Франс, и Ф.Миттеран, и последователи философа Ж. Маритэна. Но никто из них не может спастись. Исключением является лишь генерал де Голль, в неуязвимость которого верит писатель. Говоря о нем, Мориак возрождает старый образ, когда описывает референдум 1962 г. об избрании президента Республики всеобщим голосованием: «гордый олень, преследуемый сворой, бросается в водоем, погружаясь не в мертвую пучину, а в источник жизни: это народ, народ исторический, который не разделяют ни партии, ни фракции, ни классы» [З. Т.Ш. 192].

Другое существо, вызывающее у автора «Bloc-notes» неизменную симпатию, – кошка. В ней собраны качества и черты, которые Мориак очень ценит. Главным из них является независимость. Сознательно или бессознательно он противопоставляет ее собаке, в его глазах кошка заставляет себя уважать, но добивается этого, не следуя закону джунглей, существующему в политике. Кошка «бродит сама по себе» и сохраняет свободную волю. Симптоматично, что в «Bloc-notes» писатель несколько раз ассоциирует себя со «старой кошкой»: «Я чувствую себя подобно старой осторожной кошке, сидящей на самом краю кухонной печи, наблюдая за тем, что готовится в разных кастрюлях» [З. Т.Ш. 308]. Осторожность, мудрость, здравый смысл, присущие ей, являются в высшей степени позитивными качествами, которые могут поставить даже беспородную кошку в один ряд с

выдающимися ловкачами. «Старая кошка» может без страха «пошалить на крыше»: «Уже больше, чем полвека, как она каждый раз приземляется на все лапы» [З. Т.П. 200-201]. Однако, традиционному образу кошки присуща черта, которая расходится с концепцией морали и политики Ф. Мориака – коварство. Сознавая несоответствие, он пытается убрать негативную сторону этого качества из образов «Bloc-notes», например, представляя генерала де Голля укротителем мышей.

Наряду с кошкой еще один образ-мотив, ассоциируемый у Мориака со свободой, - лошадь. Он акцентирует такие черты животного как резвость, стремление к простору, описывая труд журналиста как необходимость «поймать событие на ходу, ухватившись за гриву, и писать с такой же скоростью, с которой совершается история» (*L'Express*, 15 oct. 1955). Себя писатель-журналист, пришедший в политику на склоне лет, имея за плечами богатейший опыт и заслуги, видит как «старого коня, сорвавшегося с привязи»: «Я сбросил хомут. Старый конь, фыркая, мчится в луга. Больше вы его не запряжете в телегу» [З. Т.П. 150]. Свобода, данная почтенным возрастом и репутацией известного писателя, позволяет ему нарушать ранее установленные запреты.

Во многих статьях Ф. Мориак упоминает птиц. Интересно отметить, что часто они не становятся объектами метафоры. Образы-мотивы птиц в «Bloc-notes» «оказывают фокусирующее воздействие на другие элементы текста» (Б.М. Гаспаров). Их помещение в статью, как правило, обусловлено ностальгией Ф. Мориака по детским годам и малой родине, которая противопоставляется актуальности, наполненной борьбой, конфликтами и несправедливостью. Мориак часто говорит, что ему хотелось бы уйти в мир литературы и музыки и забыть о политике. Иногда он поддается этому желанию, но перед читателями однозначно выступает с позиций ангажированности и разъясняет причины своего участия в событиях в очередной статье, рассказывающей о пребывании в Малагаре: «Я решил убежать от политики на четыре недели. Но ставить пластинки в перерыве между книгами, прислушиваться к первым соловьям ... было бы слишком просто. Всю жизнь я лелеял эту мечту. Но, кажется, цепь, приковывающую нас к бедам и несчастьям мира, невозможно разрубить». С грустной иронией писатель-журналист констатирует, что в современном ему мире нет места спокойствию и безмятежности:

«Как-то в Малагаре, когда я из кожи вон лез, чтобы придумать сюжет для статьи, дети подсказали мне написать о «птичках», как я делал почти каждый год к большой радости той части моих читателей, чья душа любит буколику и пастораль. Сейчас, золотым октябрьским вечером, птички меня больше не вдохновляют... Правда в том, что я продолжаю переживать внутри себя то, что происходит в столице, и не могу отвлечься никаким чтением. Какой вымысел способен восторжествовать над реальной борьбой людей?» [З. Т.І. 205].

В «бестиарии» «Bloc-notes» есть образы, оценка которых писателем неоднозначна. Примером являются упоминания о пауках. Позитивным является сравнение литератора с пауком: «если он (писатель) ... работает один и, подобно пауку, вытягивает все из себя самого» [З. Т.І. 191]. Сравнение с пауками Л. Толстого и Б. Констана акцентирует терпение и мастерство – качества, свойственные стереотипному образу этого существа. В то же время в «Bloc-notes» появляется и развивается и другой предикат образа – ловушка, смертельная сеть. Метафора используется сначала для описания ультраправой партии O.A.S.: «Свастику снова рисуют на стенах: мы видим раздувшегося от крови паука, голодавшего двадцать лет» [З. Т.ІІ. 155]; затем образ возвращается при упоминании Мориаком периода Оккупации, когда над площадью Согласия «развевался флаг с черным пауком».

Этот и предыдущие примеры иллюстрируют фундаментальный закон природы, согласно которому все существа пожирают друг друга. Люди-звери, противостоящие друг другу в «Bloc-notes», действуют по закону джунглей [8]. Однако, в отличие от животных, у которых «не бывает внутренней борьбы, ...люди тоже преследуют друг друга, но большее или меньшее наличие разума приводит к гораздо более сложной борьбе» [4]. Мориак отвергает такие правила, «состояние повреждения и греха» (Б. Паскаль), говоря об их губительных последствиях. Всех живых существ, победителей и побежденных, охотников или жертв ждет смерть – неизбежный конец, перед которым все равны. Поэтому в «бестиарии» «Bloc-notes» даже самые жестокие персонажи заслуживают жалости перед лицом ожидающих их страданий. Невозможно представить себе, как живые существа смогут спастись от закона «взаимного пожирания»: в этой иерархии человек не более, чем одно из звеньев цепи. Но такое пессимистическое видение противоречит самой ангажированности

писателя, о чем он заявляет в концептуальном публицистическом произведении «Черная тетрадь» (1943 г.): «Мы из числа тех, кто верит, что человек может победить закон взаимного пожирания... Разве на протяжении веков не бывало случаев, чтобы одним-единственным актом милосердия разбивалась бесконечная цепь хищников и жертв?..»[9]. Эта вера – суть мировосприятия Мориака, то, ради чего он становится публицистом. В мире, живущем по закону джунглей, полемика становится необходимостью, а противостояние «прорыву Животности в Человечность» [4] - важнейшим долгом журналиста. Политическая реальность дает ему возможность показать, что нас окружают хищники и жертвы, преследователи и добыча. Христианин не может закрывать глаза на конфликты, где моралью пренебрегают. Мориак, соглашаясь с диалектикой Паскаля, указывает человеку на сходство с животными и, вместе с тем, обращает внимание на его величие. Он становится полемистом и черпает из своего «бестиария» образы, которые несут не только эстетическую, но и этико-моральную нагрузку, являясь его единственным инструментом борьбы с злом и хаосом, шевелящимся в природной стихии и в душе [10].

Примечания

1. Перевод В.Левика
2. Народно-республиканское движение (Mouvement Républicain Populaire - M.R.P) – французская буржуазная католическая партия (1944-1967). Образована в ноябре 1944 из социал-христианских групп деятелями правого крыла Движения Сопротивления. В 1944-46 гг., в обстановке подъема демократического движения, M.R.P. участвовала в мероприятиях по чистке государственных органов от коллаборационистов, в проведении ряда демократических реформ, одобряла союз Франции с СССР, участвовала в правительственной коалиции вместе с коммунистами и социалистами. Связанное с колониалистскими кругами руководство M.R.P. содействовало развязыванию войны в Индокитае, выступало против национально-освободительных движений в колониях.

Библиографический список

1. Touzot J. Bestiaire romanesque et faune politique // *Connaissance des Hommes* # 46. Paris, 1972. P. 14-17.

2. Паскаль Б. Мысли. PRO и CONTRA // Электронный ресурс Интернет: <http://vzms.org/pascal.htm>
3. Mauriac F. Bloc-notes. [ed.] Jean Touzot. Paris: Seuil, collection «Points», 1993. Tome. I-V.
4. Бальзак О. Предисловие к «Человеческой комедии» (перев. К.Локс) // Зарубежная литература XIX века. Реализм. Хрестоматия историко-литературных материалов. М., 1990. С. 119-133.
5. Cocula V. Mauriac écrivain et journaliste. Editions Sud Ouest, 2006. P.106.
6. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С.173-203.
7. Cocula V. Mauriac, le Bloc-notes. L'Esprit du Temps, 1995. P.156.
8. Cocula V. Aux sources de la polémique chez François Mauriac: la loi de l'entre-dévorement // Cahiers François Mauriac # 8. Paris: Grasset, 1981. P.269-287.
9. Mauriac F. Le Cahier noir. Paris, 1947. P. 31-32.
10. Кирнозе З.И. Французский роман XX века (Годы 20-30-е. Проблемы жанра). Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1977. С. 50.

Сведения об авторе

Воронина Елена Анатольевна
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры иностранных языков
Высшей школы экономики
E-mail: elena_voronina@msn.com

УДК 820(091)(410):820(091)(73)

У.УИТМЕН И П.Б. ШЕЛЛИ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕМЫ ПОЭТА В «ЛИСТЬЯХ ТРАВЫ» И «ЗАЩИТЕ ПОЭЗИИ»

И.В. Никитина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые аспекты темы поэта в «Листьях травы». Параллели, выстраиваемые между отдельными фрагментами трактата П.Б. Шелли «Защита поэзии» и уитменовскими идеями, выраженными в его стихах, помогают прояснить и уточнить некоторые положения поэтической теории Уитмена.

Ключевые слова: У.Уитмен, П.Б. Шелли, тема поэта, сравнительное изучение литературы.

W. Whitman and P.B. Shelley: A Comparative Study of the Poet Theme in 'Leaves of Grass' and 'A Defense of Poetry'

Irina Nikitina

The article describes certain aspects of the poet theme in 'Leaves of Grass' by Walt Whitman. Parallels established between fragments of P.B. Shelley's essay 'A Defence of Poetry' and Whitman's ideas, conveyed in his poems, help to clarify and specify some provisions of Whitman's poetic theory.

Key words: W. Whitman, P.B. Shelley, poet theme, comparative literature studies.

Тема поэта – одна из важнейших в творчестве У.Уитмена – является традиционной в мировой литературе. Поэтому объяснимо желание рассмотреть ее в рамках межкультурной коммуникации.

Первое издание «Листьев травы» Уолта Уитмена явилось для исследователей и критиков предметом всевозможных предположений и догадок. Широкую известность в связи с этим получило великодушное приветственное письмо Р.Эмерсона автору «Листьев травы»: «Я приветствую вас на пороге великой карьеры, которая при таком начале, вероятно, должна была иметь долгую предысторию» (прим.1) [1. С.637]. Сам Уитмен нигде не дает достоверного рассказа о восьми годах своей интеллектуальной жизни, предшествовавших появлению первого издания поэмы. Однако, как утверждает Т.Р. Райсехарая, если взять за основу сохранившиеся записные книжки, большую часть из которых удалось соотнести с определенной датой, то можно составить относительно ясное представление об этих

восьми годах самоотверженной работы: это был период и интенсивных размышлений над природой и методом поэтического творчества, и собирания исчерпывающего интеллектуального багажа [2]. Последнее свидетельствовало о готовности Уитмена к межлитературной коммуникации, что, по справедливому замечанию Д.Дюришина – известного словацкого ученого в области литературной компаративистики, является показателем содержательности и богатства творчества автора: «...творческое восприятие импульсов и художественных ценностей не только не должно, а чаще всего и действительно не является свидетельством недостатка воображения у автора, скорее оно говорит о внутренних потенциальных возможностях писателя. Оно является выражением его органической восприимчивости к многообразным творческим импульсам» и говорит о его способности участвовать во «всемирном круговороте идей, образов, замыслов, форм...» [3. С.78-79].

Замысел Уитмена питался из множества источников – личных, культурных, литературных. Отстаивая свою оригинальность, он однажды заявил: «Природа могла сделать автору «Листьев травы» подсказку, но не существует ни книги, ни фрагмента книги, которые бы послужили подсказкой для них [sic]» (прим.2) [4]. Действительно, никакая отдельная «подсказка» не могла быть достаточным основанием для Уитмена, он заимствовал их из разных источников, причем роль большинства сводилась лишь к тому, чтобы усилить его интуицию и укрепить интеллектуальные пристрастия. Поэтому предполагаемые отдельные источники «долгой предыстории» поэта не следует считать подсказкой для Уитмена, но они могут явиться подсказкой для читателя, критика, исследователя. Очевидные параллели, выстраиваемые между предполагаемым источником и уитменовскими идеями, выраженными в его стихах, по справедливому утверждению известного исследователя творчества Уитмена Г.У. Аллена, могут прояснить определенные темы и мотивы его поэзии, «устранить некую двусмысленность, усилить смыслы, которые могут быть непонятны читателю» (прим.3) [5].

Говоря об интеллектуальном багаже Уитмена, наряду с величайшими именами мировой литературы – Гомера, Шекспира, Данте, Мильтона – следует, безусловно, назвать в качестве источника творческих импульсов и любимого им английского поэта-романтика П.Б. Шелли. Есть основания считать, что сходство между Уитменом и

Шелли имеет генетическое происхождение – Уитмен читал Шелли и преклонялся перед ним. Причем, самый жадный интерес, по признанию Уитмена, вызывали в нем не столько стихи Шелли, сколько личность английского романтика, его эстетическая, нравственная и социальная позиция [6]. В свете такого заявления трудно предположить, что трактат Шелли «Защита поэзии» прошел мимо Уитмена, о чем свидетельствуют и некоторые сюжетные совпадения. Можно сослаться и на Т.Д. Венедиктову, которая, анализируя стихотворение Уитмена «К Историку» (*To a Historian*) пишет: «Идея его близко перекликается со взглядами П.Б. Шелли: вероятнее всего, «Защита поэзии» и послужила Уитмену источником вдохновения» [7. С.80]. Учитывая же ту твердость, с которой Уитмен отстаивал свою оригинальность, нужно иметь в виду, что «никакое заимствование невозможно без наличия у воспринимающей стороны некоего «встречного движения мысли» [3. С.42]. Аспект «встречного движения» в нашем случае подготовлен общностью романтической эстетики воспринимаемой и воспринимающей сторон. При этом следует иметь в виду, что взаимодействие английского и американского романтизма явление достаточно сложное, обусловленное их своеобразием. Мировоззренческой базой американского романтизма как литературно-художественного течения явился трансцендентализм, что потребовало переосмысления опыта английского романтизма. Говоря о генетических связях, не стоит отрицать и типологический подход, поскольку в процессе сравнения не всегда удается однозначно решить, какие сходства обязаны своим происхождением генетическим связям, а какие являются следствием типологических схождений, т.е. какие черты Уитмена идут от Шелли, а какие «идут от того, что было в эпохе» [3. С.190]. Заметим при этом, что главной целью нашего сравнительного изучения является (в соответствии с представлениями А.Веселовского) не выяснение «картины литературных отношений» между Уитменом и Шелли, а «проблема более глубокого выяснения генезиса и своеобразия» [3. С.68] исследуемой темы поэта в поэме Уитмена.

Прежде всего из текста трактата выделим мысль Шелли о циклической поэме, которую «время пишет в памяти людей», и которую «все поэты, подобно согласным думам единого великого ума, слагают от начала времен» [8. С.422-423].

Трудно вообразить великую циклическую поэму в целостном порядке без звена, увитого «Листьями». Выстроим параллель между мыслью Шелли о циклической поэме и нижеприведенными строками из «Листьев травы» (прим.4):

Я постиг старину,

Я учился, сидя у ног великих мастеров,

И если я достоин, пусть великие мастера вернутся и изучают меня (прим.5) [1. С.16].

Очевидно, строки Уитмена, используя образные выражения Шелли, можно интерпретировать следующим образом: автор «Листьев травы» пришел на смену своим предшественникам, вычерпавшим из источника, «вечно плещущего через край водами мудрости и красоты», всю ту «божественную влагу, какую они были способны воспринять» и, почерпнув из вечного источника уже новое, получил «наслаждение, какого они (предшественники – И.Н.) не ждали и не могли себе представить» [8. С.427].

Поэт и его лирический герой (В «Листьях травы» «Я» автора и «Я» лирического героя образуют мощное энергетическое поле, стирающее границы между ними – между субъектом, воспевающим себя, и им же, как объектом воспевания [9]) «стоят в сегодняшнем дне»:

И стою там, где я есть – в моем сегодняшнем дне (прим.6) [1. С.17].

Но при этом Уитмену удалось отчетливо выразить то, что можно назвать взвешенностью человеческого сознания в потоке времени и контактированием его с вечностью. Убедительное подтверждение этому мы находим в концепции Уитмена об индивидуальной и общей душе, изложенной им в «Демократических далях» (прим.7). Согласно этой концепции, индивидуальное религиозное сознание (индивидуальная душа) оказывается включенным в общую, всеобъемлющую душу – «жизнерадостную, несокрушимую, вечно бороздящую просторы вселенной, гостящую в любом краю...» (прим.8) [10]. Поэту же, как «истинному сыну Бога» (прим.9) [1. С.349], доступны самые далекие сферы, «самые глубокие воды» (прим.10) [1. С.353], в которых «гостит» общая душа. Переходя на язык Шелли, мы можем, образно говоря, признать и включенность сознания автора «Листьев травы» в поток «согласных дум единого великого ума».

Но такой высокий статус, по мнению Шелли, исключает для поэта «низкую роль толкователя результатов» сегодняшнего дня. Шелли в «Защите поэзии» пишет: «...поэту не следует воплощать в своих созданиях, принадлежащих всему миру и всем временам, собственные понятия о хорошем и дурном, которые обычно принадлежат его времени и его стране». Шелли называет имена поэтов, которые ставили перед собой моральную задачу – Еврипид, Лукан, Тассо, Спенсер – и заключает, что «воздействие их поэзии уменьшается ровно настолько, насколько они вынуждают нас помнить об этой своей цели». Вышеназванным именам он противопоставляет Гомера, который не взял на себя «низкую роль толкователя результатов», и тем самым не лишил себя «славы участника в причине». Шелли считает, что цель поэзии – расширение сферы воображения, образование новых «вместилищ», которые «жаждут», чтобы их наполнили духовной пищей. И подобно тому, как физические упражнения развивают тело человека, поэзия развивает его способность наполнять предоставленные ею же вместилища [8. С.417-418].

Результатом подобных рассуждений можно считать и ту позицию Уитмена, на которую указывают и К. Чуковский, и Т.Венедиктова. Так, Чуковский в книге «Мой Уитмен» приводит такое высказывание автора «Листьев травы»: «...я не столько стремлюсь утвердить или развить ту или иную тему, сколько ввести тебя, читатель, в атмосферу этой темы, этой мысли, дабы отсюда ты сам совершил свой полет» [11]. Т.Венедиктова, говоря о том, что Уитмен побуждает читателя к творческой активности, ссылается на одну из рецензий Уитмена на самого себя (темы, затрагиваемые Уитменом в подобных рецензиях, – показатель их особой важности для него): «Поэт не приходит ни к каким заключениям и не дает читателю чувства удовлетворенности... Он оставляет ему тот же дар, что некогда Змий оставил мужчине и женщине, – сладкий вкус плода с древа познания, вкус, который уже нельзя забыть» [7. С.76].

Многие исследователи творчества Уитмена справедливо говорят о религиозно-суггестивно-дидактическом духе его поэмы. Но при этом надо иметь в виду, что хотя поэт шаг в шаг ведет за собой «на вершину горы» своего читателя и все свои чувства и мысли делает достоянием его воображения, тем не менее, за каждым он оставляет

право самому творить для себя конечный результат – истину читатель открывает сам! Поэт же неустанно призывает его к этому:

Но каждого из вас, мужчины и женщины, я возвожу на вершину горы,

Левой рукой я обнимаю ваш стан,

А правой рукой указываю на окрестные дали и на большую дорогу.

Ни я, ни кто другой не может пройти эту дорогу за вас,

Вы должны пройти ее сами (прим.11) [1. С.72].

Известно, что поводом, послужившим появлению трактата Шелли, стала книга Т.Л.Пикока «Четыре века поэзии», в которой автор принижает роль поэзии, выдвигая на первое место философию, политэкономия, другие науки, а также утверждает, что поэзия утрачивает свое значение по мере развития цивилизации. Роль поэзии, по мнению Пикока, уменьшается, поскольку работа разума более полезна, чем игра воображения [8. С.428]. Шелли, полемизируя с Пикоком, наделяет поэзию неограниченными полномочиями: она «одновременно центр и вся сфера познания», она «то, что объемлет все науки, и то, чем всякая наука должна поверяться». Для Шелли поэзия есть нечто божественное, она приносит человеку «огонь с тех вечных высот, куда расчет не дерзает подняться на своих совиных крыльях» [8. С.430]. Высоко находится жилище поэта и в художественном мире Уитмена. Он приветствует науку, отдает ей должное, и все-таки:

Ура позитивным наукам! Да здравствует точное знание!

.....

Джентльмены! вам первый поклон и почет!

Ваши факты полезны, но жилье мое выше и дальше,

Они только ступени к жилью моему, и по ним я пробираюсь туда (прим.12) [1. С.45].

Можно выстроить параллель между взглядами Уитмена и идеей Шелли, согласно которой поэтическое начало является основой всякого познания, используемого человеком в своей трудовой деятельности. Науки, в которых отсутствует поэтическое начало, конечно, способны расширить власть человека над внешним миром, но они сужают его внутренний мир – именно этим Шелли объясняет тот факт, что «все изобретения, которые облегчают и упорядочивают труд, лишь увеличивают неравенство среди людей». Поэтическое же

начало не только способствует разработке новых предметов, служащих человеку для могущества и радости, но и «рождает в умах стремление воспроизвести их и подчинить известному ритму и порядку, которые можно назвать красотой и добром» [8. С.430]. Этот фрагмент из трактата Шелли хорошо соотносится с нижеприведенными строками из «Листьев травы»:

Вслед за гениальными изобретателями и учеными, вслед за химиками, геологами и этнологами

Придет в конечном счете поэт...

.....
И тогда не только все деяния ваши, о путешественники, инженеры и ученые, будут оправданы,

Но все ваши сердца и сердца детей ваших будут утешены... (прим.13) [1. С.349].

Толкование этих строк может быть следующим: поэт, подчиняя словом своим материализованные рабочими руками в практической жизни «деяния» ученых, инженеров красоте и добру – этим самым уже «оправдывает» и «утешает» их. Соответственно, можно прояснить и мотив приглашения поэтом в Новый Свет Музы (стихотворение «Песня о выставке» (*Song of the Exposition*) – «чтобы восславить тех, у кого в руках молоток и пила» (прим.14) [1. С.170], восславить «все работы и рабочие руки» (прим.15) [1. С.173]. Можно сказать, он переводит идею Шелли на язык метафоры: Муза своим приходом вносит поэтическое начало в механический труд, подчиняя его целям красоты и добра и приближая труженика к богу: «в труде своем приближен он к Богу» (прим.16) [1. С.165].

Нетрудно понять, почему Уитмен так уверен, что эта «несравненная гостья» (прим.17) [1. С.171], «знаменитая эмигрантка» (прим.18) [1. С.167] сегодня как никогда нужна его стране. Для Америки вслед за Европой наступили времена, когда всем правит расчет и выгода, в результате чего, как поясняет в трактате Шелли, количество материальных благ растет так быстро, что человек в силу внутренних законов своей природы не успевает их освоить, что приводит к нарушению гармонии между телом и душой: «тело становится чересчур громоздким для оживляющего его духа» [8. С.430].

Соответственно, и Уитмен, певец гармонического единства материального и духовного, в «Песне о себе» делает такое заявление:

Я сказал, что душа не больше, чем тело,

И я сказал, что тело не больше чем душа (прим.19) [1. С.74].

Если использовать в толковании этого заявления, представляющего емкую поэтическую формулу, идею Шелли о том, что поэтическое начало, лежащее в основе научной и практической деятельности людей, является основой достижения гармонии между душой и телом, то можно сформулировать одно из *необходимых* условий его (заявления) справедливости в художественном мире Уитмена: достижение гармонии между душой и телом возможно, если в научно-техническом прогрессе будет присутствовать «во исполнении» Поэт.

Таким образом, можно заключить, что предпринятое выше сравнительное изучение темы поэта в «Листьях травы» выявило своеобразие взглядов Уитмена на роль поэта в истории человечества, заключающихся в следующем: во-первых, поэту, «истинному сыну Бога», не следует брать на себя «низкую роль толкователя результатов», его задача – расширить сферу воображения читателя, побудить его пройти «большую дорогу» становления личности; во-вторых, роль поэта важнее деятельности ученых, поэт обязан «присутствовать» в научно-техническом прогрессе и не только, чтобы прославить его, но и, главное, подчинить целям красоты и добра, достижению гармонии между душой и телом.

Примечания

1. I greet you at the beginning of a great career, which yet must have had a long foreground somewhere, for such a start. (Здесь и далее приводимые переводы выполнены автором статьи.)

2. Nature may have given the hint to the author of ‘Leaves of Grass’, but there exists no book or fragment of a book which can have given the hint to them [sic].

3. They may, in short, remove some of the ambiguity of the language and clarify or intensify the meaning which a reader may encounter in it.

4. Строки взяты из стихотворения «Рожденный на Поманок» (*Starting from Paumanok*) в редакции издания 1881 года, закрепленного в качестве окончательного. Заметим, что проф. Р.Асселино, исследуя те изменения, которые Уитмен в течение тридцати семи лет вносил в каждое новое издание «Листьев травы», в своей книге «Эволюция Уолта Уитмена. Становление книги» (*The Evolution of Walt Whitman. The Creation of a Book,*

1962) признает, что гордая вера Уитмена в то, что Америка в ближайшие годы создаст национальную литературу, которая затмит всех Шекспиров и Данте, мало-помалу сменилась преклонением перед традициями Старого Света.

5. I conn'd old times,
I sat studying at the feet of the great masters,
Now if eligible O that the great masters might return and study me.

6. I stand in my place with my own day here.

7. Из прозаического произведения «Демократические дали» можно извлечь как поэтическую теорию Уитмена, так и ее связь с концепцией духовной демократии – векторами последней являются индивидуальное религиозное сознание и общая душа.

8. ...buoyant, indestructible, sailing space forever, visiting every region...

9. The true son of God...

10. ...the deep waters...

11. But each man and each woman of you I lead upon a knoll,
My left hand hooking you round the waist,
My right hand pointing to landscapes of continents and the public road.

Not I, not anyone else can travel that road for you,
You must travel it for yourself.

12. Hurrah for positive science! Long live exact demonstration!

.....
Gentlemen, to you the first honors always!
Your facts are useful, and yet they are not my dwelling,
I but enter by them to an area of my dwelling.

13. After the noble inventors, after the scientists, the chemist, the geologist,
ethnologist,

.....
Then not your deeds only O voyagers, O scientists and inventors, shall be justified,

All these hearts as of fretted children shall be sooth'd.

14. To exalt... to use the hammer and the saw...

15. ...all the work and workmen...

16. How near his work is holding him to God.

17. ...ineffable guest...

18. ...illustrious émigré

19. I have said that the soul is not more than the body,
And I have said that the body is not more than the soul.

Библиографический список

1. Whitman Walt. Leaves of grass and other writings: authoritative texts, prefaces, Whitman on his art, criticism / edited by Michael Moon. New York: A Norton critical edition, 2002. 919 p.
2. Rajasekharaiah T.R. The Roots of Whitman's Grass. Rutherford: Farleigh Dickinson University Press, 1970. P.121.
3. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы: [перевод со словацкого]. М.: Прогресс, 1979. 320с.
4. Traubel, Bush, and Harned. In re Walt Whitman. Philadelphia: David McCay, 1893. P.16.
5. Allen, Gay Wilson. A Reader's Guide to Walt Whitman. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1970. P.40.
6. Walt Whitman Review: Vols. 1-28 (1955-1982). New York: V.10. №3. 1964. P.52.
7. Венедиктова Т.Д. Поэзия Уолта Уитмена. М.: Изд-во МГУ, 1982. 128 с.
8. Шелли П.Б. Защита поэзии: трактат: [пер. с англ. З.Е. Александровой] // Письма. Статьи. Фрагменты. М.: Наука, 1972. С.411-434.
9. Венедиктова Т.Д. Радикал воображения // Вопросы литературы. 2009. №6. С.61.
10. Whitman, Walt. Complete poetry and collected prose. New York: Literary Classics of the United States, Inc., 1982. P.988.
11. Чуковский К.И. Мой Уитмен. М.: Прогресс, 1969. С.42.

Сведения об авторе

Никитина Ирина Владимировна
аспирант кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: irene.nikitina@gmail.com

УДК 820(091)(=414)(73)

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОМ АФРОАМЕРИКАНСКОМ РОМАНЕ

Ю. В. Стулов

Минский государственный лингвистический университет, Беларусь

В статье рассматриваются знаменитые романы афроамериканских писателей 1960–70-х гг. М. Уокер и А. Хейли и их влияние на развитие афроамериканского исторического романа, в том числе на пенталогию романов Тони Моррисон. Отталкиваясь от жанра «невольничьего повествования», он, с одной стороны, возрождает форму саги, а, с другой, привносит в исторический роман элементы «магического реализма» и игры с формой, расширяя жанровое пространство.

Ключевые слова: афроамериканская литература, исторический роман, «невольничье повествование», расизм.

Rethinking History in the Contemporary African American Novel

Yuriy Stulov

The paper deals with the famous 1960–70s novels by the African American writers M. Walker and A. Haley and their impact on the development of the African American novel including Toni Morrison's pentalogy. Taking its roots in the genre of the slave narrative, it resuscitates the saga and, on the other hand, introduces elements of magic realism to the historical novel, and plays with form thus widening the genre space.

Key words: African American literature, historical novel, slave narrative, racism.

До недавнего времени афроамериканская литература отличалась своей реакцией на настоящее, что было связано с положением черного населения США, подвергавшегося различным формам расовой дискриминации, и необходимостью борьбы против расового угнетения. Актуальными для многих поколений афроамериканских писателей оставались вопросы свободы, самоидентификации черного американца, человеческого достоинства, гражданских прав. Задача переосмысления прошлого с точки зрения человека, остававшегося на протяжении столетий невидимым в официальной историографии, возникает в период, последовавший за т.н. «черной революцией» 1960-х – начала 1970-х гг., когда черным американцам удалось добиться серьезных сдвигов в осуществлении своих прав. Это объясняет достаточно позднее становление афроамериканского исторического романа, хотя уже первый афроамериканский роман

«Клотель, или Дочь Президента» Уильяма Уэллса Брауна (1853) содержит некоторые черты исторического романа. К настоящему времени исторический роман стал признанным жанром в литературе черных американцев, пользующимся огромной популярностью у читателя независимо от цвета кожи, что выразилось как в количестве изданий, так и в престижных литературных премиях, в том числе Нобелевской и Пулитцеровской (Тони Моррисон, Алекс Хейли, Элис Уокер, Эдвард П. Джонс).

К сожалению, несмотря на значительное число исследований, посвященных американскому историческому роману в странах СНГ, афроамериканский исторический роман оказался обделен вниманием критики, хотя творчество наиболее известных авторов, работающих в этом жанре, рассматривается в диссертационных исследованиях, научных монографиях, вузовских учебниках и статьях (Л. Башмакова, Н. Высоцкая, Т. Денисова, Т. Комаровская, Н. Кремко, С. Пухнатая, М. Тлостанова, С. Чугунова, Р. Грей, Г.Л. Гейтс, Т. Дейвис, Дж. Мелник, Д. Уивер и др.). Представляется необходимым определить круг наиболее существенных тем и проблем, поднимаемых в афроамериканском историческом романе, и выделить его специфические черты, что послужит более глубокому пониманию сложных процессов развития как самой афроамериканской литературы, так и внутри американской литературы в целом.

Бурные события 1960-х гг. заставили черных американцев обратиться к истории пребывания африканцев на американской земле, исследуя болезненный процесс их выживания в условиях жесточайшей эксплуатации и расового угнетения. Это было особенно важно в ситуации, когда, с одной стороны, черная Америка осознала свою силу как важного компонента всей общественно-политической жизни США, а, с другой, стала очевидной манипуляция историческими фактами, когда вклад афроамериканцев в развитие США игнорировался, а ужасы эпохи рабства стыдливо замалчивались. События прошлого стали предметом пристального внимания не только историков и политиков, но и мастеров слова. Примечательно, что этот интерес стал проявляться, прежде всего, в отношении личных историй рабов, их попыток обретения свободы и утверждения годности человека независимо от цвета кожи. На переднем плане оказалась не крупная историческая фигура, а обычный человек, которого когда-то похитили на африканском

континенте и в цепях доставили в Америку. Только благодаря своему мужеству, стойкости, чувству собственного достоинства он сумел выжить и передать потомкам те качества, которые помогли им в длительной борьбе за свои права.

Афроамериканский роман отталкивается от «невольничьего повествования» – жанра, который, по мнению известной российской исследовательницы И.М. Удлер, «бесспорно, является архетипом различных жанров афроамериканской художественной литературы, документалистики, публицистики» [1]. Устные повествования всегда были важным элементом афроамериканской культуры, и литература в полной мере использовала их художественный потенциал, передававший из поколения в поколение трагический опыт черных американцев.

Одной из наиболее значительных книг, основанных на автобиографическом материале, рассказывающей о судьбах нескольких поколений семьи черных американцев, стал роман «Юбилей» (*Jubilee*, 1966) Маргарет Уокер, чье творчество, безусловно, заслуживает пристального внимания отечественной критики, поскольку она во многом предвосхитила художественные поиски афроамериканских писателей второй половины XX века.

Как говорила сама писательница, она услышала историю о своей прабабке Вири от бабушки и решила написать роман на основе услышанного. В результате, по мнению рецензента журнала «Милуоки Джорнэл», появился «первый действительно исторический черный роман» (здесь и далее перевод автора) [2]. События в романе переданы через восприятие Вири, дочери черной рабыни и белого плантатора. Перед глазами читателя возникает американский Юг накануне Гражданской войны с его системой жестокой эксплуатации рабов. Ужасы рабства сменяются картиной лишений, вызванных войной, после чего следует драматический период Реконструкции, когда освобожденные рабы оказались перед выбором – покинуть родные места и начать новую жизнь или продолжать сносить унижения со стороны бывших рабовладельцев, не желавших смириться с потерей дешевого рабского труда. Обычные люди становятся не только объектами, но и субъектами истории, в немалой степени определяя ее движение. Показывая испытания, выпавшие на долю своей героини, Уокер утверждает, что будущее нации зависит от таких людей, как эта мужественная и мудрая женщина. Ведь,

несмотря на все унижения и страдания, ее сердце не ожесточилось. Моральная чистота, цельность натуры, чувство достоинства – то, что она передает сыну, а через него своим потомкам: «И не будь в душе злым и недобрим по отношению к другим. Помни: добрый поступок – это все равно как леденец. Он притягивает мух сильнее, чем уксус. Я хочу, чтобы ты стал человеком. Я хочу, чтобы ты был добрым и стал настоящим мужчиной» [3]. Вири верит в силу доброты. И пусть она необразованна, но она больше знает о жизни, чем ее хозяйева, отказывающие ей в праве быть человеком, и именно это знание дает ей силы противостоять системе.

В определенной степени образ Вири является ответом черной писательницы на образ Скарлетт О’Хара в знаменитом романе Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», пропитанном расистской мифологией американского Юга. Действие романа происходит в то же время и в том же штате Джорджия. И в одном, и в другом романе мы наблюдаем трансформацию главной героини в контексте происходящих вокруг перемен, когда рушится патриархальный расистский мир. Разница в уроках, которые извлекают героини. Скарлетт становится жестким человеком, лишенным сантиментов и готовым сражаться за свое будущее, но за всеми ее поступками лежит острое желание отстоять свою собственность, свою Тару. Ради этого она не жалеет ни себя, ни окружающих, ведь Тара олицетворяет для нее и дом, и историческую память. Цена этого – человечность Скарлетт, которой она жертвует ради обладания Тарой. И это как раз то, что сохранила Вири, у которой другое понимание дома, ведь дом, где она выросла, – это место страданий. Вместе с мужем она готова начать все сначала, но на других условиях, и в этом надежда не только для нее, но и для ее потомков, сумевших преодолеть трагическое прошлое, уяснив его уроки. Скарлетт этого не дано. Личная история Вири становится частью американской истории.

Маргарет Уокер в большой степени стала первооткрывателем в постижении исторической правды об опыте африканцев на американской земле. История ее рода как в капле воды отразила трагическую историю черной Америки. Избранная ею жанровая форма соответствовала как традициям «невольничьего повествования», так и самому духу афроамериканской литературы и оказалась востребованной в новых исторических условиях.

1970-е гг. стали свидетелями взлета афроамериканского исторического романа. Выдающийся поэт и нобелевский лауреат Чеслав Милош был уверен, что «человечество будет все больше обращаться к себе, все больше размышляя о своем прошлом, в поисках ключа к своей загадке, через сопереживание проникая в душу прошлых поколений и целых цивилизаций» [4]. Эти слова могут быть в полной мере отнесены к роману Алекса Хейли «Корни: Сага американской семьи» (1976). Подзаголовок далеко не случаен. Ведь саги еще в древности «становятся универсальной формой хранения информации и собственной истории, понимаемой как история родов и отдельных их представителей» [5]. В своей истории семи поколений предков Хейли, несомненно, отталкивался от книги М. Уокер, обвинившей писателя в плагиате. Правда, доказательства Уокер в суде приняты не были: большинство подобного рода историй имеют массу точек пересечения, поскольку многие из описываемых ситуаций борьбы черного населения США за свои права весьма схожи. Но он идет дальше Уокер, создавая огромное эпическое полотно со значительным количеством действующих лиц и расширяя географическое пространство романа.

«Корни» оказались той книгой о взаимоотношениях белых и черных, которую ждала Америка. Роман сразу занял первое место в списке национальных бестселлеров, а автор удостоился Национальной книжной премии и специальной Пулитцеровской премии за 1977 год. Потрясают тиражи, невиданные даже для самых популярных писателей «мейнстрима»: в первые шесть месяцев после выхода книги было распродано 1600000 экземпляров, а общий тираж только за два года составил 8,5 миллионов книг. Телевизионный сериал по книге (1977) продолжает по сей день оставаться одним из наиболее востребованных в видеопрокате. Во время первого показа по федеральному телеканалу он собрал огромную аудиторию, что вдохновило создателей на создание сиквела, который просмотроло 110 миллионов зрителей, не считая продаж дисков с фильмом. Сама книга вызвала бурную дискуссию не только в академических кругах, но, прежде всего, в обществе. В нее включились ведущие американские писатели, историки, общественные деятели. В их числе был и крупнейший афроамериканский писатель XX века Джеймс Болдуин, написавший восторженный отзыв о книге.

Африканский предок Хейли Кунта Кинте, привезенный в цепях на американский континент, становится символом свободолюбия и человеческого достоинства афроамериканцев. Несмотря на то, что все его попытки бежать заканчиваются неудачно, а сам он в наказание лишается ноги, белым хозяевам не удается сломить его и заставить принять положение раба как естественное. Он не поддается на игры белого человека и стремится сам определять свою жизнь, пуская корни в чужой и недоброй стране, которая становится домом для его детей. От него они наследуют его независимый характер, самоуважение, решимость бороться с судьбой и дух свободного человека, который не хочет отказываться от своего африканского прошлого.

Роман Хейли показал, что полная драматизма история афроамериканцев может быть интересна самой широкой аудитории, и тем самым способствовал расцвету жанра в афроамериканской литературе. В переломный момент истории, когда происходили кардинальные изменения в определении места афроамериканцев в общественно-политической, экономической и культурной жизни страны, он прямо воздействовал на самосознание афроамериканцев, утверждая их человеческую годность через показ тех невыносимых испытаний, через которые они должны были пройти, и то мужество, которое требовалось для достижения подлинного равноправия. История стала средством единения черных граждан Америки, выработки их группового самосознания. При этом, как и в случае с Вири у М. Уокер, герой Хейли является одновременно и объектом, и субъектом истории, что характерно для афроамериканского исторического романа в целом и наглядно проявилось в творчестве Чарльза Джонсона, Стивена Корбина, Алекса Д. Пейта, Ишмаэла Рида и других современных авторов. Анализируя современный американский исторический роман, профессор Т.Н. Денисова замечает, что «в романе такого типа человек – не только носитель исторического сознания, история становится масштабом измерения личности» [6]. В афроамериканском историческом романе деятелем и двигателем истории становится обычный человек. В центре внимания писателей уже не История, в которой происходят знаковые, переломные события с участием видных исторических фигур, а истории простых людей, из судеб которых и плетет свою ткань История и которые в конечном счете определяют ее ход. К тому же

История более не рассматривается только как поступательный процесс. Характерным становится ощущение, что «История пишется не в линейных терминах, как монолит, а как мириады – меняющиеся, случайные, связанные с состояниями бытия, традициями повествования. Короче говоря, ее считают неотделимой от власти, правда которой зависит от того, чью историю удастся рассказать» [7]. Создается причудливое лоскутное одеяло афроамериканской истории, сотканное из отдельных фрагментов судеб афроамериканцев.

Творчество черных писателей США 1960-70-х гг. сумело прорвать изоляцию афроамериканской литературы в своеобразном черном гетто. Преодолевая этническую замкнутость, современные авторы вводят нарративы множественности, которые знаменуют собой принципиально иные взаимоотношения между американцами, принадлежащими к разным культурным группам, что с особой силой продемонстрировано в произведениях Чарльза Джонсона и Ишмаэла Рида. Как верно замечает профессор С.П. Толкачев, «Литература ... становится «авансценой» переговоров о новых системах ценностей, формирующихся в условиях миграции и глобализации, с одной стороны, и осознания особой роли национального и этноцентрического – с другой» [8].

Сложные гендерные взаимоотношения внутри черной общины США привели к тому, что акценты в показе истории пребывания черного населения на американской земле писателями-мужчинами и женщинами расставляются по-разному. Это проявилось, в частности, в полемике между такими признанными мастерами афроамериканской литературы, как Э. Уокер и И. Рид. Тони Моррисон, первый афроамериканский лауреат Нобелевской премии, выслушивая аргументы обеих сторон, не втягивается в полемику, а пытается проникнуть в суть вещей, извлекая уроки из истории черной женщины в США. Ее знаменитая пенталогия (романы «Возлюбленная» (другой перевод названия – «Любимица» – Ю.С.) – «Джаз» – «Рай» – «Любовь» – «Прощение») бросает вызов традиционной интерпретации истории афроамериканцев. Писательница, отталкиваясь от реальных фактов, трансформирует их с точки зрения черной женщины рубежа XX–XXI вв., вглядывающейся в прошлое, чтобы понять, в чем сила негритянки, выстоявшей под ударами судьбы. Моррисон свободно перемещает своих героев во времени и пространстве, связывая в один запутанный,

но неразделимый узел прошлое и настоящее, реальность и игру воображения, явь и сон. Это незавершенный процесс, без понимания противоречий которого невозможно смотреть в будущее, но своими корнями он уходит в рабство.

Романы писательницы выходят далеко за рамки чисто исторического романа в его привычном понимании, поскольку в них сильна доля и готики, и магического реализма. Однако принципиально важно, что для нее рабство и патриархальные установки общества – та точка отсчета, которая будет определять судьбу черной женщины на протяжении столетий. Травматический опыт прошлого заложен в ее генетической памяти, и чтобы подняться над обстоятельствами, по большей части трагическими, она должна найти свой способ самосохранения, а это исключает романтизацию прошлого, как это происходило в целом ряде американских исторических романов, созданных белыми авторами. Достаточно вспомнить «Унесенные ветром» М. Митчелл.

Оставив страшный след в миропонимании черной женщины, рабство, тем не менее, не сумело уничтожить ее как личность, о чем красноречиво свидетельствуют артефакты афроамериканской культуры, в том числе удивительные по своей причудливости и философской насыщенности лоскутные одеяла, изготавливавшиеся черными женщинами и несущие в себе историческую память. Одной из первых в афроамериканской литературе Т. Моррисон осмысливает роль афроамериканки в американской истории и показывает альтернативные пути ее выживания во враждебном окружении. Семейные узы, как правило, оказываются непрочными, поскольку от рождения общество прививает черному мужчине комплекс неполноценности. Он не в состоянии защитить любимого человека, которого можно сделать наложницей белого господина или продать; для него чрезвычайно сложно отстоять свое достоинство и право на любовь. И потому рано или поздно он уходит из семьи, направляя весь негативизм по отношению к себе на женщину и тем самым разрушая саму возможность обретения покоя. Следствием же становится трудная судьба женщины, которая стремится сберечь домашний очаг, воспитать детей и, насколько удастся, сохранить себя как личность. Силы она черпает в общении с такими же «безголосыми» черными женщинами, как и она сама. «Расходясь с доминирующими ценностями, эти ячейки микрокосма всегда в

определенной степени маргинализируются и поддаются давлению извне, и, однако, они предлагают модели социальной солидарности и самоопределения, которые корректируют некоторые из искривлений, навязанных традиционными ролями», – утверждают авторы «Энциклопедии Тони Моррисон» [9].

В пенталогии перед читателем предстают судьбы черных американок на протяжении почти двух веков. «Возлюбленная» повествует о событиях в жизни героев в период после отмены рабства (1873), но в своих воспоминаниях они обращаются в предвоенную Америку 1850-х гг. Действие романа «Джаз» (Jazz, 1992) происходит в 1920-е гг., а отдельные эпизоды относятся к началу XIX века. «Рай» (Paradise, 1999) начинается в 1976 г. и прерывается ретроспекциями в 1890-е гг. и 1949-й год. Роман «Любовь» (Love, 2003) обращен в 1940-50-е гг., описывая времена, когда черный бизнесмен создал курорт на берегу океана для отдыха черного среднего класса. В последнем романе цикла «Прощение» действие переносится в XVII век, когда закладываются основы будущей нации и расизм начинает приобретать четкую идеологию. Моррисон показывает своих героинь – черных женщин как особую группу общества со своей историей и собственным взглядом на мир, который отличается и от мироощущения черных мужчин, и женщин с другим цветом кожи. Микроистории ее женщин переносятся на полотно лоскутного одеяла американской истории. Здесь следует иметь в виду, что при создании лоскутного одеяла задачей творца является не только вместить малые фрагменты, несущие информацию о личности создателя, в общее полотно, но и совместить все эти фрагменты. В художественном универсуме Моррисон отдельные, личные истории ее героинь вплетаются в общую ткань произведения, а взятые в целостности всего цикла, они раскрывают огромный непознанный мир черных американок, в котором огромную роль играет воображение в силу невозможности самореализации творческого начала женщины. Их миры пересекаются, расходятся и выходят за границы частного опыта каждой из них, подчеркивая тем самым мысль писательницы о разнообразии и сложности человеческих судеб.

Длительная история насилия, унижения и расовой дискриминации не могла не сказаться на мироощущении черных американцев. По признанию выдающегося афроамериканского писателя Джона Эдгара Уайдмэна, «Унижаемые бесконечными

утверждениями о нашей неадекватности, отвращением к собственной коже, мы оказались вынужденными войти в шкуру других, чтобы видеть мир и себя самих глазами других в качестве условия выживания» [10]. Разделение по расовому признаку слишком долго определяло взаимоотношения людей в США и в осмыслении истории афроамериканскими писателями обычно рассматривалось только как антагонистическое, что отражалось и в концепции афроамериканского исторического романа. Однако в последние десятилетия происходит усложнение концепции, что наглядно проявилось в романе Моррисон «Рай», открывающемся фразой «Они застрелили белую девушку первой» [11]. В монастыре, где вершат расправу мужчины из соседнего «стопроцентно» черного городка Руби (Моррисон подчеркивает его этнический состав: all-black), обитали женщины разного цвета кожи, потерянные в мире, устроенном по иерархическим законам «нормы», делению на своих и чужих. Их всех ждал один конец. Мужчины, творящие суд, отравлены ненавистью ко всему «другому», и эти женщины с изломанными судьбами, живущие по принципу женской солидарности независимо от цвета кожи, олицетворяют вызов простым схемам деления на «добро» и «зло», «правильное» и «ненормальное». Вина этих женщин в одном: они «другие». Две женщины из городка обсуждают причины происходящего за несколько минут до того, как станут свидетелями расправы:

«Но люди все время говорят о них. Ну, как будто они... мразь».

«Они другие, вот и все».

«Я знаю, но раньше этого было достаточно».

«Это женщины, Дави. Просто женщины» [11. С. 288].

Моррисон подчеркивает опасность дихотомий, которые коренятся в истории взаимоотношений рабовладельцев и рабов. Попытка создания «черного» городка, пытающегося жить по принципам патриархата и черного национализма в изоляции от остального мира, вряд ли может быть плодотворной, и это будет проявляться в конфликте между прошлым и настоящим, мужчинами и женщинами, старшим поколением и молодым. Хотя может показаться, что происходит смещение фокуса с проблем расизма на гендерную проблематику, это не вполне так. Моррисон связывает воедино последствия рабства как социального и экономического явления и стереотипы поведения мужчин Руби, которые

воспроизводили модель отношений «хозяин» – «раб». В написанном годами ранее романе «Сула» писательница изображает воссоздание патриархатных иерархий даже во взаимоотношениях женщин: они настолько травмированы опытом расизма и сексизма, что, пытаясь создать свой собственный, отгороженный от других людей мир, переносят установки патриархата в семью. Ева Пис (Eva Pease), чье имя весьма многозначно, отсылая читателя и к прародительнице человечества, и к понятию «согласие; покой, спокойствие», находится на вершине вертикали. В попытке установить свой порядок в доме, то есть мир в ее понимании, она создает зеркальное отражение того, что происходит в обществе, основанном на иерархии. Реакция Сулы драматична: она отвергает любые контакты с людьми, обрекая себя на трагическое одиночество. Для нее «Другое» равнозначно смертельной опасности.

Это ощущение опасности, исходящей от Другого, характеризует и мужчин из романа «Рай», только для них Другой – это расовый другой, т.е. белый, несущий с собой зло, или «другие» черные, которые не связаны с Руби своей историей. В себе они зла не видят. Преподобный Ричард Миснер, размышляя о причинах трагедии, приходит к неутешительному выводу о том, какую страшную роль в судьбах людей играет эгоизм, «рожденный из старой ненависти, той самой, которая началась, когда одни черные стали презирать других черных, а те вывели эту ненависть на новый уровень» [11. С. 306]. Те, кто от имени Бога творил расправу, уверены в своей правоте, а на самом деле они оказались жертвами системы, которая научила их делить мир на своих и чужих. Ведь эгоизм – это не только себялюбие, но и предпочтение своих интересов интересам других людей, то есть неумение услышать Другого и понять его. У Моррисон этот Другой может находиться внутри человека, который боится принять инаковость, не будучи в состоянии понять многообразие мира, который не укладывается в простую схему бинарных оппозиций, и принять свое трагическое прошлое как первый шаг на пути к преодолению его травмирующего влияния. По справедливому замечанию проф. Хайнца Икштадта, «'Другой' в нарративе Моррисон – это в первую очередь не расовый (и расистский) антагонист, а большее, выходящее за собственные пределы коллективное «Я», уходящее к предкам, затерянное и похороненное в замалчиваемой истории черного опыта» [12].

Через *пере-* и *со-переживание* частных, «маленьких» историй героями романов Моррисон происходит их избавление от призраков прошлого и включение в Историю. Тем самым создается будущее. Через понимание себя происходит понимание себе подобных, своей общины, социальной группы, что в конечном итоге приводит к изменениям в обществе. Моррисон, как и другие современные афроамериканские писатели, особое внимание уделяет показу культурных и эмоциональных связей между поколениями, корням, питающим сознание ее персонажей. Она всегда детально описывает географию событий, подчеркивает особенности местного колорита и быта, указывая на конкретные обстоятельства жизни героев, обусловленные их местом проживания. Цинцинатти, Нью-Йорк, Руби, штат Оклахома – не просто географические точки на карте Америки; это среда обитания определенной группы людей, связанной общей ментальностью, обычаями, диалектом. Политика расизма была направлена как раз на то, чтобы разрушить духовные контакты между афроамериканцами, оторвать мужей от жен, детей от родителей, уничтожить историческую память.

Этого, к счастью, не произошло. Сплетая афроамериканские мифы и историческую реальность, Моррисон убедительно показывает, что дало ее предкам силу выстоять. Писательница верит в силу любви, которой под силу сломать стену отчуждения и непонимания между людьми. Недаром один из последних ее романов так и называется – «Любовь», в определенной степени развивая некоторые из тем, поднимаемых писательницей в романах цикла. Здесь нужно вспомнить, чем Моррисон завершает роман «Джаз» (Jazz), в котором переплетаются темы самоидентификации человека и конфликта интересов личности и общины. После всех испытаний, выпавших на долю главных героев, страстей, сокрушавших их, насилия, испепеляющего душу, в жизнь Джо и Вайолет входит Фелис, девочка, бывшая свидетельницей их безумных страстей. Она привносит в их жизнь гармонию, которой они никогда не знали, и учит их нежности, открывая в них способность любить. Описывая возвращение Джо в родной дом после нескольких месяцев отсутствия, Моррисон необыкновенно лирична в изображении реакции Джо при виде спящей жены. «Он развязал шнурок ее ботинка и расслабил его. Должно быть, это что-то пробудило в ней, потому что она засмеялась во сне легким счастливым смехом, который он раньше никогда не

слышал, но который, казалось, принадлежал ей» [13]. Перемены – внутри героев, в их крепнущем осознании необходимости искать моральный стержень, завещанный предками, но утраченный при попытке приспособиться к чуждым нравам, вызвав саморазрушение личности. В заботе друг о друге, стремлении к взаимопониманию заложена та сила, которая поможет вновь обрести цельность и высвободить дух от печального наследия рабства, которое выражено в моральной беспризорности и неприкаянности героев, заброшенных Историей в город, лишенный корней.

Подобное отношение к истории определяет и форму романов Моррисон, которые развиваются как бы по спирали, слагаясь из различных частных историй и передавая многоголосие жизни. Одни из них опираются на факты (как, например, «Возлюбленная»); другие определяются вымыслом, идущим из глубин исторической памяти афроамериканцев. Не будучи историческими в чисто жанровом отношении, они по сути своей историчны, так как уходят корнями в опыт афроамериканцев. Моррисон удаётся «воссоздать мироощущение, мировосприятие людей прошлого», а именно это, по мнению известного белорусского литературоведа Т.Е. Комаровской, является задачей исторического романа [14].

В настоящее время афроамериканский исторический роман переживает пору своего расцвета, о чем свидетельствует популярность книг Э.П. Джонса, Ч. Джонсона, И. Рида, Тони Моррисон, М. Уокер, Э. Уокер, А. Хейли и других известных черных писателей. Многие из них были успешно экранизированы, что способствовало формированию честного взгляда на драматические события прошлого в жизни афроамериканцев, которые целенаправленно искажались официальной американской историографией и массовой литературой (характерный пример – бестселлер М. Митчелл «Унесенные ветром»). В фокусе внимания многих современных афроамериканских писателей, как правило, обычный человек, привезенный в цепях в Америку, который, благодаря своей отваге, стойкости и вере в себя, сумел выжить во враждебном окружении и пустить корни на американской земле.

Афроамериканский исторический роман, как и другие жанровые формы литературы черных американцев, отталкивается от традиционного «невольничьего повествования», заимствуя форму устного рассказа героя / героини о своем пути из неволи к свободе, от

незнания к знанию и возрождая на новом историческом витке форму саги. Это позволяет, с одной стороны, рассказать об опыте нескольких поколений одной семьи, а, с другой, придать этому опыту коллективный характер, прочерчивая связь между прошлым и будущим всей афроамериканской общины. Более глубокое понимание себя помогает понять свое окружение, свою социальную группу, общину и в результате приводит к серьезным изменениям в настроениях общества. Избавляясь от призраков прошлого, герои современного афроамериканского исторического романа включаются в поиск путей в будущее без расизма и дискриминации.

Библиографический список

1. Удлер И. М. В рабстве и на свободе: становление и эволюция документально-публицистического жанра «невольничьего повествования» в XVIII–XIX веках. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С.7.
2. Walker M. Jubilee. Boston-New York: Houghton Mifflin Company, 1999. Back cover.
3. Walker M. Jubilee . Op. cit. P. 491.
4. Milosz Cz. “On Hope” // Literature in the Modern World: Critical Essays and Documents / Ed. by Dennis Walder at the Open University. Oxford, New York: Oxford University Press, 1990. P. 359.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 920.
6. Денисова Т.Н. Історія американської літератури ХХ століття. Київ: Довіра, 2002. С. 278.
7. Gray R. A History of American Literature. Malden, MA; Oxford; Carlton, Victoria: Blackwell Publishing, 2004. P. 684.
8. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. С. 5.
9. The Toni Morrison Encyclopedia / Ed. by Elizabeth Ann Beaulieu. Westport, Connecticut. London: Greenwood Press, 2003. P. 68.
10. Wideman J.E. Preface // Breaking Ice: An Anthology of Contemporary African-American Fiction / Ed. By Terry McMillan. New York et al.: Penguin Books, 1990. P. vii.
11. Morrison Toni. Paradise. New York, Toronto: Alfred A. Knopf, 1998.
12. Ickstadt H. Constructing Self – Inventing Other in North American Fiction // Проблема «Мы – Другие» в контексте исторического и

культурного опыта США: Материалы VII международной научной конференции Ассоциации изучения США. Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, 5-6 февраля 2001 г. М.: Изд-во «Путь», 2002. С. 90.

13. Morrison Toni. Jazz. New York et al.: A Plume Book, 1993. P.226.

14. Комаровская Т.Е. Проблемы поэтики исторического романа США XX века. Минск: БГПУ, 2005. С. 16.

Сведения об авторе

Стулов Юрий Викторович
кандидат филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
зарубежной литературы МГЛУ
E-mail: yustulov@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147:811.161.1:004

ИНОЯЗЫЧНЫЙ НЕАДАПТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ: ОНЛАЙНОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОБУЧЕНИЯ БЫСТРОМУ ЧТЕНИЮ

Е.И. Бегенева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва

В статье описана современная онлайн-технология обучения быстрому чтению, которая адресована иностранному учащемуся. Данная технология ориентирована на воспитание эфферентного читателя и приобщение его к каждодневному чтению на русском языке.

Ключевые слова: русский как иностранный (РКИ), e-learning, неадаптированный текст, быстрое чтение, технология чтения.

Unadapted Foreign Language Text: An Online Speed Reading Technology **Elena Begeneva**

The article describes a modern online speed reading technology designed for foreign language learners. This technology seeks to produce efferent readers and train them in daily habits of reading in Russian.

Key words: Russian as a foreign language, e-learning, unadapted text, speed reading, reading technology.

Проблема освоения техники *быстрого чтения* (*ознакомительного чтения* – Д.И. Изаренков, *обычного* – Л.М.Шварц; *свободного* – Т.Г.Егорова) в эпоху скачкообразного увеличения объемов инфосферы становится все более актуальной. По данным исследований Калифорнийского университета, только за 2006 г. мировые СМИ, издательства и рекламная индустрия произвели 161 эксабайт (1 ЭБ = 260 байт) информации, что в 3 млн. раз превосходит книжный объем, созданный за всю историю человечества. В 2010 г. это число эксабайтов возросло до 988 ЭБ (т.е. почти в 6 раз за 4 года) [1]. Объем всей информации, полученной хорошо образованным

европейским человеком XV — XVII века в течение всей его жизни, сегодня укладывается в один номер журнала «New York Times» [там же]. В настоящее время на долю быстрого чтения приходится большая часть в общем объеме трудового дня специалиста. Так, у работников инженерно-технического профиля оно занимает до 70-80% всего отводимого для чтения времени.

Трудности в обучении быстрому чтению связаны с недостаточной изученностью познавательных процессов самой процедуры чтения. Цель настоящей работы – представить онлайн-технологии обучения быстрому чтению на иностранном языке.

Чтобы установить границы понятия быстрого чтения, следует отметить его квалификационные различия в методиках обучения скорочтению и методиках преподавания иностранного языка. В первом случае под быстрым чтением традиционно понимается метод, с помощью которого человек извлекает из текста осмысленную информацию на повышенной скорости. К способам быстрого чтения относят *углубленное чтение, собственно быстрое чтение, панорамное быстрое чтение, выборочное чтение, чтение-просмотр и чтение-сканирование* (быстрым и панорамно-быстрым принято считать чтение со скоростью соответственно 3000 и 8000–10000 зн. / мин.). Все названные разновидности чтения различаются по цели, характеру и бюджету затрачиваемого времени (подробнее в [2]). Углубленное чтение принято рассматривать как один из самых качественных способов быстрого чтения, лучший, например, при изучении учебных дисциплин.

Применительно к методике обучения иностранному языку чтение подразделяют на *изучающее (аналитическое), ознакомительное, просмотровое и поисковое*. Системные различия когнитивной стороны данных разновидностей чтения Д.И. Изаренков иллюстрирует следующими сопоставлениями показателей восприятия и смысловой переработки информации. Скорость восприятия при изучающем чтении (минимальный пороговый уровень) составляет 60 слогов/мин; ознакомительном – 160 сл./мин; просмотровом – 1,5 стр./мин; поисковом – 1 стр./мин. [3].

Смысловая переработка при изучающем чтении затрагивает все уровни осмысления; при ознакомительном она включает все типы

операций – анализ, синтез, обобщение, конкретизация; при просмотром – сравнение, анализ, установление посредством операций логического вывода определённых связей между текстами на уровне тем; при поисковом – сравнение, анализ, синтез, обобщение (установление связей между текстами на уровне когнитивных структур знаний) [3]. Ознакомительное чтение может быть признано быстрым при условии, если оно доведено по скорости до стандартной скорости чтения носителя языка (Э.В. Минько в отношении россиян из числа много читающих устанавливает экспериментальным путем ее пределы между 500 и 750 зн./мин. [2]).

Препятствием к достижению результатов быстрого чтения иностранцами являются, во-первых, их собственно языковые трудности и, во-вторых, пять основных недостатков традиционного чтения, а именно 1. *Регрессия* (непроизвольные механические повторные фиксации глазами одного и того же участка текста, при медленном чтении они составляют от 10 до 15 для текста объемом в 100 слов); 2. *Артикуляция* (движение органов речи, которое, по данным инструментальных исследований, даже при чтении про себя затормаживается лишь внешне); 3. *Малое поле зрения* (участок текста, четко воспринимаемый глазами при одной фиксации взгляда), которое провоцирует дробление взгляда (сочетание лишних зрительных скачков с фиксацией взгляда), 4. *Сканирование*, т.е. непроизводительный переход глаз от конца каждой прочитанной строки к началу новой; 5. *Отсутствие гибкой стратегии чтения* (неумение выбрать стратегию смыслового восприятия текста и подчинить технику чтения своим целям, задачам и установкам); 6. *Отсутствие внимания* (переключение мыслей на посторонние факторы) [2].

Все эти факторы были учтены при разработке технологии обучения быстрому чтению в онлайн-авторском курсе русского языка для иностранных учащихся «Русская газета к утреннему кофе» (электронная версия: www.lclass.org; печатная версия [4]).

В рамках курса понимание быстрого чтения несколько расходится с традиционным (скорочтение). Не совпадает оно и с объемом понятия «ознакомительное чтение». Быстрое чтение - это привилегированный в современной культуре вид чтения, отвечающий

таким характеристикам, как беглость, эффективность и эфферентность.

Беглость чтения зависит от скорости восприятия и переработки информации, причем второй показатель, не в последнюю очередь, определяется тем, насколько у читателя развиты два важнейших навыка – антиципации (предвосхищения, смысловой догадки) и семантизации иноязычной лексики (т.е. пути превращения звукокомплекса в слово).

Скорость восприятия определяют такие параметры движения глаз, как 1. Число фиксаций глаз на 100 слов текста (для повышения скорости чтения это число необходимо уменьшить); 2. Число слов, воспринимаемых за одну фиксацию; Франц Лёзер называет такие объединения «островами» информации [5] (их размер нужно увеличить, а заодно уменьшить число регрессий, иными словами, нужно развить периферическое поле зрения); 3. Длительность фиксаций (она подлежит максимальному сокращению).

В античной Греции в целях рационализации чтения был разработан особый способ письма *Boustrophedon* («движение волов на пашне»). Он предполагал написание одной строки текста слева направо, другой – в противоположном направлении (справа налево) и так далее. Подобный сценарий применялся и при распахивании поля: волов доводили до конца борозды, разворачивали и направляли по новой борозде в обратном направлении [5]. Гениальная технология была предана забвению, а современная процедура чтения получила следующий вид: поле восприятия складывается из вертикальной и горизонтальной составляющих, величина первой достигает от одной трети до половины размера последней: читающий способен охватить одномоментно пять печатных строк и более. Но на практике он действует почти исключительно в горизонтальной плоскости: при движении взгляда по строке наибольшая острота зрения и полнота восприятия возникает только в центральной зоне сетчатки глаза (зоне ясного видения). Текст на строку выше или ниже той, что читается, лежит за пределами этой зоны, на периферии, и видится как бы в тумане.

Именно это обстоятельство учитывается при верстке газетного текста. Он располагается не во всю полосу, а столбцами: в этом случае глаза читателя передвигаются не горизонтально по всей

ширине страницы, а совершают движение, напоминающее по траектории слаломный спуск с незначительным количеством остановок на «островах» информации.

Сходный тип форматирования был применен в онлайн-версии «Русской газеты», а именно, в тренингах, призванных обеспечить учащемуся понимание текста. При их проектировании были учтены два обстоятельства: 1) чтение всегда целенаправленно: оно направлено на извлечение информации, содержащейся в тексте и 2) только развитие способности читателя понимать текст может увеличить поле восприятия текста и повысить скорость его чтения [3]. Тренировочные тесты были сконструированы по следующей технологии.

Фрагмент изучаемого текста, равный среднему по величине абзацу, разбивается на приблизительно одинаковые по длине участки – синтагмы и целые предложения. Они располагаются в колонку друг под другом. Семантизируемое слово выносится в подстрочник формулировки задания (само задание носит поисковый характер):

Прочитайте слова. Найдите к ним в тексте однокоренные слова. Кликните в предложение с нужным словом.

заказывать (3/47)

1. Ровно сто лет назад, в январе 1901 года,
2. в Москве открылся самый знаменитый столичный продуктовый магазин.
3. С этим зданием у москвичей связано множество преданий и удивительных историй.
4. Сегодня мы рассказываем некоторые из них.
5. Стены дома по нынешнему адресу Тверская улица, 14,
6. воздвиг в конце XVIII века знаменитый зодчий Матвей Казаков
7. по заказу московской богачки Екатерины Козицкой.
8. Трехэтажный особняк уцелел в пожаре Москвы 1812 года
9. и через десять лет перешел к княгине Зинаиде Александровне Волконской,
10. где она устроила лучший московский салон литературы и искусств.
11. Там читали свои стихи Пушкин, Одоевский, Вяземский, Адам Мицкевич.

В приведенном примере цифры в скобках – это номер шага в задании (и, одновременно, порядковый номер семантизируемого слова) и общее число шагов (оно совпадает с количеством семантизируемых слов). Число слов для поиска равно количеству

предъявлений фрагментов текста (в этом тренинге в общей сумме текстовые отрывки будут предъявлены учащемуся 47 раз). На безупречное и с первой попытки выполнение этого задания иностранцем затрачивается в среднем 32 мин. (для сравнения: носитель языка проходит тест за 14 мин. 42 сек.). Для достижения 100%-го результата учащемуся, как правило, необходимо осуществить несколько приступов к тесту, т.е. просмотреть отрывки более 47 раз.

При первых подступах к отрабатываемому фрагменту взор читающего скачкообразными (саккадическими) движениями перемещается вдоль синтагмы / строки. Движения чередуются с остановками (паузами, фиксациями). Сумма времени всех остановок составляет время восприятия текста. Ошибаясь на каком-то шаге в выборе слова, учащийся «обновляет» компьютерную страницу и начинает работу заново.

Движения глаз, их трассировка при чтении в значительной мере зависят от навыка. С каждым новым подходом к тексту увеличивается скорость просматривания: спираль «слаломного» движения глаз вытягивается вплоть до наступления такого момента, когда движение глаз достигает наивысшей скорости, и они начинают перемещаться вертикально вниз по центру фрагмента. Восприятие завершается обнаружением искомого слова и закреплением его в кратковременной памяти. Параллельно происходит узнавание знакомых слов: они сличаются с образами-эталоном, находящимися в памяти, идентифицируются и закрепляются в долговременной памяти.

Смысл такой тренировки заключен в пополнении пассивного словарного запаса и освоении «темных» мест в тексте. Косвенный ее эффект заключается в действенной помощи мозгу изменить программу восприятия текста таким образом, чтобы в единицу времени принималось наибольшее количество смысловой информации.

В других лексических тренингах курса применяются следующие приемы семантизации: лексическое толкование слов, сопоставление с известным учащемуся словом – синонимом или антонимом (перенос их лексического значения на семантизируемое), наглядность (показ реалии самого предмета – фото, рисунка, – называемого толкуемым словом) и контекст (выявление родовой принадлежности реалии через

словесное окружение). Надо сказать, что текст в заданиях на семантизацию лексики показывается не всегда (например, тренинги по работе с антонимами сконструированы по иной технологии). Количество предъявлений текстовых фрагментов в остальных случаях сильно варьируется, оно определяется свойствами учебного материала (“Труагро” – 27 предъявлений; “Елисейский” – 88 предъявлений; “Рецепты” – 78 предъявлений; “Индия” – 50 предъявлений; “Париж” – 56 предъявлений; “Тегеран” – 60 предъявлений etc.). Многократное предъявление текстов не утомляет учащегося, поскольку применяется с учетом технологии индукции актуализированного интереса (подробнее в [6]).

При многократном предъявлении текста в центральное поле зрения автоматически попадают наиболее весомые смысловые центры в тексте, его «золотое ядро». На этом этапе работы учащегося можно уподобить квалифицированному читателю, который по нескольким начальным буквам угадывает слово, по нескольким словам — фразу, по нескольким фразам — смысл целого абзаца или даже страницы, т.е. проявляет способность к антиципированию. Если в техниках быстрого чтения антиципацию связывают со сформированностью своеобразного чутья к фразовым стереотипам и накоплением достаточного словаря текстовых штампов, то в обучении иноязычному чтению навык антиципации воспитывается многократными повторениями лексического «каркаса» темы и ее текстового «стереотипа».

Эффективность чтения определяется в таких показателях, как полнота, точность и глубина. Первая отражает количественную меру извлечённой из текста информации, две вторые характеризуют качественную сторону понимания языковой формы текста (где обычно оценивается точность и правильность). Глубина понимания проявляется в интерпретации извлечённой информации, она целиком зависит от фоновых знаний читающего и его интеллектуальных способностей [3].

Эффективность чтения тесно связана с другим его свойством — эфферентностью. Об *эфферентном* чтении впервые заговорила М.Л. Розенблатт (Louise Michelle Rosenblatt), установив корреляцию между «эфферентным чтением» (лат. *effere* – ‘унести’) и «эстетическим чтением» для различения двух типов взаимодействия читателя с

текстом. Эфферентная позиция читателя предполагает акцент на когнитивных, ссылочных, фактических, аналитических, логических и количественных аспектах смысла, в эстетической позиции на первое место выносятся чувственность, аффективность и эмоциональность [7, 8]. Эфферентную позицию принимают читатели газет, а также учебной и профессиональной, к примеру, юридической литературы; эстетическая позиция предпочтительна при чтении поэзии и прочих литературных текстов. Следует сказать, что принятие одной из этих позиций не означает полного отрицания другой. В процессе чтения эфферентные и эстетические аспекты смысла могут присутствовать одновременно, но в различных пропорциях. Тем не менее, современный читатель – это эфферентный читатель, обращающийся к тексту, в первую очередь, за информацией.

В заключение следует отметить, что в отличие от тех механизмов обучения скорочтению, которые применялись в прошлом столетии, - различных регуляторов скорости чтения, тахистоскопов (механических приборов, воспроизводящих на экране слова различной длины и позволяющих тренировать способность восприятия слов с большим количеством букв) – современная онлайн-технология обучения быстрому чтению адресована, в первую очередь, иностранцам, ориентирована на воспитание в них эфферентного читателя и призвана приобщить их к каждодневному чтению на русском языке.

Библиографический список

1. Кузина С. Найдите свой суперклей для воспоминаний // Комсомольская правда. 28.10-4.11.2010. С.10.
2. Минько Э.В. Методы и техника ускоренного конспектирования и чтения: Учебно-методическое пособие. СПб.: ГУАП, 2001. 98 с. // Электронный ресурс Интернет: http://window.edu.ru/window/library?p_rid=44662.
3. Изаренков Д.И. Основные виды чтения: особый характер макросистемных отношений // Вестник МАПРЯЛ. 2009. С. 37-42.
4. Бегенева Е.И. Русская газета к утреннему кофе. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 248 с. // Электронный ресурс Интернет: www.lclass.org.
5. Лёзер Ф. Рациональное чтение. М.: Педагогика, 1980. 160 с. // Электронный ресурс Интернет: <http://www.yugzone.ru/psy/fr-info.htm>.

6. Куринский В. Автодидактика. Киев: Автодидакт, 1994 // Электронный ресурс Интернет: http://www.bookam.net/download/kurinskii_v_/avtodidaktika_1-2.html.

7. Rosenblatt L. The enriching values of reading // W. Gray (Ed.), Reading in an age of mass communication. Freeport, NY: Books for Libraries, 1949. pp. 19-38.

8. Rosenblatt L. The reader, the text, the poem: The transactional theory of the literary work. Carbondale, IL: Southern Illinois Press; Carbondale, IL: Southern Illinois Press, 1994.

Сведения об авторе

Бегенева Елена Ильинична
кандидат филологических наук,
докторант Государственного института
русского языка им. А.С. Пушкина
E-mail: rusgazeta@lunn.ru

УДК 378.661:174

СУЩНОСТЬ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ВРАЧА

Н.В.Маяковская

*Шуйский государственный педагогический университет,
Шуя, Ивановская область*

В статье раскрываются теоретические основы аксиологического подхода в педагогике, рассматриваются особенности подготовки врача с точки зрения смыслов профессии.

Ключевые слова: аксиология, ценность, ценностные ориентации, гуманизм, профессиональные ценности.

An Axiological Approach to Teacher Training and its Application in the Professional Training of Medical Students Natalya Mayakovskaya

The article looks at theoretical fundamentals of an axiological approach in teacher training and examines its specific application in the area of professional training for medical students in terms of their professional values.

Key words: axiology, value, value orientations, humanism, professional values.

В настоящее время образование невозможно без обращения к личности и анализа личностного бытия человека. Современное высшее образование обретает качественно новый смысл, выступает как содержание и среда становления личностного опыта человека. Оно выступает как система с особыми закономерностями функционирования и развития, основанная на методологии гуманитарности, характеризующейся определенными аксиологическими приоритетами.

Несмотря на достаточно прочное бытование категории гуманитарности в педагогике и очевидную продуктивность ее практического применения для осуществления задач личностного развития студентов в образовательном процессе вуза, она не получила исчерпывающей разработки в педагогической науке и полной реализации в практике высшего образования.

Целью данной статьи является рассмотрение основных

положений аксиологического подхода как ведущего в гуманитарной парадигме профессионального образования и путей его реализации в профессиональной подготовке будущего врача.

С точки зрения гуманитарной парадигмы, профессиональное образование призвано культивировать систему ценностей, лежащих в основе той профессиональной деятельности, к которой готовятся студенты. Отечественная профессиональная педагогика традиционно особое внимание уделяет аксиологическому подходу в образовании специалистов, получающих квалификацию в области профессий группы «человек – человек» (по Е.А.Климову), к которой относится и профессия врача. Духовно-нравственная составляющая врачебной деятельности – одна из основ профессионализма современного врача. Низкий уровень духовно-нравственной культуры, пишут Н.В.Кудрявая, Е.М.Уколова, А.С.Молчанов и другие, неизбежно приводит к деэтизации профессионального сознания и деятельности врача. При этом деформируются не только его клиническое мышление, но и моральные устои, что выражается в трех планах: 1) в социальных установках врача по отношению к пациенту; 2) в моделях отношений врач – пациент; 3) в медико-деонтологических казусах.

Значимость данной составляющей отражена сегодня в положениях биомедицинской этики (А.Н.Бартко, Е.П.Михайловска-Карлова и др.). Особенностью медицинского профессионализма является то, что «его совершенствование стимулируется моральными мотивами (милосердием, альтруизмом, заботой о человеке, стремлением спасти и сохранить жизнь и т.д.)» [1].

Методологический акцент в пользу развития гуманитарной культуры личности и построения гуманитарного пространства образования актуализирует идеи аксиологического подхода в образовании в целом и приоритет формирования гуманитарной направленности личности в образовательном процессе вуза, в частности. Это, в свою очередь, позволяет обратиться к категориям «ценность» и «смысл» как методологически значимым для решения проблемы гуманитаризации образовательного процесса в вузе.

Аксиология - философское учение о ценностях, обобщенные устойчивые представления о предпочитаемых благах, объектах, значимых для человека, являющихся предметами его желания, стремления, интереса [2]. Понятие «ценность» введено в научный

оборот И.Кантом, родоначальником немецкой классической философии. В своих трудах «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790) Кант показал различие представлений о должном, ценностях и нормах, с одной стороны, и представлений о сущем мире вещей, о том, что есть, с другой. Мир должного как бы достраивает мир сущего, а значит, и достоверного, до целостности и системы, поэтому действие, по мнению философа, невозможно без включения его в структуру должного.

Впоследствии антропологи, философы, социологи, педагоги неоднократно обращались к уточнению понятия «ценность». С педагогической точки зрения представляет интерес определение ценностей, данное в работах А.А.Гусейнова и Р.Г.Апресяна: «Ценность – это значимые для человека объекты (материальные или идеальные). Так что в широком смысле слова ценностями называют обобщенные устойчивые представления о чем-то как предпочитаемом, как о благе, то есть о том, что отвечает каким-то потребностям, интересам, намерениям, целям, планам человека (или группы людей, общества)» [3]. С позиции педагогики при уяснении понятия «ценность» следует акцентировать внимание на том, что истинные ценности отвечают целям, намерениям, интересам.

Многие исследователи связывают сущность ценностей с оценочной деятельностью. В частности, Б.С.Ерасов утверждает: «В отличие от норм, которым следуют, ценности подразумевают выбор того или иного объекта, состояние потребности, цели, которые имеют более высокое существование. Ценности помогают обществу и человеку отделить хорошее и плохое, идеальное или избегаемое состояние, истину и заблуждение, красоту или безобразие, справедливое и несправедливое, допустимое и запретное, существенное и несущественное и т.д.» [4].

Как показывает анализ, в процессе профессионального образования специалиста практически отсутствуют оценочная деятельность, оппозиционные дискуссии, тогда как в реальной профессиональной жизни человека одно и то же в разных ситуациях может выполнять роль добра и зла. Студентам предлагается воспринимать все оценки преподавателя как должные. Соответственно, эффективность гуманитарного образовательного

процесса в несколько раз ниже, чем могла бы быть. Именно оценка определяет профессиональную позицию, отношение будущего специалиста к тому или иному явлению, действию, предмету.

Теоретический анализ философских трудов, посвященных аксиологии, открывает еще одну педагогически значимую точку зрения на ценности, связанную с понятием «смысл».

Австрийский психолог В.Э. Франкл, близкий к экзистенциализму, показал, что ценности выполняют роль смысла человеческой жизни. По его мнению, они играют значительную роль по отношению к биологическим и психологическим уровням (человек это нечто большее, чем психика), человек обладает определенной свободой по отношению к своим потребностям, наследственности и внешним обстоятельствам [5]. В.Э.Франкл отмечал, что три группы ценностей делают жизнь человека осмысленной: ценности творчества (включая труд), ценности переживания (особенно любовь) и ценности отношения. В его суждениях просматривается целая педагогическая концепция, а именно: для полноценного воспитания личности и ее развития необходимы смысл жизни, творчество, чувство, отношение. Именно такая логика ведет человека к самовоспитанию и саморазвитию.

Философская категория «смысл» может рассматриваться в профессиональной подготовке в широком понимании (смысл жизни), в локальном (смысл профессиональной деятельности) и частном (смысл конкретного поступка). Соответственно, смысловое значение, смысловая оценка и смысловая цель должны быть заложены в каждом элементе образовательного процесса. В профессионально-образовательной практике этому часто не придается значения, и тогда процесс воздействия на будущего специалиста не затрагивает его сознания, чувств и поведения. Наступает бездуховность, которая делает подготовку будущего врача бессмысленной. Подтверждение данной точки зрения находим в исследованиях А.Г.Здравомыслова, который отмечает: «Мир ценностей это, прежде всего, мир культуры в широком смысле слова, это сфера духовной деятельности человека, его нравственного сознания, его привязанностей – тех оценок, в которых выражается мера духовного богатства личности. Именно в силу этого ценности нельзя рассматривать как простое продолжение

или отражение интересов. Они обладают относительной самостоятельностью» [6].

Таким образом, аксиологический подход в профессиональной подготовке переносит акцент с узкопрофессионального направления в подготовке специалистов на интеллектуально-духовное развитие личности, на развитие личностных качеств, в том числе, профессионально значимых. В модели личности современного врача особое значение приобретают следующие компоненты:

- Гуманистическая направленность; что связано с основным объектом деятельности врача – человек, который рассматривается в медицинской деонтологии как высшая ценность;
- Клиническое мышление, под которым понимается способность охватить, проанализировать и синтезировать все данные о больном человеке, то есть это интеллектуальная деятельность врача, подчиняющаяся основным принципам и общим закономерностям мышления. И в то же время оно специфично и своеобразно, так как объектом его познания является наиболее сложное существо - человек. По своей сути оно представляет собой вариант гуманитарного мышления, так как базируется на всей совокупности опыта и знаний о человеке;
- Третий компонент, характеризующий будущего врача, включает систему профессионально важных качеств: ответственность, коммуникативность, чувство долга, честность, любовь к профессии и т.п.

Представление о модели личности будущего врача позволяет наметить пути развития профессионально значимых духовно-нравственных качеств личности в системе медицинского образования, разработать стратегии исследования и пути реализации аксиологического подхода в системе профессиональной медицинской подготовки.

Важнейшим условием, позволяющим реализовать аксиологический подход в профессиональной медицинской подготовке, выступает содержание образования, построенное в соответствии с положениями данного подхода. При этом содержание образования трактуется как сложная система, включающая опыт познания и деятельности в сфере медицины: общечеловеческий (история, теория, методика), корпоративный (положительный опыт

врачей-практиков, инновационные методики лечения и т.п.), субъективный (опыт, полученный студентами в процессе реальной работы в качестве медика – на учебных практиках или самостоятельно, и имеющийся у студента собственный опыт ученичества, который также влияет на его смысловые установки). Целевые установки образовательного процесса в вузе в данном случае смещаются в пользу формирования в сознании студентов целостной картины медицинской деятельности, опирающейся на гуманитарные ценности (ценность человека, его жизни и здоровья). Она включает рациональную и чувственную составляющие, весь спектр знаний, умений и субъективного опыта в сфере изучаемой медицинской деятельности, осознанных и принятых личностью; совокупность представлений о социальной, культурной и субъективной значимости медицинской деятельности, ее духовных начал.

Профессиональная направленность личности будущего специалиста строится на основе присвоенных ею концептов, вошедших в структуру ее личностных смыслов и формируя, тем самым, значимые ценностные личностные смыслы. Уточняя понятие концепта применительно к рассматриваемой теме, отметим, что профессиональный медицинский концепт с точки зрения аксиологического подхода можно определить как единицу ценностного профессионального опыта, сущность которой – в транслировании объективного профессионально значимого смысла. Вербальное выражение концепта выступает формой его означивания и фиксирования в сознании.

Принимая во внимание тот факт, что концепт – это «уникальное представление об универсальном смысле» (С.А.Аскольдов), отметим, что смыслообразующее значение профессиональный медицинский концепт приобретает, когда он становится ментальной составляющей личности человека, то есть, когда он включается в структуру смысложизненных ориентаций личности. Профессиональные медицинские концепты являются динамичными образованиями сознания будущего врача, они претерпевают изменение, уточнение, конкретизацию, то есть, переработку в сознании субъекта, способствующую их упрочению и закреплению в структуре личностных смыслов.

Совокупность исходных профессиональных медицинских концептов структурирована в содержании образования следующими составляющими: человек, жизнь, здоровье, милосердие. Данные концепты выделяются в содержании образования как трансдисциплинарные понятия. Данные понятия выступают основой целостности учебного курса профессиональных медицинских концептуальных знаний студентов, «отправной точкой» субъективной интерпретации учебной информации.

Выделение трансдисциплинарных понятий в качестве аксиологической основы интеграции учебных курсов базируется на убеждении в том, что высшее медицинское образование, в отличие от среднего профессионального, призвано формировать высокий уровень профессионального сознания в контексте высокого общекультурного уровня личности специалиста. То есть, развивать способность стратегически мыслить, видеть целостную картину профессионального труда во всем многообразии его элементов и связей, прогнозировать его эффективность и результативность как в положительном, так и в негативном планах, и на этой основе осуществлять планирование, анализ и коррекцию профессиональной деятельности (т.е. системно моделировать ее).

Логика перехода субъекта профессиональной подготовки от исходных концептов, которые имеют место в учебном процессе, до концептов сознания конкретного студента, сложна. Такой переход имеет не линейную логику, а более сложную, диалектическую, связанную с моментами отрицания и нахождения соответствий с собственным опытом, познавательными и иными потребностями, «возвратами» и «движением вперед» и, наконец, с собственными смысложизненными ориентациями студентов. В итоге формируется профессиональная аксиологическая концептосфера специалиста, являющаяся основой его профессиональной картины мира.

Таким образом, общее направление формирования в сознании будущего врача субъективно осмысленных и принятых концептов таково: от исходных, обобщенных, имеющих объективный профессиональный смысл, к субъективной концептосфере, в которой исходные концепты присутствуют, но представление о них поднимается на более высокий уровень: конкретизации, обобщения и принятия субъектом.

Следует признать, что целостность профессиональной картины мира выпускника медицинского вуза относительна, не окончательна, но это не снижает ее значения как конструкта, регулирующего в дальнейшем профессиональную деятельность специалиста.

В аксиологическое содержание профессиональной подготовки закономерно включается профессионально ориентированное общение. Коммуникативные ситуации при этом являются способом создания гуманитарного контекста медицинской деятельности, так как адекватны ее сущности и позволяют представить многообразие вариантов поддерживающей коммуникации. Поддерживающая коммуникация является одним из профессиональных способов реализации отношения «врач – пациент», поэтому способность к данной коммуникации выступает существенным профессиональным качеством врача, которое должно быть сформировано на этапе его подготовки в вузе.

С точки зрения аксиологического подхода учение студента (как форма освоения профессиональной деятельности) представляет собой не изолированную когнитивную функцию, а органическую часть его сознательной деятельности, являясь выражением его личности и, точнее, субъектности. В силу этого качество учения студента определяется не только тем, что он знает и умеет, но, в еще большей степени тем, в какой мере он желает овладеть учебным материалом, почему и для чего он включается в познавательную деятельность, чем вызваны его познавательные усилия, каковы его мотивы и смысловые установки. В учении, таким образом, реализуются личные планы и намерения студентов в соответствии с целями деятельности и субъективным отношением к ней (личностным смыслом). Ориентация процесса профессиональной подготовки на его смыслообразующую сущность меняет его логику - субъективный опыт, отношение (а значит, и смысл) сначала раскрывается, а затем «согласовывается» с нормативным содержанием обучения. То есть, речь идет не о формировании личности с заранее заданными параметрами, а о создании педагогических условий для проявления и развития ее возможностей.

Библиографический список

1. Кудрявая Н.В., Уколова Е.М., Молчанов А.С., Смирнова Н.Б., Зорин К.В. Врач-педагог в изменяющемся мире: традиции и новации / Под ред. акад. РАМН, проф. Ющука Н.Д. М.: ГОУ ВУНМЦ МЗ РФ, 2001. С. 192.
2. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.
3. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарика, 1998. С. 228.
4. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 114.
5. Франкл В.Э. Человек в поисках смысла. Сб.: Пер. с англ.и нем. / Общ. ред. Л.Я.Гозмана и Д.А.Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
6. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. С. 160.

Сведения об авторе

Маяковская Наталья Вадимовна
аспирантка кафедры педагогики
Шуйского государственного педагогического университета
E-mail: natalya_mayakovskaya@bk.ru

УДК 378.14

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В НЕГОСУДАРСТВЕННОМ ВУЗЕ

Е.Ю. Осьмакова

НОУ ВПО «Институт Содружества независимых государств», Москва

В статье обосновывается коммуникативная модель организации образовательного процесса в негосударственном вузе; описана ее структура и характеристика компонентов. Автор раскрывает специфику организационных основ деятельности негосударственного вуза, соотносит предмет моделирования с данными особенностями, рассматривает педагогические основания разработки коммуникативной модели.

Ключевые слова: образовательный процесс, организация, негосударственный вуз, коммуникативная модель.

The Communicative Model of Educational Process Organization in Private Universities Elena Osmakova

The article lays the foundation for the communicative model of educational process organization in private higher education institutions, describing its structure and key characteristics. The author outlines distinctive features of educational process management in private colleges and universities, correlating them with specific elements of the proposed model, and looks at the educational basis of the communicative model and its development.

Key words: educational process, organization, private university, communicative model.

Негосударственный вуз, сформировавшийся в конце XX в. как элемент системы отечественного высшего образования, призван реализовать традиционную для российского образования идею - осуществление образования личности в целостном культурно-развивающем пространстве учебного заведения, как указывается в Национальной доктрине образования в Российской Федерации [1], посредством создания «дружественных общественных сред», построения общности вокруг самоопределяющейся личности. Это предполагает обеспечение многообразных коммуникативных связей субъектов образовательного процесса и возможностей расширять саму «коммуникативную среду» вуза. Характерной чертой современного негосударственного вуза как образовательного

учреждения является стремление к обретению «своего лица», созданию особенной педагогической среды, максимально обеспечивающей реализацию и приращение личностного потенциала его субъектов [2], [3].

Упомянутые особенности связаны, в первую очередь, с высокой мобильностью негосударственного вуза в части хозяйственно-коммерческой деятельности, установления связей с работодателями на условиях социального и иного партнерства; с высокой активностью в вопросах модернизации и практической ориентации содержания образовательного процесса, в обеспечении индивидуализации обучения и соответствия его содержания потребностям личности.

Целью данной статьи является описание коммуникативной модели организации образовательного процесса, согласующейся с приоритетами деятельности негосударственного вуза.

Негосударственный сектор в системе современного отечественного образования характеризуется как конкурентоспособная, динамично развивающаяся образовательная система, способная чутко реагировать на происходящие в российском обществе перемены, затрагивающие сферу образования, откликаться на возникшие в обществе запросы, отражать мировоззренческие, этнические и прочие особенности личности. Поэтому логично предположить, что именно негосударственный сектор высшего образования более открыт всевозможным новым трактовкам проблемы человека в образовании и адекватен в решении задачи внедрения новых моделей организации образовательного процесса, отвечающих социально-культурным потребностям общества и личности.

Спецификой образовательного процесса и его организации в негосударственном вузе является то, что он ориентирован не только на заказ со стороны государства, но и на постоянно возрастающие запросы личности и общественный образовательный спрос на конкретные интересы - местных сообществ, корпораций и т.д. Ориентация на реальные запросы потребителей конкретных услуг создает основу для привлечения новых ресурсов, в первую очередь – человеческих, посредством формирования в вузе общественных

органов управления и активизации взаимодействия с внешней социальной средой.

Таким образом, функции педагогической коммуникации существенно расширяются, она приобретает ключевое значение для развития и вуза, и субъектов образования, переставая быть лишь средством организации учебно-информационного обмена в образовательном процессе и выходя на уровень социально-культурного взаимодействия. Учитывая современную тенденцию к стабилизации сферы негосударственного высшего образования, научный и практический интерес представляет разработка эффективных моделей организации образовательного процесса с целью повышения качества образовательной деятельности негосударственного вуза и реализации его положительного потенциала в решении задач социально-культурного развития студентов.

Принимая во внимание существенное значение коммуникации как основы взаимодействия в образовательном учреждении [4], и ее особое значение для организации деятельности негосударственного вуза, правомерно признать наиболее целесообразной для него коммуникативную модель организации образовательного процесса. При этом характеристика «коммуникативная» трактуется с точки зрения педагогики достаточно широко – как способность включения студентов в разнообразные варианты социального взаимодействия и обеспечения их поддержки и сопровождения в образовательном процессе с целью развития личностного потенциала и приобретения ключевых компетенций. Коммуникативность характеризуется также обеспечением обратных связей разного характера – рефлексивных (с «самим собой») и контрольно-оценочных (с преподавателем, группой).

В теории моделирования сложилось представление о модели как аналоге определенного фрагмента природной или социальной реальности, порождения человеческой культуры, концептуально-теоретического обоснования и т.п. [5]. Следовательно, с гносеологической точки зрения модель является «представителем», «заместителем» оригинала в познании и практике, позволяя вносить необходимые изменения в образовательный процесс в соответствии со спецификой вуза и потребностями его субъектов.

Педагогическое моделирование связано с развитием системных исследований. Методология педагогического моделирования основывается на идеях целостности, непротиворечивости, полноты и адекватности описания педагогических явлений. Важнейшей характеристикой педагогической модели выступает ее внешняя и внутренняя открытость. Внутренняя открытость подразумевает гибкое, оптимальное сочетание в процессе обучения и воспитания всех существующих педагогических систем, технологий, моделей, ни одна из которых не может претендовать на абсолютную завершенность. Необходимым условием открытости является «мирное» сосуществование в образовательном пространстве разных педагогических концепций [6], [7]. Внешняя открытость обеспечивается быстрым реагированием образовательной системы на меняющиеся социально-экономические и социокультурные условия, своевременным выполнением социального заказа общества и широким выходом в мировое информационное пространство.

Изучение положений педагогического моделирования, известных подходов и концепций, определяющих понимание сущности образовательного процесса в вузе и его целей, обосновывающих содержание, формы и методы его организации, позволило сделать вывод о невозможности построения коммуникативной модели организации образовательного процесса на базе единственного педагогического подхода. Продуктивную основу моделирования образовательного процесса составляют положения личностного, деятельностного, средового, компетентностного подходов в образовании. Поскольку важной особенностью внутренней взаимосвязи всех названных выше подходов является их комплиментарность, дополнительность по отношению друг к другу, постольку наибольшую эффективность они приобретают в интеграции.

Коммуникативная модель организации образовательного процесса определяется как сложная педагогическая система, описанная посредством раскрытия ее структурных компонентов, представленных целевой, содержательной, функциональной, организационной, оценочной подсистемами, разработанными автором статьи в соответствии с названными выше научными подходами в образовании, принятыми в качестве общепедагогических оснований.

Таким образом, коммуникативная модель организации образовательного процесса представляет собой совокупность взаимосвязанных подсистем.

Остановимся на их краткой характеристике.

Целевая подсистема - отражает цель образовательного процесса в рамках коммуникативной модели его организации. Такой интегральной целью выступает *личность* каждого субъекта образовательного процесса вуза. При определении данной цели учитывается тот факт, что всякая педагогическая модель не является самодостаточным объектом, а нуждается в некотором внешнем по отношению к ней обосновании. В связи с этим целевой компонент модели определяется следующими факторами:

- социальным «заказом» на высокое качество образования и личность, обладающую востребованными в современных условиях коммуникативными качествами, позволяющими ей осуществлять социальное взаимодействие;

- субъектно-личностными информационно-коммуникативными потребностями участников образовательного процесса.

Содержательная подсистема - реализует цель и включает такие компоненты, как мотивационно-ценностный, когнитивный, креативный, рефлексивно-деятельностный.

Функциональная подсистема - отражает функции модели (ценностно-смысловую, когнитивную, стимулирующую, ориентационную, идентификации и персонификации, адаптационную), реализующие ее содержание. Раскрывая названные функции, следует пояснить, что они соотносятся коммуникативными качествами личности и направлены, в значительной мере, на их развитие:

- ценностно-смысловая функция ориентирует педагогическую работу со студентами на создание положительной мотивации к общению; обеспечение условий для осуществления потребностей в признании и самоуважении; формирование ценностного базиса отношений и взаимодействия с миром, освоение ценностных ориентиров деятельности;

- когнитивная функция направлена на решение задачи формирования прочных знаний на основе развития когнитивных

процессов (памяти, мышления, внимания и т.д.); обеспечение информационной базы развития образовательного процесса и в нем – каждой личности;

- стимулирующая функция обеспечивает решение задачи поощрения позитивной личностной активности всех участников образовательного процесса; создание равных для всех студентов условий коммуникативной деятельности и самореализации;

- функция идентификации и персонификации направлена на создание условий социализации и осуществляется в виде социального обучения учащихся, способствующего усвоению социальных норм и правил общения и деятельности; персонификация обеспечивается условиями для индивидуальной (персональной) деятельности в соответствии с собственными (отдельными) особенностями (мышления, восприятия, эмоций и т.д.);

- ориентационная функция направлена на обеспечение непрерывности развития образовательного процесса в вузе и каждого участника данного процесса посредством выдвигания новых ориентиров развития, коррекции поставленных целей, выстраивания перспектив развития;

- адаптационная функция направлена на активизацию механизмов физической, психической, социальной адаптации студентов; способности не только приспособливаться, но и преобразовывать окружающую среду посредством собственной активной информационно-коммуникативной деятельности.

Организационно-методическая подсистема структурирована совокупностью форм и методов педагогической коммуникации в вузе, обеспечивающими условия для развития образовательного процесса и личностного потенциала студентов. Они представлены: проектными, информационными, социально-деятельностными формами, а также методами – информационно-репродуктивными, информационно-коммуникативными, проблемными, эвристическими, социально-педагогического проектирования.

Оценочная подсистема включает критерии эффективности реализации коммуникативной модели образовательного процесса в гимназии. Она носит многокритериальный характер и ориентирована:

- на оценку позиции личности как субъекта коммуникации;

- на оценку состояния образовательного процесса как педагогической системы.

Результат внедрения данной модели видится, в целом, в модернизации образовательного процесса, а в частности, в реализации и развитии личностного потенциала студентов в соответствии с социально-культурными и субъектно-личностными потребностями и запросами.

Основной замысел модели связан со стратегией системно-ориентированного подхода к развитию образовательного процесса, обосновывающими его эффективность и продуктивность в условиях осуществления многообразных связей с внешней средой. Соответственно этому эффективность организации образовательного процесса в негосударственном вузе обусловлена расширением его социально-культурных контактов, деятельностью в русле социального партнерства, развитием информационно-коммуникативной базы. В этих условиях происходит следующее: актуализация личностного и, прежде всего, коммуникативного потенциала студентов и преподавателей; активизация потребности в общении и расширение социального опыта всех участников образовательного процесса; осуществление многообразных межличностных и педагогических взаимодействий; эффективное использование информационных технологий, что, в целом, является базой для повышения качества обучения и воспитания.

В русле данной стратегии концептуальным центром создания коммуникативной модели организации образовательного процесса в вузе является проектирование его образовательной коммуникативной среды, обеспечивающей условия для развития учреждения в целом, а также - каждого его субъекта на основе реализации внутренних (психологических) и внешних (организационных) механизмов развивающего педагогического взаимодействия, построенной на принципах: а) открытости образовательной системы; б) социально-педагогической обусловленности образовательного процесса; в) личностно-развивающей направленности педагогической коммуникации. Сущность указанных принципов состоит в следующем:

- принцип социально-педагогической обусловленности образовательного процесса требует обеспечить всю полноту

социализирующих личность внешних контактов вуза, в которые включены студенты, преподаватели, представители общественности; при этом результаты взаимодействия должны быть полноценно представлены в конкретных, эмоционально насыщенных формах;

- принцип личностно-развивающей направленности требует создать условия для приращения коммуникативного потенциала личности и развития имеющихся коммуникативных качеств, обеспечивая при этом осуществление личностного потенциала в целом, в том числе – способностей, потребностей, всех возможностей студентов в разнообразной деятельности;

- принцип открытости образовательной системы вуза требует реализовать связи с окружающей средой посредством создания условий для осуществления ориентации социального общества на высокое качество образования, а также - системы педагогически целесообразных форм и методов работы со студентами по реализации содержания образования, адекватного современному уровню развития культуры.

Реализация коммуникативной модели организации образовательного процесса в негосударственном вузе ориентирована на решение следующих задач:

- расширение и обогащение социально-культурных контактов студентов и вуза в целом посредством включения в социальное партнерство разных уровней (на уровне города, России, мира);

- создание внутренней образовательной среды, характеризующейся свободой, психологической безопасностью, многообразием условий для личностного развития;

- создание благоприятных условий для социального и гражданского становления студентов посредством включения их в активную, многообразную социально-культурную и информационно-коммуникативную деятельность;

- обеспечение информационной поддержки внутривузовских, районных, городских, региональных проектов вуза;

- повышение качества образовательного взаимодействия посредством утверждения диалоговых форм и методов коммуникации.

Библиографический список

1. Национальная доктрина образования в Российской Федерации // *Официальные документы в образовании*. 2001. № 24. С. 3-13.
2. Добрянский И.А. Негосударственное образование как социокультурный феномен // *Высшее образование в России*. 2007. № 6. С. 83-85.
3. Зернов В.А. Негосударственный сектор: анализ, прогноз развития // *Высшее образование в России*. 2004. № 9. С. 52-58.
4. Ширшов В.Д. Педагогическая коммуникация. Теоретические основы: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Челябинск, 1995. 39 с.
5. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание / *Общ. ред. и послесл. И.Б. Новика и В.Н. Садовского*. М.: Прогресс, 1988. 507 с.
6. Волкова В.Н., Денисов А.А. Основы теории систем и системного анализа. СПб.: СПбГТУ, 1997. 510 с.
7. Дахин А.Н. Педагогическое моделирование как средство модернизации образования в открытом информационном сообществе // *Электронный ресурс Интернет*: <http://www.iuro.websib.ru/dak.htm>

Сведения об авторе

Осьмакова Елена Юрьевна
начальник учебного отдела
НОУ ВПО «Институт Содружества
независимых государств»
E-mail: len156@yandex.ru

УДК 37.017.93

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹

Л. А. Серикова
Т. И. Шукшина

*Мордовский государственный педагогический институт
имени М. Е. Евсевьева, Саранск*

В статье изложены результаты исследования современного состояния религиозного просвещения и духовно-нравственного воспитания в России. Представлен анализ проблемы формирования религиозно-нравственных представлений у школьников с позиции психолого-педагогического знания. Определены особенности духовно-нравственного воспитания и религиозного просвещения школьников.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, религиозное просвещение, религиозно-нравственные представления, школьник.

Spiritual and Moral Education and Religion Instruction in Modern Secondary Schools Larisa Serikova, Tatjana Shukshina

The article reviews contemporary studies of the current situation and practices in the area of religions instruction and spiritual and moral education in Russian secondary schools, analyzing psychological and educational aspects and insights of how students develop their religious and moral ideas, and outlining distinctive features of spiritual and moral education and religious instruction in secondary schools.

Key words: spiritual and moral education, religious instruction, religious and moral ideas, secondary school students.

Современный этап развития общества, наряду с прогрессом в промышленной и информационной сферах, характеризуется наличием признаков обостряющегося кризиса в нравственном и духовном развитии как социума в целом, так и каждого из его членов в отдельности. Осознание названной проблемы происходит на всех уровнях: от политического до межличностного. Особенно отчетливо видны попытки ее решения в современной системе образования.

¹ Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации за счет средств ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. по теме: «Методология, теория и практика проектирования гуманитарных технологий в образовании» (№ 02.740.11.0427).

Одной из ведущих тенденций развития современной системы образования стало осознание учеными-педагогами и учителями-практиками необходимости поиска путей и форм взаимодействия двух, на первый взгляд, противоречащих друг другу систем ценностей: светской и религиозной. Появление такого подхода стало возможным в связи с признанием наличия в каждой из названных структур общечеловеческих, нравственных основ, которые, независимо от формы выражения (светской или религиозной), могут стать базовым компонентом духовного роста человека, преодоления кризисных явлений в обществе.

Исследование вопросов влияния религии на результаты воспитания детей имеет в России глубокие исторические корни. Об особом характере воспитания русского человека говорили славянофилы, мыслители круга В.С. Соловьева, а позже русские религиозные философы в зарубежье. Анализируя труды религиозных философов, В. М. Кларин и В. М. Петров в работе «Идеалы и пути воспитания в творениях русских религиозных философов XIX-XX вв.» [1], выводят три интегральные константы: 1) традиционность, 2) духовность, 3) открытость системы российского образования.

Рассмотрение интегральных констант российской системы образования через призму современного этапа ее развития дает нам возможность говорить об определении основных из возможных путей осуществления процессов духовно-нравственного воспитания и религиозного просвещения школьников.

Известно, что основная работа по ознакомлению детей с религией или приобщению к ней (религиозное воспитание, религиозное обучение, духовно-нравственное воспитание и религиозное просвещение) ведется в следующих учреждениях: 1) воскресные школы, детские религиозные центры; 2) конфессионально ориентированные лицеи и гимназии; 3) государственные дошкольные образовательные учреждения, общеобразовательные школы, лицеи и гимназии.

Остановимся на рассмотрении особенностей работы в условиях каждого из названных учебно-воспитательных учреждений.

Воскресные школы представляют собой чисто церковную структуру, чаще всего функционирующую при конкретном храме. Название «воскресная школа» традиционно является условным,

поскольку обычно занятия проводятся один раз в неделю в любой удобный день, чаще в субботу. Воскресная школа призвана дать детям основные знания и навыки, необходимые верующему человеку для исполнения молитвенного правила дома, активного участия в церковных службах, искреннего исповедания веры, исполнения нравственных заповедей, то есть сформировать религиозный тип мировоззрения и мирозерцания. Таким образом, работа, ведущаяся в воскресных школах, традиционно и изначально предполагает осуществление процесса религиозного воспитания. Под религиозным воспитанием нами понимается сознательное привитие религиозного чувства, которое предполагает обязательное соблюдение обрядов и следование образу жизни, который определен учением данного вероисповедания. Через религиозное воспитание, протекающее в современных условиях, просматривается реализация некоторых характерных черт исторически сложившихся концепций, среди которых конфессионально-догматический, конфессионально-обрядовый и ортодоксальный подходы. На организацию рассматриваемого процесса значительное влияние оказали идеи И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, Н. А. Бердяева, В. В. Зеньковского, П. А. Флоренского, В. С. Соловьева и других.

Цель религиозного воспитания определяет структуру данного явления, которая представлена двумя уровнями: 1) рациональным и 2) мистическим. Рациональный уровень включает информационную, деятельностную и нравственную составляющие. При этом нравственный компонент воспитания трактуется с точки зрения религиозной концепции. Оно определяется как научение ребенка ставить выше своих желаний необходимость соблюдения моральных норм, законов, заповедей.

Вторым типом образовательных учреждений, на базе которых ведется работа по изучению и приобщению к религиозным традициям, являются конфессиональные гимназии и лицеи - это светские средние общеобразовательные учебные заведения, имеющие своей целью образование воспитанников в традициях культуры определенной религии. Учебные заведения такого типа подчиняются государственным органам управления образования. Они контролируются отделом религиозного образования и катехизации. Кроме общеобразовательных предметов в расписание этих учебных

заведений включены дисциплины духовно-нравственного содержания. И хотя учащиеся таких учебных заведений могут быть невоцерковленными (что оговорено в уставе), в стенах этой школы допустимо совершение религиозных обрядов. Учителями в конфессиональных гимназиях и лицеях чаще всего являются люди верующие, воцерковленные. Ученики набираются по результатам собеседования с родителями и детьми.

Исходя из особенностей работы конфессионально ориентированных учебных заведений, рассмотренных выше, можно констатировать наличие в деятельности данных учебных заведений иной разновидности процесса религиозного образования. Эта форма отличается от ранее рассмотренного религиозного воспитания преобладанием рационального компонента над мистическим. В соответствии с этой особенностью изменяется и цель педагогической деятельности, ею становится не воцерковление ребенка, а формирование определенных личностных качеств посредством приобщения к ценностям данной религии. Поскольку в деятельности конфессиональных учебных заведений преобладает систематизированное и программированное преподавание знаний по религии на уровне теории, освоение моральных истин, сопряженное с реализацией и апробацией знаний на практике (во время обрядов, милосердных деяний), то, на наш взгляд, данную форму работы следует именовать религиозным обучением.

Однако значительно больший интерес при рассмотрении типов работы по формированию религиозно-нравственных представлений у школьников для нас представляет деятельность, которая ведется в условиях государственных общеобразовательных учебных заведений, каковыми являются общеобразовательные школы, гимназии и лицеи. Именно вопрос о построении отношений церкви и общеобразовательной государственной школы является наиболее острым. Обобщая и систематизируя взгляды современных ученых на означенную проблему, Ибрагим А. И. Абед Халил [2] выделяет следующие линии – точки зрения на введение в школьную программу элементов обучения религии:

1) ортодоксальную (священнослужители) – введение обязательного предмета «Закон Божий» или «Ислам»;

2) плюралистическую (представители научной педагогики) - преподавание истории, культуры, философии религии для улучшения гуманитарной культуры школьников;

3) отрицание религии как воспитательного средства.

Анализ выделенных направлений показывает, что первая из обозначенных точек зрения предполагает введение в общеобразовательных государственных учебных заведениях религиозного воспитания или религиозного обучения; второе направление, названное автором плюралистическим, исходит из необходимости привлечь внимание к проблеме освоения гуманитарной культуры посредством углубления знаний о религиях, их влияния на историю страны, на различные виды искусства, осуществления духовно-нравственного воспитания детей; третья точка зрения предполагает введение атеистического воспитания, которое также характеризуется резким ограничением свободы выбора школьника.

Таким образом, первый из предложенных подходов нарушает Закон Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 16 сентября 1997 года [3], в котором юридически закреплено положение о том, что государственная система образования и воспитания носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии.

Преподавание вероучений, а также религиозное воспитание может осуществляться в негосударственных учебных и воспитательных учреждениях, частным образом на дому или в религиозных объединениях. «По просьбе родителей или лиц, их замещающих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующими органами местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность непосредственно обучать детей религии. Образование и воспитание детей осуществляется с учетом права детей на свободу совести и свободу вероисповедания» [3]. Это означает, что отсутствуют всякие юридические основания для реализации в условиях государственного учебного заведения атеистического воспитания и пропаганды, обязательность которых была отменена письмом Министерства образования в 1993 году. В соответствии с

законодательным актом в программу государственных учебных заведений может входить преподавание религиозно-познавательных, религиозно-философских дисциплин, не сопровождающееся совершением религиозных обрядов и имеющее информативный характер. Именно такую форму работы предполагает второе из рассматриваемых направлений развития взаимоотношений государственных учебно-воспитательных учреждений и конфессиональных организаций. Следовательно, только одна из представленных точек зрения имеет юридическое основание для существования и развития в современных условиях.

Рассмотрение иного аспекта выделенных стратегических направлений развития системы образования позволяет отметить сосредоточенность всех точек зрения на формировании такого компонента мировоззренческой сферы личности как знание. В таком случае теряет значимость цель, ради которой Министерством образования был заключен ряд договоров о взаимодействии с представителями традиционных религий. Этой целью изначально считалось возвращение российской системе образования одной из основных черт-констант (духовности) посредством развития духовно-нравственного образования и воспитания в условиях общеобразовательной государственной школы.

Постановкой данной цели была определена иная стратегическая линия. Ее развитие прослеживается через увеличение числа публикаций, в которых отражена ориентация на необходимость более внимательного изучения перспектив развития отечественного образования и безболезненного привнесения в его структуру компонента высокой духовности. Основной идеей данного концептуального подхода является понимание необходимости актуализации механизмов, которые не столько содействуют повышению информированности школьников в области религиозной культуры, сколько способствуют духовному воспитанию личности. На наш взгляд, именно такая позиция по отношению к проблеме построения системы взаимодействия школы и конфессиональных структур позволяет сориентировать школьников на ценности личностного самосовершенствования средствами религиозной культуры, воспитательный потенциал которой, в данном случае, будет полноценно реализован. Для реализации выше изложенных

целей и идей духовно-нравственного воспитания детей в условиях общеобразовательного учебного заведения не могут быть применены методы и средства ни одного из ранее описанных подходов – ни религиозного воспитания, ни религиозного обучения. Для оптимальной организации процесса духовно-нравственного воспитания при условии применения как светской, так и религиозной систем ценностей необходима иная форма работы с детьми, именуемая религиозным просвещением.

Религиозное просвещение, на наш взгляд, предполагает ознакомление детей с религией на уровне сознательных представлений и понятий (в структуре этого процесса полностью отсутствует мистический уровень), усвоение нравственного опыта, религиозно-нравственных ценностей общества на уровне рационального обобщенного познания. В этом случае основным компонентом процесса религиозно-нравственного просвещения становится формирование религиозно-нравственных представлений, которые приобретают роль базового элемента нравственной регуляции и построения системы личностной иерархии духовно-нравственных ценностей. Следует отметить, что просвещение реализует воспитательную функцию. Однако, при правильной организации данного процесса, его результатом становится не религиозное воспитание, предполагающее обязательное приобщение к определенной религии, а воспитание духовно-нравственное. В этом случае духовно-нравственное воспитание имеет целью формирование духовно свободной, образованной личности, готовой к самостоятельному мировоззренческому выбору в различных жизненных ситуациях. Таким образом в современной российской системе образования будет полноценно реализована интегральная константа – духовность.

Для достижения обозначенной цели целесообразно объединение усилий представителей различных религиозных конфессий и светских педагогов в деле подготовки необходимого воспитательного материала, разработки методики организации занятий по духовно-нравственному воспитанию и религиозному просвещению при строгом соблюдении прав и свобод каждого учащегося.

Показательно, что отношение к духовно-нравственному воспитанию с применением потенциала традиционных религий носит

противоречивый характер. С одной стороны, религия рассматривается как необходимый элемент культуры, с присутствием которого связывается духовное возрождение общества, формирование исторического и национального самосознания. С другой стороны, настороженность по отношению к религии сохраняется в системе образования и объясняется неготовностью и нежеланием педагогов проводить работу по религиозному просвещению и духовно-нравственному воспитанию детей. И это в условиях, когда на территории России продолжается рост числа религиозных организаций, конфессионально ориентированных партий, течений, церковно-общественных движений.

В сложившейся и описанной нами ситуации учащиеся оказываются между двумя информационными полями, в результате чего знания, полученные в школе, вступают в противоречие с информацией и представлениями, приобретенными через иные каналы. Это обстоятельство вновь возвращает особую актуальность идее системного подхода к процессу воспитания и управлению им. При этом немаловажную роль играет максимальный учет всех внешних и внутренних факторов, влияющих на становление личности. Если сравнивать факторы, влияющие на процесс социализации (образ жизни, средства массовой информации, группа сверстников, школьный коллектив, условия жизни) с точки зрения их изученности и управляемости педагогами, то четко прослеживается минимальный уровень освоенности процесса установления связей с внешкольной средой формирования личности. Поэтому одной из задач изменения структуры современной школы должно стать стремление к большей степени открытости и установлению делового сотрудничества с институтами процесса социализации личности. Таким образом, открытость системы образования должна стать признаком ее взаимодействия с социальной средой, коррекции негативных влияний последней на духовную и нравственную сферы личности ребенка. При этом открытость системы образования не должна означать предоставления возможности представителям культов, сект, конфессий, религиозных течений вероломно проникнуть в систему образования и воспитания в корыстных целях.

Это особенно важно в условиях, когда образовавшийся духовно-нравственный вакуум заполняется не только ценностями развитых

«цивилизованных» религий, но и различными мистическими и оккультными представлениями. Результатом такой формы религиозности становятся патологические формы самоуничтожения, добровольная зависимость от религиозного вождя, слепое подчинение «избранным». Отдаление человека от окружающего мира и образование столь сильно действующих доминант возможно потому, что религиозные мистические представления, благодаря непосредственной связи с чувствами, являются сильными раздражителями. В дополнение к этому совершается специальное религиозное воздействие, состоящее из трех принципиально важных моментов:

«1) членение содержания религиозного обучения на четкие «фразы-истины», с целью их столь же четкого восприятия; 2) преподавание с помощью наводящих вопросов, которые мягко вынуждают ребенка к определенному типу религиозного резонанса; 3) религии юности, которые имеют целью избавление от рациональной ответственности человека за самого себя на основе дисциплины и покорности» [4]. Все названные действия способствуют некритическому восприятию «священных истин».

В противовес описанному влиянию секты или культа на процесс формирования, а точнее, разрушения личности, процессы свободного религиозно-нравственного просвещения и духовно-нравственного воспитания призваны создать условия, в которых ребенок сможет полноценно реализовать свое право на выбор между верой и неверием, формированием собственной религии или присоединением к одной из уже существующих разновидностей. Одним из таких условий является достаточный уровень информированности об истории религиозных учений, их содержании, формах существования, собственных правах в этой сфере.

Таким образом, эффективное религиозно-нравственное просвещение осуществимо лишь в случае выраженности в программе отношения взаимной терпимости между верующими и неверующими, последователями различных конфессий. Работа должна основываться на принципе свободы совести, согласно которому отношение к какой-либо религии является исключительно личным делом каждого, и секулярном принципе, предписывающем светский, нейтральный по отношению к любой религии и религиозной организации характер

деятельности государства и его учреждений, который способствовал бы укоренению сотрудничества конфессий во имя реальной гуманизации мира и человека. Из сказанного следует, что только веротерпимость в ее гуманистическом понимании может быть идейной основой религиозного просвещения и духовно-нравственного воспитания в условиях многонационального и поликонфессионального общества. При этом в основе процесса, наряду с духовностью и открытостью, должна лежать традиционность российской системы образования. Только традиции совместного проживания на территории России разных народов, традиции позитивного взаимодействия культур и конфессий способны стать базой новой методологии духовно-нравственного воспитания и религиозного просвещения подрастающего поколения современной России.

Процессы формирования системы религиозно-нравственных представлений, религиозоведческих знаний и духовной сферы личности школьников в целом на современном этапе развития российской системы образования могут быть реализованы через различные формы взаимодействия светской и религиозной систем ценностей. И наиболее приемлемой формой организации этого рода деятельности для общеобразовательных учреждений являются религиозное просвещение и духовно-нравственное воспитание, которые в современной школе принимают на себя задачу формирования у детей религиозного иммунитета и возведения школьников на более высокий уровень духовного развития.

Библиографический список

1. Кларин В.М., Петров В.М. Идеалы и пути воспитания в творениях русских религиозных философов XIX-XX вв. М.: РГНФ, 1996. С. 37.
2. Абед Халил Ибрагим А.И. Использование нравственного потенциала ислама в воспитании учащихся подросткового возраста: Дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1996. С. 18.
3. Федеральный закон о свободе совести и о религиозных организациях // Российская газета. 1997. 16 сентября. С.5.
4. Озер Ф. Сколько религии нужно человеку? Воспитание и развитие религиозной автономии. М., 1995. С. 25.

Сведения об авторах

Серикова Лариса Александровна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики
дошкольного и начального образования
МГПИ им. М.Е. Евсевьева
E-mail: Larisaserikova1@yandex.ru

Шукшина Татьяна Ивановна
доктор педагогических наук, профессор,
зав.кафедрой педагогики
МГПИ им. М.Е. Евсевьева
E-mail: Tshukshina@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 1(091)(430)

ТЕОРИЯ ПОНИМАНИЯ В РАБОТАХ НЕМЕЦКИХ ФИЛОСОФОВ XIX-XX вв.

М.Б. Ротанова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье предпринята попытка осмысления влияния немецкой философской мысли в ракурсе герменевтической традиции на появление коммуникативной проблематики в философии начала XX века. Философская мысль до XX века констатировала проблему понимания как необходимого фактора познавательной деятельности человека, как фактора его бытия, что впоследствии дало возможность поставить исследование проблемы понимания в контекст новой коммуникативной ситуации, новых цивилизационных условий человеческого бытия.

Ключевые слова: теория понимания, герменевтическая традиция, философия жизни, феноменологическая герменевтика.

The Theory of Comprehension in the Works of German philosophers of the XIX-XX centuries

Mira Rotanova

The article examines the influence of German philosophy and the hermeneutic tradition on the emergence of the communicative agenda in early XX century philosophy. It appears that, before the XX century, philosophy stated the problem of comprehension as an essential factor of a person's cognitive activity and a factor in his individual being, which eventually allowed philosophers to investigate the comprehension problem in the context of the new communicative situation and new civilizational conditions of people's existence.

Key words: the theory of comprehension, hermeneutic tradition, philosophy of life, phenomenological hermeneutics.

Проблема понимания давно привлекала умы мыслителей различных эпох, но собственно ее теоретико-познавательные истоки сложились и были отчетливо сформулированы в конце XVIII - начале XIX вв. на пересечении философских концепций немецкого романтизма и абсолютного рационализма - осмысление

художественного творчества через призму понимания основных идей автора и мира его переживаний.

Важное методологическое значение в развитии теории понимания природы исследуемого феномена занимает точка зрения Ф. Шлейермахера, так как именно он в своих работах переориентировал герменевтические исследования с разработки правил истолкования конкретных текстов на исследование общих принципов их понимания.

По Шлейермахеру, всякое понимание состоит из двух моментов: понимание речи как факта языка и понимание речи как факта мышления в процессе диалога [1]. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что для Шлейермахера понимание неразрывно связано с общением. В содержательном аспекте понимание означает раскрытие целостности, а в функциональном отношении - понимание представляется как действие. Анализ действий, по автору, позволяет понять другого человека только по внешним их проявлениям, внутренний же мир личности остается скрытым, недоступным, поскольку каждый человек имеет право на свое личное отношение к высказываемому мнению другого, что и определяет степень его понимания говорящего.

Попытка решить проблему понимания «Другого» в процессе общения выявила культурно-коммуникативный характер рассматриваемого феномена, его диалогическую сущность. Именно диалогу – речевому общению как универсальному средству понимания – Шлейермахер уделял особое внимание, так как непосредственное присутствие говорящего, живое высказывание, которое свидетельствует об участии в диалоге всей духовной жизни его, способствует активному пониманию. В оценке роли диалога как важнейшего условия понимания Шлейермахер ссылаясь на Сократа – основоположника этого метода. Рассматривая диалог не просто как беседу, а как обмен информацией в широком контексте, Шлейермахер выявляет активное отношение собеседника к собеседнику. Обмен мнениями в диалогическом взаимодействии, который приводил к совместному поиску истины, вытекал из природы человеческого общения. Процесс совместного поиска истины идет параллельно с процессом достижения взаимопонимания.

Таким образом, придав категориальный статус пониманию: предметно-содержательный (факт языка) и индивидуально-личностный (факт мышления), Ф.Шлейермахер акцентировал внимание на принципиальной незавершенности процесса понимания, причем каждое понятие, фиксирующее некую реальность, постоянно видоизменяется и может быть понято лишь в развитии и становлении.

В исследованиях по истории проблемы понимания отмечается, что к середине XIX века в философии сложился основной подход к раскрытию сущности рассматриваемого феномена: сведение процесса понимания к постижению индивидуального, личностного бытия. К представителям данного подхода можно отнести воззрения представителей «философии жизни» (В. Дильтей, Г. Зиммель). Сторонники этого направления были склонны рассматривать понимание как непосредственное интуитивное постижение культурных ценностей. Поэтому всякое понимание, например, для Дильтея, это процедура «вчувствования», «перевоплощения», «вживания», «перенесения-себя-на-место-другого» [2] в объект познания.

Герменевтический подход к сущности понимания у Дильтея связывается с проникновением в определяемый культурно-историческим контекстом духовный мир автора текста, в контексте когнитивной и предметно-практической деятельности человека по непосредственному постижению конкретной ситуации и духовной целостности жизни. Необходимо отметить, что В.Дильтей рассматривает место и роль данного явления в системе коммуникативного взаимодействия, в которой альтернатива «согласие - несогласие» выступает в неразрывном единстве с ситуацией «понимаю - не понимаю». Что касается Г.Зиммеля, то процесс понимания, по его утверждению, является индивидуальным и связан с «содержанием бытия». «Поскольку мотив - индивидуальное бытие определяет познание внешней реальности - находит подобие и опору в другом мотиве - внешняя реальность определяет самопознание индивида» [3].

Герменевтическая традиция позволяет рассматривать проблему понимания с позиции историко-культурного подхода, где понимание рассматривается как универсальная психологическая способность, как способ бытия человека в мире (М.Хайдеггер, Х.-Г.Гадамер). В этом

смысле понимание содержательно представлено в более широком плане, чем познание или индивидуальное мышление. Понимание, согласно данному подходу, - это особый, сугубо человеческий способ существования, в котором субъект реализует себя как духовное и личностное начало.

Особое место в укреплении герменевтической традиции принадлежит одному из основоположников немецкого экзистенциализма М.Хайдеггеру, который считал, что понимание представляет собой функциональный способ бытия человека. Понять значимые характеристики человеческого существования становится возможным, по Хайдеггеру, лишь на пути их герменевтического толкования, а не научного познания [4]. Поэтому его философия получила название «феноменологическая герменевтика Dasein», где Dasein - человеческое существование, жизнь, «здесь - бытие» как присутствие. Утверждение Хайдеггера о саморазвивающейся природе феномена понимания приобрело особую значимость для дальнейшего развития теории понимания как в рамках герменевтической, так и в рамках логико-гносеологической традиции.

Необходимо отметить, что основной заслугой М.Хайдеггера является совершенный им онтологический поворот в рассмотрении феномена понимания. Понимание из метода познания превращается в специфически человеческое отношение к окружающей действительности.

Заслуженное место в изучении исследуемой проблемы занимает концепция Г.Гадамера. В философской герменевтике Г. Гадамера получило дальнейшее развитие хайдеггеровское учение об онтологическом характере процесса понимания. Для Г.Гадамера эта проблема связывается с реабилитацией традиций: понимание принадлежит традиции, причастно ей, и в этой причастности состоит главное условие его осуществления. «Само понимание следует мыслить не как действие субъективности, но как включение в свершение предания, в котором происходит непрерывное опосредование прошлого и настоящего» [5].

Особую значимость для развития теории понимания приобретает тот факт, что Г. Гадамер выходит за рамки прежней герменевтической установки на преодоление чуждости между «Я» и «Ты» в решении проблемы понимания, расценивая «свое» и «чужое»

как разное в качестве необходимого условия, при котором только и становится возможным понимание. По Г. Гадамеру, познающий субъект находится в ситуации определенной языковой традиции, которая является предметом понимания и одновременно составляет его основу. Таким образом, по Гадамеру, познающий субъект должен понять то, внутри чего он с самого начала существует. Вследствие этого Гадамер определяет линию понимания: «предпонимание» - «традиции» - «предрассудок» - «горизонт понимания».

Г. Гадамер вносит в герменевтическую традицию идею диалога, в котором происходит встреча «понимающих» сознаний. В диалоге общность смысла не сводится к выражению «твоего» и «моего» мнения, а мыслится как взаимопонимание. «Цель любого понимания - достичь согласия по существу; ради этого мы общаемся друг с другом и договариваемся между собой» [6].

В контексте современной коммуникативной ситуации гадамеровская идея диалогичности понимания, где происходит встреча «понимающих» сознаний, где решение проблемы понимания видится в преодолении чуждости между «Я» и «Ты» и не соотносится с выражением «твоего» и «моего» мнения, а мыслится как взаимопонимание, приобретает, на наш взгляд, в большей степени черты культуры понимания и становится особо актуальной [7].

Таким образом, герменевтическая традиция позволяет раскрыть проблему понимания с позиции историко-культурного подхода, согласно которой понимание рассматривается как универсальная психологическая способность, как способ бытия человека в мире (М.Хайдеггер, Х.-Г.Гадамер). В этом смысле понимание содержательно представлено в более широком плане, чем познание или индивидуальное мышление. Смысл бытия человека - в понимании, так как понимание необходимо человеку для того, чтобы познать самого себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире. Понимание представляет собой особый, сугубо человеческий способ существования, в котором субъект реализует себя как духовное и личностное начало.

Следующий виток развития теории понимания происходит в середине XXв. и связан с именем Ю.Хабермаса, разработавшего теорию коммуникативного действия и коммуникативной рациональности (концепция дискурса). Под дискурсом понимается

вид сложного коммуникативного явления, включающего, кроме текста (связанная последовательность предложений или речевых актов), еще и экстралингвистические факторы (знание о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста.

В своих работах Ю.Хабермас отмечает, что общество «учится» не в сфере инструментального и стратегического разума, а в сфере коммуникативного, ориентированного на взаимопонимание как механизм координации действия, где действуют определенные правила интеракции, которые на интересубъективном речевом уровне признаются в качестве норм. Хабермас указывает, что все использованные в социально-научных теориях понятия действия можно свести к четырем основным: 1) теологическое действие (инструментальное) относительно отдельно взятого индивида; 2) стратегическое действие относительно членов какой-либо социальной группы, которые ориентируют свои действия в зависимости от общих ценностей и взаимопонимания в группе; 3) драматическое действие относительно участников интеракции, образующие друг для друга публику; 4) коммуникативное действие, сущность которого сводится к интеракции по меньшей мере двух владеющих речью, способных к действию индивидов, вступающих «(с помощью вербальных и экстравербальных средств) в межличностное отношение» и стремящихся «достичь понимания относительно ситуации действия с тем, чтобы согласно координировать планы действия и сами действия» [8].

В труде «Теория коммуникативного действия» Хабермас предлагает свою классификацию действия. При этом автор выделяет коммуникативные, ориентированные на взаимопонимание, и формальные действия, ориентированные на результат. Кроме этих двух фундаментальных различий, обусловленных ориентацией, Хабермас указывает, что действия различаются между собой используемыми в них типом и образцом знания и формами аргументации, что оказывает существенное влияние на глубину и характер взаимопонимания.

Понятие «коммуникативное действие», ориентированное на *взаимопонимание*, рассматривается Хабермасом как интеракционное взаимодействие в повседневной практике, благодаря которому

воспроизводятся культура и личностные качества человека. Связь культуры, общества и личности Хабермас проводит через понимание. Культура, согласно Хабермасу, - «запас знания, из которого участники интеракции стремятся достичь понимания относительно чего-либо в мире». Обществом Хабермас называет «легитимные порядки, через которые участники коммуникации устанавливают свою принадлежность к социальным группам и тем самым обеспечивают солидарность». Что же касается личности, то автор понимает ее как «компетенции, делающие субъекта способным к владению речью и действию, т.е. позволяющие ему принимать участие в *достижении понимания* и тем самым позволяющие ему утверждать свою идентичность» [9. С.208].

Все теоретические рассуждения Хабермаса о коммуникативном действии, повседневной коммуникативной практике пронизаны фактом безусловного присутствия и ориентации на процессы взаимопонимания и понимания, которые воспринимаются как основополагающие моменты «жизненного мира», как механизм координации действия. На базе теории коммуникативного действия и коммуникативной рациональности осуществляется попытка обосновать более широкий подход к изучению социально значимой коммуникации.

Таким образом, обращение к истокам теории понимания в историко-философском плане позволяет, на наш взгляд, обозначить исследуемую проблему в контексте историко-культурной реальности XX века, ее актуальность и специфические особенности. Немецкая философская мысль констатировала проблему понимания как необходимого фактора познавательной деятельности человека, как фактора его бытия. Появление коммуникативной проблематики в философии начала XX века поставило исследование проблемы понимания в контекст новой коммуникативной ситуации, новых цивилизационных условий человеческого бытия.

Библиографический список

1. Шлейермахер Ф. Герменевтика. Пер. с нем. СПб.: Европейский дом, 2004. С.76.
2. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. №4. С.145-147.

3. Зиммель Г. Избранное. Т.1. Философия культуры. М.,1996. С.194.
4. См.: Хайдеггер М. О сущности истины // Философские науки. 1989. №4; Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1986. №9.
5. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. С.345.
6. Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С.75.
7. Ротанова М.Б. Культура понимания как фактор стабилизации современной коммуникативной ситуации: Дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2000. 193с.
8. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 3., durchges. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. Bd.1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. S.128.

Сведения об авторе

Ротанова Мира Борисовна
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, социологии
и теории социальной коммуникации
НГЛУ им.Н.А.Добролюбова
E-mail: miraborisovna@gmail.com

УДК 1(091)(470):2

МЕСТО РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В ИСТОРИОСОФСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО И Л.Н. ГУМИЛЕВА

П.П. Шитихин

*Нижегородский государственный педагогический университет,
Нижний Новгород*

В статье рассматриваются оценки «неославянофилом» Н.Я. Данилевским и «неоевразийцем» Л.Н. Гумилевым роли религиозного фактора в развитии и взаимодействии цивилизаций. Оба российских мыслителя отмечают взаимное влияние характеров народов и их верований: не только вера преобразует этнос, но и люди зачастую переосмысливают религиозные установки исходя из собственных преобладающих духовных интересов.

Ключевые слова: цивилизация, религия, Россия, Европа, католичество, православие.

The Role of the Religious Factor in the Historiosophic Models of N.Ya. Danilevsky and L.N. Gumilev Pavel Shitihin

The article describes how the neo-Slavophile N.Ya. Danilevsky and the neo-Eurasian L.N. Gumilev evaluated the role of the religious factor in the development and interaction of civilizations. Both Russian thinkers marked the mutual influence of the peoples' character and beliefs: along with religious faith transforming the ethnos, people often rethink their religious foundations based on their own prevailing spiritual interests.

Key words: civilization, religion, Russia, Europe, Catholicism, Orthodox Christianity.

Каждая цивилизация имеет в своей основе определенный набор ценностей, выстраивающих образ ее существования в мире, ее поведение. Одним из основных способов самоидентификации как каждого человека, так и целого социума является соотнесение себя с тем или иным типом религиозности. Религиозная вера, безусловно, накладывает сильный отпечаток на людей, ее исповедующих, но при этом нельзя не заметить, что одна и та же религиозная установка может значительно преломляться в сознании и восприятии индивидов и обществ. В православной России и католическо-протестантской Европе существовали различные, порой прямо противоположные ментальные доминанты, несмотря на то, что в этих обществах высшей ценностью провозглашалось одно и то же Евангелие. Встает вопрос:

определяет ли религиозная вера народный характер или сама трансформируется под его воздействием?

В настоящей статье мы рассмотрим взгляды на данную проблему Н.Я. Данилевского (1822-1885) и Л.Н. Гумилева (1912-1992), внесших значимый и ценный вклад в развитие русской историософии. Данилевского обычно характеризуют как продолжателя славянофильской традиции или ее преобразователя – неославянофила. Усилиями же Л.Н. Гумилева в начале 90-х гг. XX в. произошла реанимация евразийства. Н.Я. Данилевского, стоявшего у истоков оригинального учения о культурно-исторических типах как основных действующих единицах мировой истории, часто считают предшественником теории этногенеза Л.Н. Гумилева (через К.Н. Леонтьева и евразийцев). Двух наших мыслителей многое объединяло: оба выходили в сферу историософии из естественных наук, оба были сознательными православными христианами, оба отстаивали принцип самоценности цивилизаций (культурно-исторических типов, суперэтносов).

Академик К.Н. Бестужев-Рюмин в 1889г. отмечал, что Н.Я. Данилевский, внося в историческую науку метод и объективность естествознания, в то же время «далеко не чужд богословских вопросов, которые кажутся людям поверхностным столь далекими от действительности и, пожалуй, уже совершенно отжившими. Не такими они казались Данилевскому: он клал их в основу своей теории...» [1. С. 435] При исследовании общественных структур и взаимосвязей во главу угла русский мыслитель ставил религиозную деятельность, в процессе которой формируется «понятие человека о судьбах своих как нравственного неделимого в отношении к общим судьбам человечества и Вселенной». Религия составляет «живую основу всей нравственной деятельности» [7. С. 566] и во многом определяет развитие и особенности того или иного культурно-исторического типа. Л.Н. Гумилев также считает, что в результате реализации вырабатываемой религиозной верой системы норм и ценностей у каждого этноса формируется свой стереотип поведения, отличающийся от стереотипов поведения, присущих другим этносам.

Оба мыслителя постоянно указывали на отрицательную комплиментарность, изначально сложившуюся между католической (а затем и протестантской) Западной Европой и православной

Россией, и стремились развенчать европоцентристские теории, базировавшиеся на идее культурного, политического и экономического превосходства европейцев над остальными народами. Данилевский отмечал, что отрицание Западом России основано не только на этнографических особенностях и особенностях исторического воспитания, но и на разном воплощении в культуре и историческом творчестве идеалов христианства. Католицизм появился, по Данилевскому, вследствие насильственности германо-романского культурно-исторического типа: свойства нетерпимости и насильственности западное христианство не могло ниоткуда заимствовать, кроме как из характера народов, его исповедующих [7. С. 217]. Насильственность, ставшая определяющей чертой в истории Запада, считает Данилевский, «есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей... необходимо должен ему уступить... как неравноправный ему» [7. С. 217].

Данилевский приводит многочисленные примеры проявления этой насильственности в истории германо-романских народов: распространение христианства огнем и мечом, массовые казни еретиков, жестокую колониальную политику, в ходе которой уничтожались целые племена и народы. «Все это мы видим совершаемым... не как сознательно-лицемерное или бессознательно-грубое отступление от христианского идеала, - а как нечто якобы логически вытекающее из этого идеала, и притом, и это главное, совершаемое и проповедываемое теми, кто считал себя поставленным хранить Святую Святых и непогрешимо истолковывать ее истины и тайны, то есть самую римско-католическую церковь» [6. С. 642].

Л.Н. Гумилев отмечал, что хотя официальной датой раскола единого христианства был 1054 г., вражду православных и католиков следует искать в сфере не теологии, а этнопсихологии. Вероучительные установки не играют первой роли в становлении своеобразия этносов, поскольку простые верующие в них до конца не разбираются. Основное вероучительное различие православия и католичества – католический догмат о *filioque* (исхождение Духа Святого «и от Сына»), - считает Гумилев, вряд ли тревожило широкие круги верующих. «Церковь, как чуткий барометр, среагировала на

процесс этнического и суперэтнического расхождения Запада и Востока, но население там и тут... с присущей обывателям инертностью мышления долгое время не могло понять, что единое христианство перестало существовать» [2. С. 86-87]. Подлинную остроту и трагизм отношения православных и католиков приобретают после полного осознания и Востоком, и Западом всей совокупности не только идейных, но и политических и социально-экономических различий. Византийский суперэтнос к XII в. уже переживает свою «золотую осень», существуя лишь за счет ранее накопленных традиций и приобретений. Былой пассионарности в нем нет, и этим пользуются европейцы: в 1204 г. рыцари католической Европы вместо того, чтобы освободить от мусульман Иерусалим, разгромили Константинополь. Спустя почти сорок лет шведы и немцы то же самое попытались проделать с Северо-западной Русью. Оба этих события – 1204 и 1242 годов – оставили глубокий след в коллективной памяти целых наций.

Приводя эти примеры наши мыслители показывают, что общая религия не обязательно скрепляет. Романо-германская католическая Европа в XIII в. считала православные страны – Византию, Болгарию и Россию – противником ничуть не меньшим, а может и большим, чем мусульман и язычников. «Чтобы оправдать четвертый крестовый поход, - пишет Л.Н. Гумилев, - говорили даже, что православные такие еретики, что от них самого Бога тошнит. Значит, они воевали не за веру, а вследствие отрицательной комплиментарности двух суперэтнических систем» [4. С. 24]. Хотя и тут, и там вера была христианская, но суперэтносы – разные.

Византийцы хорошо знали насильственный характер германо-романского типа, не ограничивавшегося простым подчинением других народов, а старавшегося искоренить у последних чувство национального самосознания. Поэтому, как считает Данилевский, «дряхлая Византия... предпочла политическую смерть и все ужасы варварского нашествия измене веры, ценою которой предлагалось спасение» [5. С. 672]. Русский мыслитель отметил «ту бессознательную услугу», которую магометанство «оказало православию и славянству, оградив первое от напора латинства, спасши второе от поглощения его романо-германством в то время, когда прямые и естественные защитники их лежали на одре

дрялости или в пеленках детства» [7. С. 380]. Те же причины, что побудили русскую церковь оценить подвиг св. Александра Невского, побудили и константинопольского патриарха Анфимия в начале греческого восстания сказать: «Провидение избрало владычество Османов для замещения поколебавшейся в православии Византийской империи... как защиту против западной ереси» [7. С. 380]. «Представим себе, - продолжает рассуждать Н. Данилевский, - что Иерусалим и все святые места присоединены усилиями крестоносцев к духовным владениям пап... Что случилось бы с православием? Славяне Балканского полуострова не подверглись бы той же участи, которая сделалась уделом славян, подпавших под владычество Германии? Уния, постигшая русский народ под владычеством Польши... не составляет ли указания на участь, предстоящую православным народам, если бы османская гроза не заставила Европу трепетать за собственную судьбу?» [7. С. 381] Данилевский уверен, что «Запад никогда из-за горделивого пренебрежения к Востоку не решится признать, что Божественная истина столько лет охранялась отсталым и презренным Востоком» [5. С. 671].

Как Данилевский, так и Гумилев указывали на то, что отличия католицизма от православия находятся, прежде всего, в сфере экклесиологии. В западном христианстве восторжествовал принцип главенства римского первосвященника, причем не только в сфере религиозной, но и в чисто гражданском, светском отношении. Светские государи в средневековом Риме считались вассалами пап, усваивавших себе тогда право не только короновать императоров и королей, но и лишать их престолов. От пап во многом зависело, каково будет законодательство в католических странах. Тем самым руководители духовной жизни европейских народов сами явились носителями насильственного настроения. «Причина догматической разницы между Церквами западную и восточную, - пишет Данилевский, - не имеет иного источника, кроме невежества, господствовавшего на Западе в первые века средней истории, и той насильственности характера, которая составляет основу всякого деспотизма, - насильственности, считающей, что личное частное мнение достаточно освящается и утверждается тем, что оно есть наше мнение» [7. С. 219]. Л.Н. Гумилев указывает еще на одну причину

выработки насильственного характера католицизма – акцент на разуме как главном инструменте познания. Согласовать собственное мнение с мнением соседей, да еще и при постоянном притоке новой информации, возможно было только посредством участия в постоянных войнах [3. С. 295-296].

Церковный деспотизм «в соединении с деспотизмом феодальным, коренившимся в насильственности германского характера, и с деспотизмом схоластики» привели к тому, что история Европы стала проникнута постоянной борьбой: религиозной (протестантизм), антирелигиозной (материализм) и социально-политической (борьба партий и классов) [7. С. 575]. После того, как религиозные вопросы отодвинулись в Европе на задний план, насильственность нашла себе применение в экономических интересах: алчность европейских купцов была причиной уничтожения и обращения в рабство целых народов. С началом политической свободы в Европе ведутся войны «ради братства», происходят массовые казни. Русский человек от таких фактов западной истории «ошалевает, становится в тупик»: «до такой степени кажется ему это диким, непонятным, невысказанным, не вмещающимся в его сердце и ум, точно как если бы дело шло о происходящем на другой планете, а не у нас на земле» [6. С. 643-644].

Таким образом, и Данилевский, и Гумилев уверены, что враждебность Европы к России и всему славянскому миру основывается на несовместимости двух культурно-исторических типов (суперэтносов – по терминологии Гумилева) из-за их сущностных и возрастных различий. Славянский культурно-исторический тип моложе европейского на четыреста лет. Россия «не питалась ни одним из тех корней, которыми всасывала Европа как благотворные, так и вредоносные соки непосредственно из почвы ею же разрушенного древнего мира, - не питалась и теми корнями, которые черпали пищу из глубины германского духа» [7. С. 75]. Поэтому «ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяют России считаться Европой» [7. С. 76].

Оба рассматриваемых нами русских мыслителя на первый план выводят культурно-исторические, этнические, а не конфессиональные различия. Православной идее в их историософских построениях отводится важное место, однако она не является единственной

доминантой. Религиозное исповедание – весьма ненадежный индикатор для определения важнейших характеристик этносов, особенностей их взаимоотношений. Ментальности, воспитывающейся с детства, в первую очередь присуща этническая, а не теологическая ориентированность, и это позволяет понять почему люди одного и того же вероисповедания порой безжалостно уничтожают друг друга.

И, тем не менее, значение православия в процессе этнической интеграции России, по утверждениям наших мыслителей, трудно переоценить. Сохранив целостность российского этноса, оно способствовало превращению его в суперэтнос, присоединив к нему «огромное количество инородцев» и иноверцев. Христианская идея актуализировалась в славянской культуре, наполнила ее новым содержанием в том своем аспекте и в тех границах, которые были обозначены славянской ментальностью.

Библиографический список

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Н.Я. Данилевский. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та; Изд-во «Глаголь», 1995. 552 с.
2. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М.: «Товарищество Клышников, Комаров и К^о», 1992. 320 с.
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М.: Астрель, АСТ, 2004. 656 с.
4. Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М.: Экопрос, 1993. 544 с.
5. Данилевский Н.Я. Г. Владимир Соловьев о православии и католицизме // Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 670-715.
6. Данилевский Н.Я. Происхождение нашего нигилизма. По поводу статьи «Этюды господствующего мировоззрения» // Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 625-670.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.

Сведения об авторе

Шитихин Павел Павлович
аспирант кафедры философии
Нижегородского государственного
педагогического университета
E-mail: shimot@rambler.ru

ХРОНИКА

Вторая Международная научно-практическая конференция «Религии России: проблемы социального служения»

С 6 по 9 октября 2010 г. в НГЛУ им. Н.А.Добролюбова проходила международная научно-практическая конференция «Религии России: проблемы социального служения». Организаторами конференции выступили: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижегородское религиозное общество, Нижегородское региональное отделение Российского объединения исследователей религии, Нижегородское отделение Российского общества социологов. В работе конференции приняли участие ведущие ученые-религиоведы Москвы, Киева, Могилёва, Тулы, Владивостока, Тюмени, Омска, Костромы, Владимира, Шуи и других городов, аспиранты, студенты нижегородских вузов, представители прессы, государственные служащие, представители конфессий, осуществляющих социальное служение на территории Нижегородской области.

Проведение данной конференции явилось результатом серьёзного интереса академического сообщества, органов государственной власти и религиозных организаций к сохранению и укреплению межконфессионального мира и взаимодействия в разных регионах России, как моно-, так и полиэтнических. Непротиворечивой областью взаимодействия является социальное служение всех зарегистрированных в законном порядке на территории Российской Федерации религиозных организаций, как крупных, так и малых.

Научная цель конференции заключалась в изучении положительного опыта государственно-конфессиональных отношений применительно к социальным теориям и практикам религиозных организаций, в изучении межрелигиозного взаимодействия на примере Нижегородского региона, апробированных моделей социального служения религий, соотношения методов и форм работы с молодёжью, светского и

религиозного образования как интенсивно развивающегося аспекта социального служения. В плане общественного развития цели государства, религиозных организаций, учёных совпадают, ибо заключаются в максимальном содействии процветанию нашей страны и её граждан. Поэтому социальное служение выступает одной из интеграционных составляющих современного российского общества, находящегося в процессе поиска модели дальнейшего цивилизационного развития.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась проректор по научно-исследовательской работе НГЛУ им. Н.А.Добролюбова д.филол.н., профессор Е.С. Гриценко. Она отметила уникальность научного мероприятия, собравшего на базе лингвистического университета, для которого межкультурная коммуникация является профильным научным направлением, не только учёных, экспертов, но и практиков государственной службы, а также представителей большинства религиозных направлений, представленных в регионе. Такое знакомство и профессиональное общение способствует преодолению стереотипов, содействию реализации свободы совести, межэтническому и межконфессиональному миру.

Теоретическая часть конференции проходила в форме четырёх пленарных заседаний с докладами, сообщениями и дискуссией:

1. «Реализация конституционного принципа свободы совести в современной модели государственно-конфессиональных отношений: российский и зарубежный опыт» - модераторы к.филол.н., доц. О.К. Шиманская (НГЛУ, Нижний Новгород), к.филол.н. Р.Н. Лункин (ст.научн. сотр. Института Европы РАН, директор Института религии и права, Москва);

2. «Религиозное образование в России и за рубежом: история и современность, проблемы и перспективы» - модераторы д.ист.н., проф. С.М. Дударёнок (ДГУ, Владивосток), д.соц.н., проф. Г.С. Широкалова (НГСА, Нижний Новгород);

3. «Вызовы времени в оценках конфессий: религиозная философия, богословие, социальные программы» - модераторы д.ист.н., проф. М.И. Одинцов (начальник отдела по свободе совести Аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ, Москва), д.филол.н., проф. Е.М.Мирошникова (ТГПУ им. Л.Н. Толстого, Тула);

4. «Вызовы времени в оценках конфессий: межконфессиональное взаимодействие, богословский диалог, социальное служение» - модераторы д.ист.н., проф. О.Н. Сенюткина (НГЛУ, Нижний Новгород), к.культ., проф. Н.В. Шабуров (РГГУ, Москва).

В докладе «Светское государство как фактор социальной стабильности и демократического развития общества» М.И.Одинцов выявил основные этапы реализации принципа свободы вероисповедания и свободы совести в российской истории XX-XXI вв., связанные с этим проблемы. И.В.Симонов (к.филос.н., доц.), советник Аппарата полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе проанализировал динамику развития религиозной ситуации в Приволжском федеральном округе. Говоря о современных моделях государственно-конфессиональных отношений в мире, проф. Е.М.Мирошникова отметила амбивалентный характер оформления кооперационной модели государственно-церковных отношений. Четыре тенденции в развитии государственно-конфессиональных отношений отметил майор Омской Академии МВД к.ист.н. доц. А.А.Морозов. О конфликте на религиозной почве как социокультурной проблеме, его возможной ранней диагностике и предотвращению на примере Дальневосточного федерального округа говорила проф. С.М.Дударёнок. Актуальному анализу экологических программ основных религий России посвятил свой доклад директор Центра эко- и биофилософии ИФ РАН д.филос.н., проф. И.К.Лисеев. Палитру мнений об общем и различном в религиозном и религиозоведческом образовании представил директор Центра сравнительного изучения религий РГГУ Н.В.Шабуров. Об исламском образовании как форме социального служения вел речь Абдулбари-хазрат Муслимов. Ряд выступлений (Г.С.Широкалова, И.А.Грошева, И.Л.Грошев, А.В.Аникина, П.Б. Чуприков) был основан на социологических опросах населения, выявивших мировоззренческие ориентиры современной молодёжи, степень религиозности, роль секуляризационных процессов. Многие выступления были выдержаны в духе значения социального служения и межконфессионального взаимодействия как фактора устойчивого и стабильного развития: Е.Б.Поканинова (Советник постоянного представителя Республики Калмыкия при Президенте РФ), О.Н.Сенюткина «Вызовы современного российского общества

нижегородским мусульманам», Е.В.Зайцев «Проблема вестернизации и самобытности в контексте православно-протестантских отношений», О.К.Шиманская «Вызовы современного российского общества и Нижегородская епархия Русской Православной Церкви», О.Ю.Гончаров «Социально-экономическая деятельность Адвентистов седьмого дня в России», Р.Н.Лункин «Монастыри как ячейки гражданского общества: в начале долгого пути преодоления исторических комплексов» и др.

Практическая часть конференции представляла собой непосредственное знакомство с социальными инициативами и достижениями в области реализации социальных программ религиозными организациями Нижнего Новгорода. В храме преподобного Сергия Радонежского (Русская Православная Церковь) ведётся активная работа по социализации глухонемых и слабослышащих, начата работа по адаптации детей с синдромом Дауна – создан семейный клуб, отрабатываются принятые в мировой практике модели их развития, существует консультационный пункт для наркоманов и созависимых и многое другое. Сильной стороной нижегородской мусульманской уммы является не только взаимопомощь, но и активное сотрудничество с нижегородскими учёными, о чём свидетельствуют научные проекты и масштабная деятельность издательства «Медина». Старообрядческое сообщество, в свою очередь, стремится к всемерному развитию и поддержанию уникальной старообрядческой культуры, для чего созданы воскресная школа, хор, сохраняющий традиции знаменного пения. Небольшой приход Римской католической церкви известен в городе своей работой с бездомными, которым в рамках программы «Каритас» предоставляются горячее питание, медицинская помощь, одежда. Активную позицию в социальном служении занимают нижегородские протестанты, оказывающие поддержку детским домам, больницам, заключённым. Летом 2010 г. религиозная организация адвентистов седьмого дня оказывала материальную помощь пострадавшим от пожара в Выксунском районе Нижегородской области. Представители Российского союза христиан веры евангельской ведут большую работу по реабилитации нарко- и алкозависимых. Нижегородская община вайшнавов проводит благотворительные обеды и раздачу продовольственных подарков всем нуждающимся. Таким образом, руководствуясь своим вероучением и законами РФ, религиозные

организации стремятся к активизации своих усилий по преодолению общественных пороков современного мира, они пекутся о слабых, обездоленных, нуждающихся в помощи.

Завершилась работа конференции круглым столом «Актуальные проблемы социального служения религиозных организаций: российский и международный опыт». В работе круглого стола приняли участие учёные, аспиранты, члены студенческого научного дискуссионного клуба «Трибуна», представители Минюста, Аппарата Уполномоченного по правам человека, ГУВД, а также от Нижегородской епархии Русской православной церкви настоятель церкви при Центральной клинической больнице имени Н.А.Семашко, эконоом Печерского Вознесенского монастыря игумен Олег (Осипов), от ДУМНО директор Нижегородского исламского медресе «Махинур» Абдулбари-хазрат Муслимов, от Русской православной старообрядческой церкви директор воскресной школы А.С.Лебедев, от Римской католической церкви и благотворительной организации «Каритас» сёстры Дагмара и Франческа, от евангельских христиан-баптистов старший пресвитер В.П.Козорезов, от пятидесятников пасторы П.А.Рындич, В.Михеев (РОСХВЕ), пастор И.В.Воронин (РЦХВЕ), от АСД пастор В.С.Бахтин и др. Были обсуждены вопросы государственного и общественного содействия в реализации социальных программ религиозных организаций, возможность межконфессионального сотрудничества в этой области, применения международного опыта в социальной деятельности и актуализации социального служения в современной России. Результатом работы конференции стало принятие итоговой резолюции, ознакомиться с которой можно на сайте «Религиозная свобода в Нижегородском регионе».

О.К. Шиманская

**Международная научная конференция «Русский акцент в мировой культуре: литература, искусство, перевод»
Нижний Новгород – Городец, 20-21 мая, 7-9 октября 2010 г.**

Международная научная конференция «Русский акцент в мировой культуре: литература, искусство, перевод», посвященная 30-летию кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, проводилась в юбилейном для кафедры году. 30 лет – крупная дата – свидетельство молодости и зрелости научного коллектива, в работе которого с самого начала была заложена идея межпредметных связей, комплексного подхода к обучению и образованию, что соответствовало направлению развития Горьковского педагогического института иностранных языков, ныне Нижегородского государственного лингвистического университета.

Новым этапом в жизни кафедры стало обращение к теории и практике межкультурной коммуникации. Разработана концепция, основой которой стал системный подход к литературе и культуре, «теория художественного концепта», «характеристика национальных культурных миров». Опираясь на идеи И. Пригожина и Г. Хакена, ученые НГЛУ совместно с исследователями других российских и зарубежных университетов предложили свой взгляд на преподавание новой дисциплины. В разработке программ по межкультурной коммуникации принимали участие ведущие лингвисты НГЛУ – профессор В.М. Бухаров и профессор А.Е. Бочкарев, а также профессор Одесского университета В.Г. Зинченко. За последнее десятилетие, став центром компаративных исследований, кафедра включилась в реализацию масштабного проекта «Восток-Запад», концепция которого принадлежит профессору Г.П. Рябову.

Проблемам компаративистики, межкультурной коммуникации, литературного концепта, художественного перевода, жанра и жанровых метаморфоз в зарубежной и русской литературах была посвящена работа конференции, проводившейся в два этапа. 20-21 мая 2010 года состоялись научные сессии для преподавателей и студентов НГЛУ, на которые были приглашены профессор Н.Т. Рымарь (Самара) с докладом «О границах текста» и профессор А. Вольдан (Вена, Австрия) с докладом по компаративистике «Образ Мазепы в русской и немецкой традициях». 7 октября 2010 открылась

расширенная международная научная конференция «Русский акцент в мировой культуре: литература, искусство, перевод». Об интересе, который вызвала тематика конференции, говорит количество и состав участников - 94 человека; из них 19 профессоров, докторов наук, а также преподаватели, студенты и аспиранты из Нижнего Новгорода, Иваново, Тюмени, Екатеринбурга, Самары, Кирова, Москвы, Санкт-Петербурга, Арзамаса, Одессы (Украина), Вены (Австрия), Хьюстона (Техас, США).

В приветственном слове ректор НГЛУ профессор Б.А.Жигалев отметил, что настоящие научные чтения организованы кафедрой, во многом определяющей современное лицо нашего университета, ставшей центром притяжения научных интересов отечественных и зарубежных специалистов. Преподаватели кафедры успешно сочетают в своей профессиональной деятельности принципы изучения иностранных языков с языками разных искусств; и это важно, поскольку современный специалист, будь то учитель, переводчик или журналист, не может обойтись без так называемого «бокового зрения», - подчеркнул Б.А. Жигалев. Президент НГЛУ профессор Г.П. Рябов поздравил с юбилеем коллектив кафедры и ее руководителя – доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Зою Ивановну Кирнозе, главу научной школы, воспитавшую не одно поколение студентов, аспирантов, высококвалифицированных преподавателей высшей школы. В поздравительном обращении проректора по научной работе профессора Е.С. Гриценко также прозвучала мысль о славных традициях кафедры, умении поддерживать и развивать научную преемственность, о значительном научном потенциале: «Вы всегда были в авангарде научного поиска и начали внедрять инновационные подходы в науке и образовании задолго до того, как в академическом сообществе заговорили об инновациях». Научная конференция, организованная кафедрой при поддержке администрации НГЛУ, дает счастлившую возможность поделиться с коллегами из разных регионов профессиональным опытом.

Вступительный доклад на пленарном заседании был сделан основателем и бессменным заведующим кафедрой профессором З.И. Кирнозе. Особое внимание она уделила истории создания и развития, структурным подразделениям кафедры, теоретическим основаниям ее научных школ – зарубежной литературы и теории межкультурной

коммуникации. За тридцать лет на счету кафедры – восемнадцать кандидатских и четыре докторские диссертации. Более десяти сборников статей, ряд научных монографий, сотни публикаций – солидный научный багаж кафедры. «Но не только это делает ее уникальной, - отметила З.И. Кирнозе. – Можно с уверенностью говорить, что сочетание языка и литературы, литературы с историей и культурой стран изучаемых языков, осуществленное в практической преподавательской работе и в публикациях – явление, единственное в России». Подтверждение тому – высшие награды Министерства образования и науки Российской Федерации и правительств Франции и Австрии.

Прозвучавшие на пленарном заседании доклады профессора А.Е. Бочкарева (НГЛУ) «Знание как концептуальный фон значения» и профессора О.Ю. Полякова (Киров) «Проблема имаготипа в компаративистских исследованиях» носили теоретический характер и открыли научную дискуссию, продолженную в последующие дни. Несомненный интерес вызвал пленарный доклад профессора Н.Ф. Швейбельман (Тюмень) «Образ Франции и французов в книге Н.А. Бердяева «Самопознание». Научное сообщение профессора Швейбельман – яркая страница в ряду мероприятий в стенах НГЛУ, приуроченных к году Франции в России.

Научные штудии возобновились на секционных заседаниях «Проблемы компаративистики» (руководители – проф. Н.Ф. Швейбельман, проф. С.М. Фомин) и «Литературный концепт и художественная реальность» (руководители – проф. В.Г. Зусман и проф. О.Ю. Поляков). Доклады методологического, историко-литературного, прикладного плана были разнообразны по тематике, по языковой и национальной географии. Отрадно и то, что в работе конференции приняли живейшее участие наши уважаемые коллеги из нижегородских университетов: профессор ННГУ И.В. Киреева с докладом на тему «Русско-американский пресс-центр: у истоков трансформации российских СМИ», профессор НГПУ В.А. Фортунатова с докладом «Поэтика акцента как гуманитарная проблема»; профессор Арзамасского педагогического университета Г.И. Родина с докладом «Русская театральная рецепция пьес Г. Зудермана».

8 октября работой секций руководили профессор З.И. Кирнозе, профессор Т.П. Понятина, профессор М.К. Бронич, доцент А.Е.

Лобков. Всеобщее внимание привлек доклад давнего друга и неизменного консультанта кафедры по вопросам краеведения профессора Нижегородской строительной академии Т.П. Виноградовой «Образ русской культуры XIX века в путевых заметках французских писателей». Одновременно состоялись заседания секций «Художественный перевод и межкультурная коммуникация» (руководители – проф. О.Г. Сидорова, проф. О.А. Наумова) и «Жанр и жанровые метаморфозы в зарубежной и русской литературе» (руководитель – доц. С.Н. Аверкина). Бурную полемику вызвал доклад, посвященный проблемам художественного перевода, профессора Уральского государственного университета О.Г. Сидоровой «О статусе переводного художественного произведения в принимающей культуре: варианты трансформаций». В целом в течение двух дней были прослушаны и обсуждены 49 докладов. Следует отметить, что наряду с профессорами и доцентами НГЛУ – З.И. Кирнозе, Т.П. Понятиной, С.М. Фоминым, М.К. Бронич, В.В. Савиной, О.А. Наумовой, Н.Н. Борышневой, Е.Г. Барановой, К.Ю. Кашлявик, К.В. Чайкой, С.Н. Аверкиной, А.Е. Лобковым, В.П. Григорьевой, Э.Б. Акимовым, А.С. Волгиной и специалистами из других вузов – доц. Ю.А. Запороженко (Одесса), доц. А.Р. Ощепковым (Москва), доц. ВШЭ А.В. Сосниным и др., в работе секций приняли участие молодые исследователи Е.А. Комарова (Иваново), Т.П. Сапожникова (Саров), А.М. Надежкин (ННГУ), Т.П. Смирнова, Е.А. Козлова, а также аспиранты НГЛУ, делающие в филологической науке первые уверенные шаги – И.В. Никитина, О.Б. Лукманова, К.Н. Мишина, И.И. Шамов, Е.А. Смирнов, Г.Р. Гарифуллина, студентка переводческого факультета Е.В. Шаталова.

Особым украшением конференции стала презентация проекта книги исследователя из университета Хьюстон (Техас, США) Хелен Манн. Работе над художественной биографией нескольких поколений русских предков, в том числе наших земляков, живших в Нижнем Новгороде на рубеже XIX-XX веков, Х. Манн посвятила несколько лет. Она сотрудничала с ведущими архивами разных стран, посетила мемориальные места, связанные с жизнью ее семьи, история которой, «рассказанная домашним образом», вписана в большую историю ушедшего века. В Нижнем Новгороде американская исследовательница обрела искренних друзей и единомышленников на кафедре зарубежной литературы, получила профессиональную

поддержку в сборе материалов краеведческого, исторического и культурологического характера. Посильную помощь в работе над проектом оказали сотрудники Литературного музея А.М. Горького, Музея истории завода «Красное Сормово», Нижегородской государственной областной научной библиотеки. Научный руководитель музея НГЛУ профессор О.Н. Сенюткина поделилась архивными документами, профессор З.И. Кирнозе – информацией из личного архива. Доклад Хелен Манн «Нижний Новгород глазами русской американки: о былом и настоящем», вызвавший живейший отклик у преподавателей и студентов, присутствовавших на презентации 8 октября, - еще один своеобразный и немаловажный «русский акцент в мировой культуре», созвучный теме конференции.

Насыщенной была культурная программа, включавшая экскурсии в Литературный музей А.М. Горького и Музей НГЛУ, экскурсионные маршруты по Нижнему Новгороду и Музейному кварталу Городца, посещение Городецкого краеведческого музея и музея «Дом графини Паниной», где для участников конференции состоялся концерт вокальной музыки выпускников Нижегородской консерватории (класс проф. Н.Д. Зусман).

Заключительное мероприятие конференции состоялось 9 октября в конференц-зале Городецкого краеведческого музея. В рамках выездного круглого стола выступила профессор Московского педагогического государственного университета М.И. Никола с докладом «Русский след в микроистории Карло Гинзбурга» и профессор Одесского национального университета В.И. Силантьева с докладом «К. Сомов. «Портрет Александра Блока»; Альтман. «Анна Ахматова». Итоговый доклад профессора В.Г. Зусмана «Проблемы современной компаративистики» вызвал активное обсуждение, в котором приняли участие все присутствовавшие на заключительном заседании.

Выступавшие единодушно отметили актуальность научной проблематики конференции, ее концептуальный характер, продуктивность состоявшегося научного форума, наметили перспективы дальнейших научных исследований. По итогам конференции готовится к изданию сборник научных статей «Русский акцент в мировой культуре: литература, искусство, перевод».

О.А. Наумова

**Вторая Всероссийская научная молодежная конференция
«Перевод как фактор развития науки и техники в современном
мире», 8–10 ноября 2010 г.**

Переводческий факультет НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, ассоциированный член Союза переводчиков России, совместно с Нижегородским региональным отделением СПР провел очередную, 2-ю Международную научную молодежную конференцию «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире». В конференции приняли участие, помимо студентов НГЛУ и Липецкого филиала НГЛУ, студенты и молодые исследователи Воронежского государственного университета, Волгоградского государственного университета, Волгоградского государственного педагогического университета, Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Рыбинской государственной авиационной технологической академии, Марийского государственного университета, Удмуртского государственного университета. Приятно, что в этот раз к нам присоединились и активно участвовали в конференции студенты Тюменского государственного университета, причем не только старшекурсники, но и студенты первого курса. Таким образом, география участников конференции весьма широка и охватывает регионы, в каждом из которых действуют отделения СПР. Причем, в Республике Марий-Эл и в Тюменской области отделения совсем молодые, созданные лишь в 2010 году.

Также как и в 2009 году формат конференции был несколько необычным для научных форумов и весьма разнообразным, то есть включал большое количество мероприятий, которые, казалось бы, не вписываются в программу научной конференции. Однако именно в этом и заключается «изюминка» организованного в Нижнем Новгороде события, цель которого – создать представителям разных переводческих школ условия для разностороннего профессионального общения, а не просто для обмена результатами научных исследований, помочь им ощутить себя полноправными членами переводческого сообщества.

Конференция проходила в течение трех дней, и каждый день отличался насыщенностью событиями. 8 ноября состоялось открытие конференции. Участников конференции приветствовала декан переводческого факультета НГЛУ доцент И.Ю. Зиновьева. С

приветственным словом выступил Президент НГЛУ, член СПР профессор Г.П. Рябов. Он отметил возрастающую роль перевода и переводчиков в условиях глобализации и, говоря о проводимой конференции, назвал ее «уже повторяющимся событием». Проректор по научной работе НГЛУ профессор Е.С. Гриценко пожелала участникам плодотворного и приятного профессионального общения. В своем выступлении Председатель Нижегородского регионального отделения СПР В.В.Сдобников отметил, что конференция – это не просто «повторяющееся событие»; ее можно считать хоть и молодой, но все же традицией. По его словам, важность проведения подобного мероприятия определяется тем, что оно дает возможность представителям разных переводческих школ оценить собственный уровень профессиональной подготовки, осознать, над чем следует работать и в чем состоят сильные стороны каждого переводческого центра.

В тот же день был проведен круглый стол на тему «Проблемы интеграции молодых переводчиков в переводческую деятельность». Проведение круглого стола на профессионально значимую тему – это неременный пункт в программе конференции. В этом году организаторы конференции посчитали необходимым обсудить проблемы, с которыми сталкиваются выпускники переводческих факультетов и отделений, вступающие в профессиональную жизнь. Ведь не секрет, что на первых порах они ощущают некоторую неуверенность и в своих силах, и вообще в своей востребованности. Цель круглого стола – объяснить начинающим переводчикам, представителям разных вузов, что их ожидает в профессиональной жизни в ближайшее время, с какими *реальными*, а не вымышленными проблемами они столкнутся и как эти проблемы следует решать. В заседании приняли участие руководители нижегородских переводческих компаний (Центр переводов «Логика», ассоциированный член СПР, переводческая компания «Олег Голюбин»), представители переводческой компании «Янус» (г. Москва), а также переводчики-фрилансеры Валентин Чапанов и Илья Перевезенцев (оба – члены СПР).

Довольно молодые, но уже очень опытные переводчики вспомнили перипетии собственного вхождения в профессию. Из выступления Анны Крыловой, директора нижегородского представительства переводческой компании «Янус», следовало, что

самое главное для начинающего переводчика (особенно если он не имеет специального переводческого образования) – преодолеть собственные страхи и неуверенность, ощущаемые в переводческой работе и в общении с работодателем, сознательно стремиться к освоению новых знаний, без которых качество перевода вряд ли будет высоким или хотя бы приемлемым. Важность такого качества, как стремление к постоянному профессиональному росту, подчеркнул в своем выступлении и Валентин Чапанов. Очень «практичным» было выступление Олега Голубина, который рассказал о тех требованиях, которые переводческие компании предъявляют к переводчикам, о том, что компаниям нравится в переводчиках, а что не нравится. И еще одна важная мысль прозвучала из уст руководителей переводческих компаний Анны Крыловой и Дмитрия Новоселова (Центр переводов «Логика»): переводческие компании не просто готовы сотрудничать с начинающими переводчиками, молодыми выпускниками, но и готовы учить их выполнять требования рынка переводческих услуг. И компании уже делают определенные шаги в этом направлении. Так, компания «Янус» готова принимать студентов на оплачиваемые стажировки, а Центр переводов «Логика» разработал программы обучения начинающих переводчиков и уже осуществляет, совместно с переводческим факультетом НГЛУ, одну из них. На очереди - программа дистанционного обучения переводчиков. Разработанные «Логикой» программы можно сравнить с программами повышения переводческой квалификации или переподготовки, цель которых – помочь молодым «влиться» в профессию.

Разумеется, участники не обошли вниманием и вопрос ценообразования на переводческие услуги на рынке. Общая рекомендация молодым переводчикам – не гоняться за высокими ценами. Работа на рынке – это прежде всего опыт и возможность заявить о себе как о грамотном переводчике. Будет репутация – будут и хорошо оплачиваемые заказы. Во второй половине дня гости Нижнего Новгорода имели возможность познакомиться с городом, с его историей и достопримечательностями.

Во второй день конференции прошел конкурс устного (последовательного) перевода английского и немецкого языков и деловая игра «Работа переводчика на конференции». В конкурсах устного перевода приняли участие студенты Тюменского

государственного университета, Удмуртского государственного университета, Марийского государственного университета, Воронежского государственного университета, Волгоградского государственного университета, Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Липецкого филиала НГЛУ и, разумеется, хозяева мероприятия – студенты НГЛУ им. Н.А.Добролюбова. В этом году состав участников конкурса получился довольно многочисленным – 23 человека. В конкурсе устного перевода английского языка первые два места заняли студентки переводческого факультета НГЛУ Екатерина Тонкова и Валерия Массёрова, а студентка Волгоградского государственного университета Кристина Косова заняла третье место. В конкурсе устного перевода немецкого языка призерами стали студенты переводческого факультета НГЛУ им. Н.А.Добролюбова. По результатам конкурсов победители получают оплачиваемую стажировку в переводческой компании «Янус» (г.Москва).

Приятно отметить, что практически все студенты продемонстрировали достаточно развитые навыки устного последовательного перевода, что свидетельствует, во-первых, о том, что в региональных переводческих центрах серьезно относятся к профессиональной подготовке переводчиков и, главное, имеют возможность обеспечивать ее высокий уровень, включая наличие методического опыта, и, во-вторых, во многих вузах есть способные и, может быть, даже талантливые студенты, из которых в будущем вырастут классные специалисты.

Организованный в форме деловой игры форум предоставил возможность двенадцати студентам-переводчикам из НГЛУ, а также из университетов Волгограда, Липецка, Тюмени и Санкт-Петербурга продемонстрировать свои навыки перевода на иностранные языки. В качестве модераторов – участников форума выступали преподаватели переводческого факультета НГЛУ и студенты и преподаватели из Франции и Австрии. В отличие от других подобных мероприятий студенты не были знакомы с текстами выступлений заранее.

«Самым сложным, несомненно, был перевод текстов о молодежных организациях, которых мы предварительно не видели», - поделилась своими впечатлениями Анна Чернышова, студентка пятого курса отделения французского языка переводческого факультета НГЛУ.

Ирина Зиновьева, декан переводческого факультета НГЛУ, в целом осталась довольной работой студентов-переводчиков. «Мы

проводим подобные деловые игры, чтобы смоделировать реальные ситуации и помочь студентам отточить свои знания и умения, а преподавателям проанализировать ошибки, над которыми мы вместе будем работать», - подвела итоги форума декан переводческого факультета. – «Нам есть ещё к чему стремиться, но первые шаги сделаны».

Программа второго дня конференции завершилась мастер-классом на тему «Основные принципы переводческой скорописи», который провела переводчица из Австрии Вера Ахамер. Присутствовавшие на мастер-классе студенты и преподаватели признали большую практическую ценность выступления опытной переводчицы. Интересный момент: Вера Ахамер говорила действительно об основах переводческой скорописи, то есть о том, о чем студентам говорят во всех центрах подготовки переводчиков. Но информация из уст профессионала воспринималась студентами как своего рода откровение, убеждающее в необходимости осваивать скоропись для обеспечения высокого качества последовательного перевода. Воистину, «нет пророка в своем отечестве», но тем более важным представляется участие иностранных специалистов в подобных мероприятиях с точки зрения формирования у студентов профессионального отношения к переводу.

Третий день конференции был посвящен конкурсу научных работ. Конкурс проводился в форме презентации результатов научных исследований, проводимых студентами и аспирантами. Участники представили 50 докладов переводоведческой проблематики в четырех языковых секциях. Среди участников были не только студенты старших курсов, но и совсем юные исследователи – студенты первого курса Тюменского госуниверситета. Одна из них, Оксана Ануфриенко, даже заняла первое место на конкурсе научных работ в секции «Актуальные проблемы теории и практики перевода (английский язык)». Несомненно, важно как можно раньше приобщать студентов к научным исследованиям, поскольку это обеспечивает высокий уровень теоретической подготовки специалистов и позволяет формировать у них правильное, осознанное отношение к переводческой профессии.

Невозможно не обратить внимание на один интересный момент: значительная часть докладов была посвящена проблемам художественного перевода, по изучению того вида перевода,

которому, как правило, на переводческих факультетах и отделениях вузов не обучают практически. Вспоминается дискуссия во время проведения 3-й летней школы СПР (г.Руза) на тему «Художественный перевод в вузе: миф или реальность». Можно долго обсуждать вопрос о том, в какой форме целесообразно приобщать студентов к художественному переводу и надо ли вообще это делать. Но нет сомнения в том, что проведение теоретических исследований в области художественного перевода является неотъемлемой частью подготовки студентов, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение» (в конце концов, переводоведение – это исследование не только проблем специального перевода, но и проблем перевода художественного). Без этой составляющей, реализация которой уместна в форме именно теоретических исследований, образование специалиста-переводчика вряд ли можно считать законченным и совершенным.

В качестве материального результата конференции подготовлен сборник научных статей «Проблемы языка и перевода в трудах молодых ученых» (выпуск 5), изданный переводческим факультетом НГЛУ. Для некоторых участников конференции это уже вторая публикация в данной серии, в частности, для студента Рыбинской государственной технологической академии им. П.А.Соловьева Максима Панкратова, занимающегося вопросами использования новых информационных технологий в переводческой деятельности.

В целом можно отметить большую заинтересованность студентов в участии в конференции, типично молодежный задор и энтузиазм, привнесенные в дискуссии и обсуждения профессионально значимых вопросов. А самое главное – это то непринужденное общение и та творческая атмосфера, которые возможны, пожалуй, только на молодежных форумах.

Следующая, 3-я Всероссийская научная молодежная конференция «Перевод как фактор развития науки и техники в современном мире» пройдет в ноябре 2011 года.

*В.В.Сдобников,
Председатель Нижегородского
регионального отделения СПР*

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 12

Редакторы: Л.П. Шахрова
Н.И. Морозова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 24.12.2010

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 14

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а